

Оглавление¹

Подсекция «Русский язык»

Фонетика, графика, орфография русского языка

<i>Александрова А.Ю.</i> Основные трудности усвоения произношения русских гласных в арабской аудитории.....	7
<i>Байрамова Ф.О.</i> О выявлении речевых характеристик говорящего.....	9
<i>Дэн Цзе.</i> Артикуляционные различия русских и китайских гласных звукотипов (опыт сопоставления в целях анализа китайского акцента в русской речи).....	12
<i>Игумнова Ю.А.</i> О редукции [у] в современном русском литературном языке.....	14

Грамматика и синтаксис

<i>Аветян Н.К.</i> «Когда» в сложноподчиненных предложениях с актуальной и дисактуальной пропозицией.....	17
<i>Бабаскина Е.Г.</i> Структура синтаксической семантики соединительно-ограничительных сложносочиненных предложений.....	20
<i>Белова Н.А.</i> О некоторых возможностях разграничения текстовых функций дериватов и словообразовательных средств.....	21
<i>Боровиков А.А.</i> Развитие субъектной перспективы в семантической структуре мутационного глагола в истории русского языка	23
<i>Боряева Л.М.</i> Омонимия предлогов, префиксов и наречий в свете теории синтаксических валентностей.....	25
<i>Горицкая О.С.</i> Замена личных местоимений <i>я</i> и <i>ты</i> существительными: синтаксис и прагматика.....	28
<i>Дулина А.Н.</i> Категория простых предложений с временными реляторами в современном русском языке.....	30
<i>Зорин Р.А.</i> Верификация правильности выделения значений творительного беспредложного.....	33
<i>Конг Сун Янг.</i> Фразеологические глагольно-именные словосочетания и описательные предикаты в научном стиле речи.....	35
<i>Короткова А.В.</i> Генитив в системе средств выражения семантики посессивности.....	37
<i>Лабунская Т.Ю.</i> К вопросу о числе сказуемого при подлежащем, выраженном словом «ряд» и зависимым существительным	39
<i>Мамечков С.Г.</i> Семантическая значимость грамматической категории рода в русском языке (с позиций функционального и иных подходов).....	41

¹ Внимание! Страницы электронной версии не совпадают со страницами опубликованного сборника секции «Филология»!

<i>Мареева Ю.А.</i> Система русских темпоральных наречий в зеркале новогреческого языка.....	44
<i>Новикова Н.И.</i> Роль «контактных» слов в бессоюзном сложном предложении.....	46
<i>Онипенко О.С.</i> Деепричастие. Наречие. Таксис (к семантике глагола <i>знать</i>).....	48
<i>Павлова В.М.</i> Релятивы, оценивающие достоверность / недостоверность высказывания, в мемуарном тексте монтажного типа (на материале мемуаров А.С. Демидовой «Бегущая строка памяти»).....	50
<i>Пак Кын Хе.</i> Включение иноязычных заимствований в систему русского словообразования.....	53
<i>Соловьева И.В.</i> Оценка европейского влияния на русистику в публицистике XIX в.....	55
<i>Столярова В.Н.</i> Семантика дейктических слов <i>здесь</i> и <i>тут</i>	57
<i>Ткачев И.Ю.</i> Сочетаемость с наречием постепенно как показатель «накопления эффекта».....	59
Лексикология, лексикография, когнитивная семантика, язык художественной литературы, текст, стиль, дискурс	
<i>Афанасьева О.В.</i> Особенности словарной дефиниции словосочетаний с культурным компонентом значения.....	62
<i>Балдова М.А.</i> Взаимодействие национальных авто- и гетеростереотипов и средства их отображения в переводных фильмах (на примере образа английского дворецкого).....	64
<i>Башикатова Д.А.</i> Представление о моде в научном идиолекте (на примере идиолектов Александра Васильева и Ольги Вайнштейн).....	67
<i>Белкина А.А.</i> Глагол <i>вредить</i> : вопрос о количестве значений.....	69
<i>Белов В.А.</i> Об особенностях пропозиционального содержания художественного текста (на материале романа А. Белого «Петербург»).....	71
<i>Воронцов Р.И.</i> О двух видах перехода собственных имен в нарицательные.....	74
<i>Выходцева И.С.</i> Концепт «свой – чужой» в советской словесной культуре.....	76
<i>Глушкова Н.Г.</i> Репрезентация концепта «детство» во фразеологическом, афористическом и паремиологическом фонде русского языка.....	78
<i>Гулидова Е.Н.</i> Сопоставительный анализ системы значений русских и французских темпоральных наречий.....	81
<i>Демушов К.Г.</i> Понятие «парапсихология» в современных толковых словарях русского языка.....	83
<i>Дронов П.С.</i> Некоторые аспекты варьирования идиом: ввод в состав идиомы кванторных и дейктических компонентов (по материалам корпусов текстов).....	86

<i>Ефремов В.А.</i> Вербализация концепта 'мужчина' в русской языковой картине мира начала XXI века.....	88
<i>Кац Е.А.</i> Типы зрительного восприятия в идиолекте Георгия Иванова и их динамика.....	90
<i>Кожевникова Н.Л.</i> Наименования свойств личности и их психологические свойства.....	92
<i>Коростелева А.А.</i> Проблема коммуникативной интерпретации переводного фильма в русском и ирландском языках.....	95
<i>Куприенко М.С.</i> Особенности бытования научных текстов в сети Интернет.....	96
<i>Лукьянова Е.А.</i> Топонимикон Владимирской области как отражение языковой картины мира.....	99
<i>Майоров Г.В.</i> О понятии металексемы в связи проблемой изучения лингвистического метаязыка.....	101
<i>Набиуллина О.З.</i> Аудитивный ономастический эксперимент как средство выявления содержательной характеристики артионима	104
<i>Плетнёва Д.В.</i> Языковые трансформации в Интернет-коммуникации.....	106
<i>Поспелова Е.Г.</i> Влияние развития семантики имени существительного <i>патриот</i> на его прагматику в современном русском языке.....	108
<i>Проскурина А.В.</i> Словообразовательный тип «С+-ИН(а) как единство потенциального и реализованного.....	110
<i>Садохова М.В.</i> Приемы актуализации семантических компонентов в тексте (на примере номенклатурных названий).....	113
<i>Самойлова И.В.</i> Речевой жанр благодарности в научной коммуникации.....	115
<i>Скибина В.Н.</i> Употребление и значение русских существительных, обозначающих пол и возраст, в XIX и XX вв.....	117
<i>Смольякова М.А.</i> Языковые особенности литературных игр в Рунете (на примере игры «Танкетки»).....	119
<i>Трапезникова А.А.</i> Ассоциативный эксперимент как метод выявления эффективности эргонима в городской среде.....	121
<i>Хохряков В.В.</i> Об истории слова <i>пошлый</i> и его дериватов до середины XIX в.....	124
<i>Цивилева А.В.</i> Проблема диахронического изучения языковой картины мира (на материале существительных ЛСГ «стихия»).....	126
<i>Ши Ся.</i> Особенности лексического заимствования из китайского языка в русский.....	128
<i>Якоби Т.В.</i> Вербализация концепта «любовь» в рассказах А.П. Чехова.....	130

История русского языка

<i>Гашина М.В.</i> Прошедшее время несовершенного вида в языке Онежских былин и славянский имперфект.....	132
<i>Глазова О.А.</i> Некоторые тенденции развития судебной лексики в памятниках деловой письменности русского языка XI–XVII вв.....	134
<i>Долгова Д.А.</i> Особенности формообразования глаголов типа <i>колоть, тереть</i> в истории русского языка.....	137
<i>Зубкова А.В.</i> Об одной конструкции с союзом <i>а</i> в летописях XV–XVI вв.....	139
<i>Зуева О.В.</i> Корреляция интенционального и структурно-стилистического параметров древнерусского эпистолярного текста	141
<i>Кислова Е.И.</i> Редакторская работа над проповедью в Синодальной типографии в середине XVIII в.....	144
<i>Комышкова А.Д.</i> Состав и функционирование неместоименных определительных наречий в Вологодско-Пермской летописи	145
<i>Краюшкин И.Е.</i> Организация сложного предложения с инфинитивной безличной конструкцией при глаголах речи и глаголах со значением ‘решить’, ‘дать обязательство’ в древнерусских летописях.....	148
<i>Меркулова А.А.</i> Мена звуков [е]/[и] под ударением в некоторых архангельских говорах XVII века.....	150
<i>Михалева О.В.</i> «Азбуковник» В.И. Григоровича как источник для изучения разговорного языка Московской Руси XVII века.....	152
<i>Мраморнова О.Г.</i> Особенности системы глагольных времен «Жития Василия Нового» в обработке Софрония Врачанского.....	154
<i>Муравьева М.В.</i> Частицы как средство выражения субъективной оценки в сочинениях протопопа Аввакума.....	156
<i>Панова С.И.</i> Русская редакция Диатаксиста патриарха Филофея Коккина. Вопрос об авторстве митрополита Киприана.....	157
<i>Пенькова Я.А.</i> Императив от основы <i>буд-</i> в памятниках древнерусской письменности XII–XIV вв.....	159
<i>Подшивалова Е.А.</i> Грамматическая норма письменного языка в представлении книжника XVII в.....	161
<i>Родионова А.В.</i> Формы аориста с приращением в Рогожском летописце в связи с текстологической структурой памятника.....	164
<i>Рожкова А.В.</i> Жанрово-стилистическое функционирование причастных конструкций в древнерусской гимнографии.....	166
<i>Русакова Ю.М.</i> Источниковедческий анализ текстов древнерусских фальси-фикатов (на примере изучения «грамоты» Андрея Боголюбского 1159 г.).....	168
<i>Седова А.Е.</i> Процессы словообразования прилагательных и существительных в текстах «Вестей-курантов» 1600–1639 гг.....	172

<i>Турцова Е.Д.</i> Отадъективные субстантиваты со значением лица в тексте Путятиной минеи.....	174
<i>Хомяков Ю.А.</i> Выражение пространственных отношений предположно-падежными конструкциями в приказном языке XVII века.....	176
<i>Чурляева Т.А.</i> Явления интерференции в «Парижском словаре московитов».....	177
<i>Юрьева И.С.</i> То вѣси ли, что ти днесь хочеть быти? (Семантика конструкций «хочю + инфинитив» в языке древнерусских летописей).....	178
Этимология	
<i>Ефимова А.В.</i> История слов с корнем *kotr- в русском и других славянских языках.....	181
<i>Мельникова С.А.</i> О сближении значений «болезнь» и «плохая погода» в русских говорах.....	183
<i>Турилова М.В.</i> К вопросу о взаимодействии этимологических гнезд.....	186
<i>Ушакова А.А.</i> Формирование значения обмана у слов с семантикой звукообозначения.....	187
<i>Шалаева Т.В.</i> Об одной редкой словообразовательной модели (суффиксы -ас, -ос и -ус).....	189
Диалектология	
<i>Горячева Ю.В.</i> Об одной фонетической особенности рязанского говора (нефонематические гласные в говоре дер. Деулино)	191
<i>Григорьева Е.А.</i> Диалектизмы с архисемой 'злой дух' в лингвокультурном освещении.....	193
<i>Коконова А.Б.</i> Антонимичные семантические области 'рождение' и 'смерть' (на материале архангельских говоров).....	195
<i>Котова М.В.</i> Особенности форм имен существительных женского рода единственного числа в говоре села Городище.....	198
<i>Панина Ж.А.</i> Атрибутивные сочетания со словом праздник в архангельских говорах.....	200
<i>Смирнова Ю.В.</i> О сходстве условий развития некоторых процессов в истории вокализма русских говоров.....	203

РУССКИЙ ЯЗЫК

ФОНЕТИКА, ГРАФИКА, ОРФОГРАФИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Основные трудности усвоения произношения русских гласных в арабской аудитории

Александрова Анна Юрьевна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Арабский литературный язык (далее – ЛАЯ) – один из немногих языков, в которых система вокализма беднее, чем в русском. По тембровым характеристикам в нем различаются лишь три гласных. Этот факт значительно усложняет процесс усвоения арабами русского вокализма.

И русские, и арабские гласные противопоставлены по подъему, по ряду и по наличию/отсутствию лабиализации. Особенностью арабских гласных по сравнению с русскими является то, что они противопоставлены также по долготе/краткости.

Русские и арабские гласные представлены в сводной таблице, где русские гласные обозначены обычным шрифтом, арабские – курсивом:

Таблица 1. Система русских и арабских гласных

ряд	перед-	средний	задний
Подъем	ний		
Верхний	и i/i:		у u/u:
Средний	Е		о
Нижний		а a/a:	
	нелабиализованные		лабиализованные

Как видно, в ЛАЯ почти в два раза меньше фонем, противопоставленных по ряду и подъему, чем в русском языке. В результате в арабском акценте смешиваются русские гласные, близкие по тембровым характеристикам.

В ЛАЯ, в отличие от русского языка, нет фонем среднего подъема /e/ и /o/. К русскому [e] ближе всего стоит арабский [i], практически совпадающий с русским [и]. Арабы с трудом различают на слух такие слова, как *тил* и *пел*, *бил* и *бел*. «Провокационную» роль в данном случае играет неоднородность русских гласных, которые после мягких согласных произносятся как дифтонгоиды: *сел* [с^нел]. Напротив, в ЛАЯ гласные всегда «чистые»: при их произнесении язык и губы от начала до конца остаются неподвижными [Gairdner: 35]. Как следствие возникают ошибки типа **хот*[i]л (*хотел*), **б*[i]льий (*белый*).

В арабском языке не противопоставлены лабиализованные гласные верхнего и среднего подъема, поэтому в акценте смешиваются русские гласные [o] и [y], причем не только [y] появляется на месте [o] (**n*[y]сле (*после*)), но и, что гораздо чаще, [o] на месте [y], так как в ЛАЯ после многих согласных, в частности после /b/, /m/, /f/, /t/, /d/, /c/, /z/, /n/, глас-

ный /u/ реализуется звуком, близким к русскому [o] [Пацына, Квасков 2003]. Ср.: *вкл[o]чает (включает), *з[o]ляет (гуляет).

Арабские гласные имеют большое количество аллофонов; их позиционное варьирование, так же, как и в русском языке, обусловлено, главным образом, левым консонантным контекстом, что во многом облегчает работу над русским произношением в арабской аудитории.

Одним из аллофонов арабской фонемы /a/ʌ/a:/ является звук [ä]\[ä:] – гласный переднего ряда средне-нижнего подъема. Он произносится после большинства нефарингализованных арабских согласных, в частности губных и зубных, которые занимают среднее положение между соответствующими русскими твердыми и мягкими согласными [Ковалев, Шарбатов: 15]. С одной стороны, этот факт создает условия для положительного переноса: сходный звук произносится в словах типа *пять, дядя*. С другой стороны, звук [ä]\[ä:] частично сходен по тембровым характеристикам с [e], поэтому нередко на месте русского [e] после мягких согласных арабы произносят звук [ä]: *ð[ä]вушка (девушка).

Следует добавить, что в арабском языке долгий /a:/ после слога с /i/ʌ/i:/ и перед ним реализуется как [e:]. В результате арабы на месте русского ударного [a] после мягких согласных произносят звук типа [e], если слог с гласным переднего ряда предшествует ему или следует за ним: *себ[e] (себя).

Особое внимание в курсе русской фонетики для арабов следует обратить на позиционные реализации русских гласных. Как известно, специфику русского вокализма составляет наличие гласного [ы], который можно рассматривать как позиционную реализацию фонемы /и/ после твердых согласных. В арабском языке сходные звуки [ɨ]\[ɨ:] – комбинаторные варианты фонем /i/ʌ/i:/ – употребляются после фарингализованных согласных. Таким образом, сочетание «твердый согласный + [ы]» в русском языке соответствует сочетанию «фарингализованный согласный + [ɨ]\[ɨ:]» в арабском языке, а сочетание «мягкий согласный + [и]» – сочетанию «нефарингализованный согласный + [i]\[i:]». При этом сочетание «твердый согласный + [ы]» в русском языке занимает промежуточное положение между указанными сочетаниями в арабском языке. По этой причине оно по-разному может передаваться в акценте:

1. Как сочетание «нефарингализованный согласный + [i]»: *ti]сяча (тысяча), *y[ɨ]бка (улыбка);

2. Как сочетание «фарингализованный согласный» + [ɨ]: *tʰɨ] (ты), *sʰɨ]р (сыр). В основном это касается сочетаний [ы] с [т], [д], [с], [з], так как в ЛАЯ именно зубные шумные согласные имеют фарингализованные корреляты.

Трудным для арабов является сочетание [х'и]. В арабском языке имеется звук, сходный с русским [х]: увулярный щелевой глухой твердый [χ], после которого /i/ʌ/i:/ реализуются звуками [ɨ]\[ɨ:], поэтому на месте русского [х'и] арабы произносят сочетание «увулярный [χ] + [ɨ]»: *χɨ]мия (химия), *ду[χɨ] (духи).

Важной особенностью функционирования русских гласных является качественная редукция в безударных слогах. Для ЛАЯ качественная редукция не характерна, однако она встречается в диалектах арабского языка, где безударные краткие гласные часто реализуются звуком [ə] [Gairdner: 44]. Таким образом, само явление редукции знакомо арабским учащимся, что облегчает для них процесс усвоения русского произношения.

Наличие фонологической оппозиции арабских гласных по долготе/краткости также важно учесть в ходе обучения русскому произношению. Краткие гласные арабского языка часто безударны и в беглой речи могут подвергаться выпадению. Ассоциируя свои краткие гласные с редуцированными гласными русского языка, которые также безударны и значительно уступают гласным полного образования в длительности, арабы часто не произносят, а иногда – и не пишут безударные гласные в русских словах. Ср.: **пожал*[ist] – **пожалист* (*пожалуйста*), **родстве*[nk]и – **родственки* (*родственники*).

Выше были отражены наиболее общие проблемы, с которыми сталкиваются арабы при усвоении русского вокализма. Следует отметить, однако, что в арабском языке имеет место явление диглоссии. Все образованные арабы владеют ЛАЯ, но область его применения ограничена официальным письменным и устным дискурсом. В остальных случаях арабы пользуются одним из диалектов. В диалектах может быть представлен иной, чем в ЛАЯ, набор гласных фонем. Таким образом, в формально однородной в языковом отношении аудитории учащиеся из разных арабских стран сталкиваются с различными трудностями. Этот факт необходимо учитывать преподавателю в процессе работы, однако более подробное его рассмотрение – предмет отдельного исследования.

Литература

- Ковалев А.А., Шарбатов Г.Ш.* Учебник арабского языка. 4-е изд. М., 2004.
Пацына В.Л., Квасков В.Д. Атлас фонетики и графики арабского языка. М., 2003.
Gairdner W.H.T. The phonetics of Arabic. A phonetic inquiry and practical manual for the pronunciation of Classical Arabic and one of the colloquial (the Egyptian). London, 1925.

О выявлении речевых характеристик говорящего

Байрамова Фируза Оруджевна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Исследование речевого поведения человека является одним из активно разрабатываемых направлений современной лингвистики. При этом она использует данные других дисциплин (психологии, социологии, физиологии и др.) и вместе с тем обогащает эти научные области. Результаты лингвистических исследований востребованы в самых разных сферах, в том числе в криминалистической практике. Речь как источник информации о человеке играет большую роль в решении практических задач идентификации и диагностики личности фигуранта.

В круг вопросов, представляемых на разрешение эксперту-лингвисту, могут входить такие, как оценка эмоциональности речи говорящего, которая, в свою очередь, позволяет сделать предположения о его психофизиологическом состоянии. Уже выявлен ряд речевых параметров, служащих надежным «детектором» отклонения от нормального состояния говорящего (под нормальным состоянием мы понимаем здесь превалирование в речи смыслового (денотативного) над эмоциональным) (см., в частности, [Потапова, Потапов: 307–324]). Изменения психофизиологического состояния проявляются на разных уровнях языка по-разному. Так, например, синтаксис, в противоположность лексике, не передает характера эмоции (гнев, радость, удивление и т. п.), но четко реагирует на ее наличие или отсутствие (см. обзор в работе [Нушикян: 35]). Просодическое оформление реплик несет в себе важную информацию о психофизиологическом состоянии говорящего, однако достоверно определить, какие параметры и каким образом «реагируют» на изменения этого состояния, на сегодняшний день не представляется возможным, хотя некоторые общие закономерности выявлены. Например, эксперимент Л.В. Златоустовой показал, что невозможно однозначно диагностировать то или иное эмоциональное состояние; однако было выявлено, что негативные эмоции вызывают снижение формантных частот, а положительные – повышение (см. [Михайлов, Златоустова: 141–148]).

Таким образом, анализ речевого материала с целью диагностики психофизиологического состояния говорящего представляет собой сложное исследование. Однако для решения конкретных задач в экспертной практике требуется точно оценить и наглядно показать, каким образом речевые параметры изменяются в зависимости от ситуации говорения. В данной работе предпринята попытка найти способ оценки эмоциональности речи, который не только был бы научно обоснованным, но и практически применимым в экспертных методиках для получения надежных результатов.

Просодическая организация речи ярко демонстрирует то или иное психофизиологическое состояние говорящего. При этом весьма показательны временные характеристики речевого сигнала. Так, увеличение количества и длительности пауз свидетельствует об эмоциональной напряженности говорящего (см. о результатах эксперимента Э.Л. Носенко в работе [Ильин: 78]). Вопрос об изменениях временной организации речи ставился и в исследовании Э.А. Нушикян. Она рассматривала различные соотношения между длительностью фраз и пауз и показала, что прямого соответствия между длительностью фраз и последующих пауз нет, однако было выявлено, что эмоциональное состояние говорящего влияет на временную организацию его речи и проявляется в изменении соотношения длительности пауз и фонационной деятельности [Нушикян: 89]. Показателем соотношения назван параметр относительной информационной длительности, который рассчитывается путем сложения времени фонации и длительности пауз и деления этой суммы на длительность пауз. По данным

Э.А. Нушикян, при переходе к эмоциональной речи данный показатель снижается по сравнению с нейтральным произнесением. Таким образом, можно получить относительную количественную оценку эмоциональной насыщенности речи говорящего в разных ситуациях говорения.

Мы применили данный способ относительной оценки эмоциональности речи в анализе оцифрованных аутентичных фонограммах по одному уголовному делу из архива лаборатории судебной экспертизы видео- и звукозаписи Российского Федерального центра судебной экспертизы при Минюсте РФ. Они представляют собой три фонограммы с исходными записями (телефонные разговоры с участием одного фигуранта – записи №№ 1–3) и одну фонограмму с записью образца речи (запись-образец – это беседа фигуранта со следователем, которая проводилась полтора года спустя после записи исходных фонограмм); общая продолжительность записанного речевого материала составила примерно 42 минуты. В ходе проведенной экспертизы было установлено тождество голоса на представленных фонограммах. Психофизиологическое состояние говорящего как в исходных записях, так и в записи-образце напряженное, однако в беседе со следователем речь фигуранта воспринимается как более эмоционально насыщенная.

Мы удалили все паузы (незаполненные и заполненные, т. е. паузы хезитации), предварительно измерив их. Затем мы определили длительность фонации и длительность пауз и рассчитали значение параметра информационной длительности. Данный показатель оказался ниже всего на записи-образце (2,27), что наглядно демонстрирует сильное эмоциональное напряжение в беседе со следователем. Показатель информационной длительности на записи-образце ниже примерно в 1,5 раза, чем на исходной записи №1 (он составил 3,92), в 2,5 раза, чем на записи №2 (показатель составил 6,21) и в 3 раза, чем на записи №3 (значение параметра 7,6). Таким образом, «услышанное» различие в напряжении можно перевести в цифры и представить как относительную оценку эмоциональности речи.

На этом основании представляется целесообразным измерять значения показателя информационной длительности в криминалистической практике для диагностики психофизиологического состояния говорящего, поскольку он позволяет объективно оценить степень эмоциональной насыщенности речи говорящего. Безусловно, это решение не исчерпывает всей сложности задачи, но позволяет наглядно представить перцептивное восприятие эмоциональной речи.

Литература

- Ильин Е.П.* Психофизиология состояний человека. СПб., 2005.
Михайлов В.Г., Златоустова Л.В. Измерение параметров речи / Под ред. Сапожкова М.А. М., 1987. С. 141–148.
Нушикян Э.А. Типология интонации эмоциональной речи. Киев; Одесса, 1986.
Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. М., 2006.

**Артикуляционные различия русских и китайских гласных
звукотипов (опыт сопоставления в целях анализа китайского акцента в
русской речи)**

Дэн Цзе

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Для практической фонетики исключительно важным является сопоставление особенностей артикуляционной базы звуков двух контактирующих языков. В данной работе мы предлагаем сопоставительный анализ русских и китайских гласных звукотипов в целях изучения причин отклонений в интерферированной русской речи китайцев.

Как известно, выделяют шесть основных русских гласных звукотипов. Их принято классифицировать: 1) по ряду – горизонтально, 2) по подъему – вертикально и 3) по положению губ. В русском языке к гласным верхнего подъема относятся [и], [ы], [у]; к гласным среднего подъема – [э], [о]; к гласным нижнего подъема – [а]. Гласные делятся на лабиализованные ([о], [у]), и нелабиализованные ([а], [э], [и], [ы]). Лабиализованные гласные являются гласными заднего ряда, гласные [а] и [ы] – среднего ряда, гласные [э], [и] – передние гласные. В русском языке нет дифтонгов, однако, наряду с монофтонгами система русского вокализма содержит дифтонгоиды. Типичными дифтонгоидами являются русские гласные [о] и [ы].

Иностранцы, особенно те, в родных языках которых есть дифтонги, в отличие от русских слышат дифтонгоидность [о] и [ы] и достаточно часто утрируют ее в своем произношении. Сказанное вполне можно отнести к китайцам. Правда, следует уточнить, что усиление дифтонгоидности русских гласных звуков происходит в китайском акценте лишь в определенных сочетаниях: например, дифтонгоидность [о] утрируется после заднеязычных согласных, но не утрируется после губных.

Как известно, артикуляционная база гласных русского языка характеризуется наличием большого вокалического «пространства» (ср. переднюю артикуляцию [и] и заднюю артикуляцию [у], [о]), неоднородным характером всех гласных, кроме [и], в позиции после мягких согласных, активной работой губ. Важен также дифтонгоидный характер указанных русских гласных.

Для описания звукового строя китайского языка важны два основных понятия: инициаль и финаль. Они представляют собой две составляющие китайского слога. Существуют разные определения финали. В настоящей работе мы предлагаем понимать под финалью последнюю часть слога, содержащую как обязательный компонент гласную звуковую единицу. Финали делятся на простые и сложные, состоящие из двух или нескольких звуковых единиц.

Анализ финалей позволяет выделить в китайском языке десять гласных: [a], [ɑ:], [Φ], [i:], [u:], [y], [P], [∇], [↔♦] и [ε]. Последний гласный имеет особенность: он никогда не образует самостоятельную финаль,

присутствуя лишь в составе дифтонгов и выступая, таким образом, только в «связанном» виде.

Гласные китайского языка, так же как и гласные русского языка, определяются по признакам ряда, подъема и лабиализации. При этом в отличие от русского языка лабиализованными гласными в китайском языке могут быть не только гласные заднего ряда, но и гласные переднего ряда.

Следует, прежде всего, выделить гласные звуки, сходные в русском и китайском языках – это русские [а], [о], [и], [у] и соответственно китайские [а], [Ф], [i:], [u:]. Необходимо, однако, подчеркнуть, что русский [у] характеризуется большей степенью лабиализации, чем китайский [u:]. Русский [о], как уже говорилось, – дифтонгоид, в отличие от китайского монофтонга [□:]. При произнесении русских [у] и [о] китайцами можно ожидать отклонения, связанные с недостаточной лабиализацией [у] и слишком «чистым» звучанием [о] или, наоборот, утрированием его дифтонгоидного характера.

Особые трудности у китайцев, изучающих русский язык, вызывает произнесение звуков [э] и [ы]. Звук [э], на первый взгляд, имеет соответствие в китайском языке, но это соответствие кажущееся. В статье «Фонология на службе обучения произношению неродного языка» А.А. Реформатский писал о том, что самый опасный момент при изучении языков – это найти «похожее» и принять его за «то же». Соотношение русского [э] и китайского [ε] является иллюстрацией к этому положению.

Многие китайцы произносят русский [э] как дифтонг. Это объясняется так: в китайском языке гласный [ε] имеет особый статус. Он наблюдается лишь в финалях типа **ei** [εi9], **ian** [i9εn] и т. д. Вне сочетания с неслоговым [i9] китайцу трудно произнести этот звук. В результате на месте русского [э] китайцы произносят либо [εi9] (например, *это* [ε'i9ть], *поэт* [пaь'εi9т]), либо [Θi9] (например, *это* [Θi9ть], *поэт* [пaь'Θi9т]). Причины замены [ε] на [Θ] не вполне понятны. Однако в любом случае без специальной тренировки китайцы не могут произнести передний нелабиализованный гласный среднего подъема без сопутствующего ему в постпозиции [i9]. Положение осложняется тем, что русский [э] может иметь дифтонгоидную природу в соседстве с мягкими согласными. В этом случае он воспринимается китайцами как дифтонг. Следует, кроме того, добавить, что китайский [ε] немного ниже, чем русский [э], по подъему.

В китайском языке нет звука, похожего на русский [ы]. Как и в целом для всех иностранцев, русский [ы] является одним из труднейших звуков для китайцев. Поскольку в китайском языке нет [ы], китайцы, изучающие русский язык, стараются найти в своем языке звук, близкий ему по звучанию. На месте русского [ы] большинство китайцев произносят звукосочетание [εi9]. Иными словами, в словах *балетмейстер* и *мыслить* сочетания звуков [мэи9] и [мы] китайцы на начальном этапе произносят одинаково – как [эи9], делая грубые фонологические ошибки, приводящие к нарушению и разрушению смысла.

Существенно, что русские, изучающие китайский язык, транскрибируют гласные [P] и [ʋ] с использованием знака [ы], несмотря на то, что указанные китайские гласные отличаются, хотя и незначительно, от русского [ы]. Например, китайский слог *si* транскрибируется русскими как [сы]. Сходные с [ы] китайские гласные употребляются после свистящих и шипящих согласных. Соответственно китайцам в сочетаниях типа [сы], [зы], [цы], [шы], [жы] звук [ы] ставится проще, чем в других сочетаниях. Таким образом, китайцы являются особым контингентом, работу с которым лучше начинать с традиционно самых трудных для большинства иностранцев сочетаний *ши, жи, цы*.

Таким образом, наиболее трудными по артикуляционным характеристикам для китайцев звуками являются [э] и [ы]. Существенных отклонений можно также ожидать при произнесении звуков [у] и [о]. Максимальным сходством характеризуются русские звуки [и], [а] и китайские [i:], [a]. Рассматривая в общем виде отличия китайской артикуляционной базы звуков от русской, надо отметить, что в китайском языке все гласные звучат однородно, губы при произнесении лабиализованных гласных работают менее активно, наряду с монофтонгами есть дифтонги и полифтонги. Все сказанное необходимо учесть при построении курсов русской практической фонетики для китайцев.

О редукции [у] в современном русском литературном языке

Игумнова Юлия Алексеевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В современном русском литературном языке (далее – СРЛЯ) существует ярко выраженное противопоставление между просодическим ядром фонетического слова (состоящим из гласных ударного и первого предупредительного слогов) и его периферией – в первую очередь, по длительности и тембру гласных (в ядре отсутствуют редуцированные гласные [ъ] и [ь]). Отношения между гласными внутри просодического ядра устроены более сложным образом: акустически контраст между гласными просодического ядра выражен только в сильной фразовой позиции и только при помощи длительности [Князев 1998]. В слабой фразовой позиции противопоставление между гласными просодического ядра практически отсутствует.

В словах, содержащих два абсолютно идентичных гласных, носители СРЛЯ в качестве ударного всегда воспринимают второй. Это связано со стратегией восприятия ударения: из двух сильных ударный всегда второй (под «сильными» в данном случае имеются в виду гласные, принадлежащие просодическому ядру слова). Действительно, в двусложном слове носитель СРЛЯ мог бы слышать ударение на первом слоге только в случае, если второй гласный слова воспринимался бы им как редуцированный. Таким образом, можно предположить, что, если в двусложном слове с одинаковыми гласными с ударением на втором слоге переставить местами гласные, то но-

сители СРЛЯ будут воспринимать второй гласный полученного слова как ударный. С целью проверить это предположение был проведен эксперимент, материалом которого служили двусложные слова с ударением на втором слоге (*глаза, права, пили, сушу, муку*) в произношении двух дикторов – носителей СРЛЯ 17 и 22 лет (женщины и мужчины). В каждом из этих слов второй гласный (ударный) был помещен на место первого, а первый (предударный) – на место второго с помощью программы Speech Analyzer. Далее полученные квазислова были прослушаны 50 информантами, задачей которых было определить место ударения в этих квазисловах. Результаты эксперимента приведены в Таблице 1.

Таблица 1. «Статистика восприятия ударения в словах с перестановкой ударного и предударного гласных».

Диктор	Исходное слово	Полученное квазислово	Услышанное слово	Процент информантов
И.Ю	[права]	[права]	[права]	2%
			[права]	98%
К.К.	[глаза]	[глаза]	[глаза]	0%
			[глаза]	100%
И.Ю	[пили]	[пили]	[пили]	0%
			[пили]	100%
И.Ю	[муку]	[муку]	[муку]	62%
			[муку]	38%
К.К.	[сушу]	[сушу]	[сушу]	53%
			[сушу]	47%

Приведенные в Таблице 1 данные свидетельствуют о том, что при перестановке ударного и безударного [а] и [и] информанты практически не ощущают изменений в слове (то есть слышат ударение на втором гласном, который в исходном слове был безударным), в то время как при перестановке ударного и безударного [у] те же информанты не только замечают разницу, но и ставят ударение на первый слог, то есть на ударный гласный исходного слова.

Участники эксперимента, которые ощущают ударение на первом слоге, воспринимают второй слог полученного слова как заударный (в соответствии со стратегией восприятия ударения). Исходя же из приведенных выше рассуждений первый предударный гласный, как сильный (принадлежащий просодическому ядру слова), должен отчетливо противопоставляться заударному. В примерах с [а] и [и] это противопоставление выражено достаточно явно (практически никто из аудиторов не воспринимает [а] и [и] во втором слоге полученного квазислова как заударный); наоборот, в словах с [у] информанты могут воспринимать гласный второго слога полученного квазислова как заударный (большинство ставит ударение на первый слог). На основании этих данных можно сделать предположение о том, что [у] в первом предударном слоге по сравнению с [у] под ударением редуцируется сильнее, чем предударные [а] и [и] по сравнению с [а] и [и] ударными.

Безударные гласные обычно в той или иной мере подвергаются качественным изменениям, что в значительной степени обусловлено сокращением их длительности. При сокращении длительности гласного происходит уменьшение амплитуды смещения артикулятора в направлении целевой точки артикуляции [Князев, Пожарицкая 2005: 124]. Тем самым, при артикуляции безударных гласных происходит сдвиг артикуляции по направлению к центру артикуляционного пространства, то есть спектральные характеристики гласных приближаются к спектральным характеристикам редуцированных. Для проверки гипотезы о различной степени редукции гласных [a] и [y] был проведен эксперимент, материалом которого служили слова [нага] и [нугу]. В таблице 2 приведены результаты этого эксперимента – сведения о спектральных характеристиках гласных [a] и [y] в ударном и первом предударном слогах в произношении тех же дикторов, что и в эксперименте 1.

Таблица 2. Значения первой и второй формант гласных в словах [нага] и [нугу].

Диктор И.Ю.				
	[нага]		[нугу]	
	[a]	[a]	[y]	[y]
F1(Гц)	785,2	807,9	300,4	250,3
F2(Гц)	1654,8	1649,2	815,9	605,7
Диктор К.К.				
	[нага]		[нуг ^o y]	
	[a]	[a]	[y]	[y]
F1(Гц)	705,9	705,7		
F2(Гц)	1313,9	1385,6	792,8	656,4

Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что безударный [y] по своим спектральным характеристикам отличается от ударного [y] значительно сильнее, чем безударный [a] от [a] ударного (разница между значениями формант [a] и [a] меньше, чем разница между значениями формант [y] и [y]).

О том же свидетельствуют результаты другого эксперимента. В словах [к^oкурузь] и [п^oтакат'] (диктор – носитель СРЛЯ 17 лет, женщина) с помощью программы Speech Analyzer был измерены форманты гласных. Результаты измерений приведены в Таблице 3.

Таблица 3. Значения формант гласных [y^o] – [y] – [y] и [y] – [a] – [a] в словах [к^oкурузь] и [п^oтакат'] соответственно.

	F1	F2		F1	F2
[y]	306,7	702,7	[a]	702,5	1709,4
[y]	360,4	823,1	[a]	694,8	1773,6

[ъ ^o]	765,9	1618,7	[ъ]	684,0	1610,2
-------------------	-------	--------	-----	-------	--------

При сравнении значений первых двух формант гласного [y] ([ъ^o]) в слабых (не принадлежащих просодическому ядру слова) слогах со значениями формант [y] в первом предударном слоге и ударным [y] наблюдается более существенная разница между этими значениями, чем при сравнении [ъ] – [a] – [a]. Тем самым, тембр [y] и [ъ^o] отличается от тембра [y] гораздо значительнее, чем тембр [a] и [ъ] от тембра соответствующего ударного гласного.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что редукция [y] в безударных слогах в современном русском литературном языке выражена значительно сильнее, чем редукция [a].

Литература

Князев С.В. Фонетическая реализация ударения в различных фразовых позициях в современном русском языке // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское преподавание. М, 1998.

ГРАММАТИКА И СИНТАКСИС

«Когда» в сложноподчиненных предложениях с актуальной и дисактуальной пропозицией

Аветян Наира Кареновна

Аспирантка Ереванского государственного университета, Ереван, Армения

Среди сложноподчиненных предложений, предикативные единицы которых присоединены посредством коннектора «когда», особый интерес представляют конструкции типа: *Мне было одиннадцать лет, когда отец решил, что получаемое мною домашнее образование может с пользой пополняться школой* (В.В. Набоков); *Уже был второй час ночи, когда Пьер вышел от своего друга* (Л.Н. Толстой) и др.

Специфической чертой этих и аналогичных им предложений является предикативно-пропозиционная асимметрия, так как в подобные конструкции, несмотря на наличие в них двух предикативных единиц, инкорпорирована всего одна пропозиция. Ср.: *Я испугалась, когда увидела его* (И.С. Тургенев) – две пропозиции; *Мне было восемнадцать лет, когда я в первый раз приволокнулся за одной весьма миленькой барышней* (И.С. Тургенев) – одна пропозиция.

Мы понимаем, что наша точка зрения может вызвать некоторое несогласие среди лингвистов, так как многие в главной части *Мне было восемнадцать лет* могут увидеть еще одну пропозицию. Во избежание недоразумений, сразу же отметим, что пропозиция понимается нами не в широком, а узком смысле. Иными словами, в качестве пропозиции мы рассматриваем только какое-либо событие или ситуацию, но никак не временные ориентиры положения дел. В подобных предложениях в одной из двух предикативных единиц заключено объективное содержание, другая же представляет собой лишь расширенный (выраженный целой предикативной единицей, а не од-

ним элементом) темпоральный детерминант, фиксирующий реальное время функционирования диктума. Таким образом, в одной из частей имеет место указание на время протекания события, о котором повествуется в другой. В случае же рассмотрения временного ориентира в качестве пропозиции, на наш взгляд, правомернее говорить не о равнозначных пропозициях (а), а об **актуальной** (доминирующей) и **дисактуальной** (второстепенной) (термины предложены нами) пропозиции (б) (заметим, что актуальность рассматривается нами не с позиций актуального членения предложения, а с точки зрения событийности, выраженной в том или ином предложении). Ср.: а. *Когда она говорила, он ощущал ее прерывистое дыхание на своих волосах* (А.Куприн) – равнозначные пропозиции; б. *Когда рассвело* (дисактуальная пропозиция), *пленных расстреляли* (актуальная пропозиция) (газ).

Таким образом, предложения, содержащие точные или приблизительные временные маркеры, отличаются от предложений, приуроченных к определенному времени самим своим событийным содержанием, тем, что в первом случае лишь только одна из пропозиций характеризуется актуальностью, а во втором случае мы имеем дело с равнозначными пропозициями.

Другой интересной особенностью подобных предложений является то, что объективное содержание предложения в подавляющем большинстве случаев содержится не в главном предложении, а в придаточном. Главная же часть представляет собой лишь указание на время. Так, еще А.М. Пешковский писал, что «...логически главный факт <...> выражен придаточным предложением, а побочный – главным» [Пешковский: 436].

Такие предложения допускают инверсию, не приводящую, однако, к семантической деструкции либо изменению смысла. Иными словами, указание на время может содержаться как в главной части, так и в придаточной. Таким образом, подобные конструкции не характеризуются четкой закрепленностью времени либо за главной частью, либо за придаточной, что позволяет с легкостью трансформировать главную часть в придаточную, и наоборот. Ср.: *Мне не исполнилось и полгода* (указание на время содержится в придаточной части), *когда судьба перебросила меня из теплого, плодородного края на суровую землю Камчатки* (диктум заключен в главную часть) (Т. Снежина); *Когда я молод был* (указание на время содержится в придаточной), *я пришел на идею предположить только самое лучшее* (диктум заключен в придаточную часть) (В.В. Набоков).

Кроме того, придаточная часть, содержащая диктум, может располагаться также внутри главной: *Мне, когда я вышла за него, было двадцать лет*, меня томило любопытство, мне хотелось чего-нибудь получше (А.П. Чехов).

В «Русской грамматике–80» указывается, что «... в инверсивной конструкции временное отношение не может быть совмещено со значением обусловленности, т. е. информация об одновременности или очередности *никогда* (выделено нами. – А.Н.) не сопровождается значением условно-следственным, причинно-следственным или целевым» [Русская грамматика: 545]. Позволим

себе не согласиться с утверждением относительно невозможности функционирования причинно-следственных отношений, так как полагаем, что в некоторых случаях (в определенных видах дискурса, например, в медицинском) подобные трансформации лишь поверхностно кажутся тождественными. На самом деле, при тщательном изучении семантических отношений между предикативными единицами-трансформами выявляется глубинная причинно-следственная связь. Ср.: 1) *Стояло лето, когда я заболел*; 2) *Когда стояло лето, я заболел*.

В целях экспликации причинно-следственных отношений необходимо трансформировать вышепредставленные сложные предложения в двусоставные распространенные. Для достижения этой цели следует представить придаточную часть в виде свернутой, «потенциальной» предикативности, после чего получим следующие двусоставные предложения: 1) *В момент моей болезни стояло лето*; 2) *Летом я заболел*.

В двусоставном предложении (1) причинно-следственная связь и на поверхностном, и на глубинном уровнях отсутствует (нельзя сказать **Из-за моей болезни стояло лето*).

В двусоставном предложении (2) имеет место указание на реальное время протекания болезни (болезнь протекала летом, а не зимой или осенью). Здесь на глубинном уровне уже выявляются причинно-следственные отношения: *Из-за лета (из-за жары) я заболел*. При этом специалист-медик, услышав это предложение, может увидеть в нем следующую имплицитную информацию: ремиссия (отсутствие симптомов) заболевания продолжалась и осенью, и зимой, и весной, однако клиническая картина (обострение) проявилась только летом. Таким образом, лето явилось причиной обострения болезни. Ср.: *Зимой (из-за холода) я заболел*.

Еще раз отметим, что все эти рассуждения актуальны лишь при наличии определенных видов дискурса, в данном случае – медицинского.

Подобные трансформации позволяют сделать вывод о том, что не всегда указание на время, содержащееся в главной и придаточной частях, представляет собой второстепенную, несущественную информацию. В предложении *Когда стояло лето, я заболел* важна не только «событийность» главной части, но и информация, передаваемая придаточной, благодаря чему между предикативными единицами *<когда стояло лето>* и *<я заболел>* устанавливаются не только временные, но и причинно-следственные отношения.

Литература

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
Русская грамматика. М., 1980. Т. 2. С. 545.

Структура синтаксической семантики соединительно-ограничительных сложносочиненных предложений

Бабаскина Елена Геннадьевна

Аспирантка Ивановского государственного университета, Иваново

Синтаксическая семантика – это отображение явления, отношения в сознании, входящее в структуру конструкции в качестве так называемой внутренней ее стороны, по отношению к которой звучание выступает как материальная оболочка. Под синтаксической семантикой сложного предложения (СП) понимаются смысловые отношения, устанавливающиеся между предикативными частями (ПЧ) на основе взаимодействия общего (типового) значения союза и значений типизированных элементов грамматической структуры (лексических конкретизаторов, модально-временных форм). Субстанциональное (предметное) содержание СП также влияет на синтаксическую семантику.

Внутренняя структура присуща частному значению ССП-высказывания, принадлежащего речи, как варианту инвариантного значения ССП-типа СП, принадлежащего языку. Это значение соответствия (общее значение, которое идет от союза и присутствует в структуре всех частных значений ССП с союзом *и*). Частное значение ССП представляет собой синтаксическую семантику, образованную *несколькими* семами, которые наслаиваются друг на друга, т. е. *непростую* по структуре (см. терминологию [Устинов: 14.]).

В ССП соединительно-ограничительных между ПЧ устанавливаются следующие смысловые отношения: сообщается «об исключении из той или иной всеобщности фактов единичного, незначительного характера» [Холодов: 69]. *Весь день у него был расписан поминутно, и только тяжелая болезнь могла выбить его из распорядка (Ю. Нагибин)*. В первой ПЧ указывается на строгость расписания персонажа как на правило, во второй ПЧ указываются возможные незначительные из него исключения (нарушение распорядка в результате тяжелой болезни), то есть частности, «подтверждающие правило» (после окончания болезни персонаж вернется к прежнему распорядку). Структура расписания данных конструкций определяется приемом переконструирования (метод лингвистического эксперимента). В результате выявляются семы – минимальные составляющие значения.

1. Союз *и* между частями обуславливает их связь как отражающих ситуации, соответствующие друг другу, взаимосвязанные в сознании говорящего, одноплановые, то есть он вносит сему *одинаковости, соответствия*. Данная сема очень абстрактна; она является основой для формирования более сложных смысловых отношений с подключением конкретных сем – в зависимости от субстанционального содержания частей. Как бы странно это ни звучало, в данных конструкциях сема соответствия на более конкретном уровне проявляется как сочетание слабых сем причины и следствия, что доказывается ис-

ключением союза: *Весь день у него был распisan поминутно, и (в результате/поэтому) только тяжелая болезнь могла выбить его из распорядка.* VS. *Весь день у него был распisan поминутно, только тяжелая болезнь могла выбить его из распорядка.* В предложениях без союза исключения из общего становятся более весомыми, значительными.

2. Семы общего и частного обусловлены всем субстанциональным содержанием ПЧ. Значение всеобщности может быть формально не выражено, и тогда оно мыслится в подтексте, как в нашем примере: *Весь день у него (всегда) был распisan поминутно, только (иногда, изредка) тяжелая болезнь могла выбить его из распорядка.*

3. Значение исключения, ограничения, т. е. явно противительное значение вносится компонентами *только, лишь*. Оно сведено до минимума, чему способствуют семы причины, следствия (ослабленные) и сема соответствия (от союза). Замена на союзы антонимичные, то есть акцентирующие различие, подчеркивает большую значимость ограничивающего фактора, значение противопоставления сильнее. *Весь день у него был распisan поминутно, и (в результате/поэтому) только тяжелая болезнь могла выбить его из распорядка.* VS. *Весь день у него был распisan поминутно, но тяжелая болезнь могла выбить его из распорядка.*

Замена союза с *и* на *но* делает ненужной частицу *только*, поскольку противительная сема вносится в таком случае союзом. И при такой замене в полученном конструкте исчезают семы частного и общего, так как событие второй ПЧ перестает мыслиться как незначительное. Таким образом, частица *только* акцентирует, исключает частное событие во второй ПЧ из общего, описанного в первой ПЧ.

Таким образом, соединительно-ограничительное частное значение ССП представляет собой семантику, непростую по составу сем и их расположению.

Литература

Устинов А. М. Синтаксическая семантика сложноподчиненных предложений. Иваново, 1987.

О некоторых возможностях разграничения текстовых функций дериватов и словообразовательных средств

Белова Наталия Александровна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Само название раздела языкознания *функциональное словообразование* предполагает, что основными понятиями данной области лингвистики являются *функция* и *функционирование*. В 90-е гг. прошлого века были установлены функции словообразования как особой языковой подсистемы: номинативная, конструктивная, компрессивная, экспрессивная, стилистическая, а также игровая [Земская 1992: 8–10; Земская 2000: 143–145]. Однако абстрактной системы словообразования не существует, и некоторые из перечисленных функций являются обычно текстовыми функциями конкретных

дериватов, другие же реализуются преимущественно на уровне словообразовательных средств, характеризующих дериваты того или иного типа. В докладе показано, каким образом можно различать эти два понятия: функция деривата и функция деривационного средства. Опираясь главным образом на построение Е.А. Земской [Земская 1990: 25], можно выделить по крайней мере три случая, когда в одном и том же примере одновременно реализуются принципиально отличающиеся друг от друга функция словообразовательного средства в тексте и функция деривата в тексте.

I. Функция словообразовательного средства в тексте – актуализация словообразовательной парадигмы; функция деривата в тексте – усиление значения, выраженного словообразовательным формантом.

Например: *Миг – и закачался Иван Иванович в петле, задергался, захрипел, засопел...* (В. Сорокин «День опричника»). В данном случае перед нами четыре деривата, созданные с помощью одного и того же словообразовательного средства – префикса *за-*, имеющего значение «начать действие, названное мотивирующим глаголом» [Русская грамматика: §861]. Внимание читателя акцентируется на неоднократно повторяющемся префиксе, что приводит к актуализации его значения и, как следствие, к актуализации словообразовательного типа, к которому относятся данные дериваты. Таким образом, функция словообразовательного средства в подобных примерах заключается в актуализации особой комплексной единицы словообразования – словообразовательного типа. Функция каждого из названных выше четырех дериватов в построении текста, естественно, обусловлена словообразовательными особенностями этого деривата, но несколько отличается от функции словообразовательного средства и заключается в том, чтобы подчеркнуть, усилить значение начала действия, выраженное префиксом *за-*.

II. Функция словообразовательного средства в тексте – актуализация словообразовательной парадигмы; функция деривата в тексте – противопоставление однокоренных слов по тому или иному семантическому компоненту.

Например: *Недопереведешь – ничего не будет понятно читателю; перепереведешь – китайцы превратятся в среднеевропейских иностранцев* (Т. Толстая «Переводные картинки»). В результате употребления в тексте однокоренных слов, образованных от одной и той же производящей основы с помощью разных словообразовательных средств, происходит актуализация еще одной комплексной единицы словообразования – словообразовательной парадигмы. Это и есть функция словообразовательного средства в тексте. Функция дериватов в тексте заключается в том, чтобы столкнуть слова с антонимичными значениями, благодаря чему достигается определенный художественный эффект.

III. Функция словообразовательного средства в тексте – актуализация словообразовательной категории; функция деривата в тексте – реализация значения, как правило не имеющего в языке узальных средств выражения.

Ср.: (из разговора) А. Сейчас много **рюкзачников** развелось // Б. Да / мода такая // Н. А есть **портфелисты** // В. Вот Андрей **портфельщик** // А. И Сергей тоже // Б. Нет / Сергей не **портфельщик** // Он высокий // А этого [т. е. Андрея] из-за портфеля не видно // А. А есть **авосечники** // Вот твой друг // Он все в авоське таскает // (пример Е.А. Земской) [Земская 1990: 24]. В данном случае говорящие порождают неузальные слова, чтобы выразить отсутствующее в русском языке деривационное значение 'лицо, которое носит с собой постоянно вещи в том, что названо базовой основой'. Данные производные относятся к разным словообразовательным типам, так как образованы с помощью разных суффиксов (-ник, -щик, -ист), но составляют одну словообразовательную категорию. Таким образом, функция словообразовательного средства в данном случае заключается в актуализации словообразовательной категории, а функция деривата – выразить значение, не имеющее в русском языке узальных средств выражения.

Итак, необходимо отличать функции словообразовательных средств в тексте от функций деривата в тексте. Результатом функционирования словообразовательного средства в тексте является актуализация тех или иных единиц словообразования (словообразовательных парадигм, типов, категорий и т. п.), в то время как функция деривата в тексте несколько иная: производное слово играет определенную роль непосредственно в построении текста, помогая благодаря своим словообразовательным особенностям выразить или подчеркнуть то или иное значение, релевантное для реализации коммуникативной или эстетической стратегии автора.

Литература

- Земская Е.А. Словообразование и текст // Вопросы языкознания. 1990. № 6.
Земская Е.А. Функции словообразования в языке русского зарубежья // Slowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferencji Komisji Slowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów. Katowice, 2000. С. 144–145.
Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992. С. 8–10.
Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

Развитие субъектной перспективы в семантической структуре мутационного глагола в истории русского языка

Боровиков Алексей Аркадьевич

Студент Южного Федерального Университета, Ростов-на-Дону

Мутационная глагольная деривация является активным способом образования приставочных глаголов в современном русском языке. Новый глагол соотносит результат действия с целями субъекта, уточняет социальную желательность действия. Приставка становится знаком целой ситуации, развивающейся во времени: причина – цель – результат (ср.: *вылечить болезнь – пролечить зарплату*).

Важной особенностью мутационных глаголов является тесная соотнесенность с субъектом. Н.Б. Лебедева отмечает связь глагольных мутационных

словообразовательных значений с такой категорией существительных, как одушевленность-неодушевленность [Лебедева: 134]. Различается «субъект как предмет и субъект как анимальная сущность» [Лебедева: 121] – т. е. как участник общества, обладающий целеполаганием. Денотативным уровнем таких дериватов становятся сложные отношения между субъектами, субъектами и объектами (артефактами – объектами, занимающими свое место на шкале ценностей) – отношения внутри человеческого общества. Мутационный словообразовательный тип обобщает, делает универсальными определенные внутренние взаимосвязи, которыми сознание носителей языка наделяет мир поступков человека.

Нас будет интересовать развитие ряда продуктивных словообразовательных типов с приставкой *про-* со значением ошибки, пропуска и утраты: а) «истратить что-либо в результате или во время действия, названного мотивирующей основой»; б) «ошибиться в результате или во время действия, названного мотивирующей основой», в) «пропустить или не сделать чего-либо в результате или во время действия, названного мотивирующей основой» [Русская грамматика: §876].

Зачастую эти глаголы носят эмоциональный, субъективно-оценочный характер, они образительны, часто ненормативны. С этим связана активная деривация от джокер-основ, результаты которой закрепляются, прежде всего, в просторечии (*профинтить, профуфыриться*). Наиболее продуктивны мутационные глагольные словообразовательные типы в говорах.

Ни один из исследуемых словообразовательных типов не существует изолированно. Можно говорить о существовании семантико-словообразовательного поля – совокупности дериватов, обнаруживающих структурное (общий аффикс) и понятийное (общая ситуация) сходство. Этот термин выражает нерасчленимость значения приставки на отдельные семы в сознании носителей языка.

На историческом материале можно более рельефно проследить процесс усложнения семантической структуры производного слова: формирование результативно-целевой перспективы и, как следствие, постепенное «втягивание» субъекта в номинацию действия.

Развитие мутационных словообразовательных типов является частью более широкого процесса развития вторичных словообразовательных значений приставки. Постепенно архаичное локальное значение префикса-адверба стирается, приставка десемантизируется. На более высоком уровне абстракции стоит результативное значение. Приставка расширяет свою сочетаемость за счет основ с отвлеченным значением. В какой-то момент результативное употребление приставки перестает мыслиться как случайное, приобретает значимость. В результате происходит семантическое «заражение» приставки от этих основ. (Безусловно, на фоне древнего локального значения).

Глаголы-образцы мутационных словообразовательных типов с приставкой *про-* со значениями утраты и ошибки стали появляться в XI–XII вв. Наи-

более распространены дериваты, обозначающие утрату: *пропити*, *проѣсти*. Значение ошибки отмечается в глаголе *промиловати* 'неразумно расшедриться в ущерб себе'.

Интенсивное втягивание новых основ начинается в XVIII в. Появляется омонимия внутри всей группы (*промахнуть* – 'не попасть' и 'потратить'), развиваются новые значения (*пробалтывать*, *пропустить*).

В XIX в. наблюдается усиление продуктивности словообразовательного типа со значением утраты, большое распространение получают слабо мотивированные дериваты и дериваты от джокер-основ, что свидетельствует о сформированности значения семантико-словообразовательного поля.

В современном литературном языке продолжается деривация в основных группах семантико-словообразовательного поля приставки *про-* со значением неудачи. Наиболее интенсивен словообразовательный тип со значением утраты. Увеличивается число окказиональных образований от джокер-основ.

Исторический материал показывает, что это семантико-словообразовательное поле развивается по пути вовлечения новых основ, значения которых все меньше и меньше ассоциируются с перспективой утраты. В зависимости от дистанции между значением производящей основы и деривата можно говорить о разной степени «мутативности» дериватов. Представляется, что катализатором интенсивного развития мутационных словообразовательных типов с приставкой *про-* стала как раз семантика утраты: наиболее тесно связанная с субъектной перспективой.

Эти словообразовательные типы являются своего рода рубриками накопленной в языке информации: они способны обобщить, привести к одному «знаменателю» глаголы разных лексических групп. Критерием является та ситуация, которая может возникнуть для деятеля при совершении действия по данному глаголу. Целый ряд действий квалифицируется как действия рискованные, вредные. В этом отражаются определенные этические константы.

Литература

Лебедева Б.Н. Внутрикатегориальное словообразование глагола // Семантические вопросы словообразования: Семантика производящего слова. Томск, 1991. С. 94–134.
Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

**Омонимия предлогов, префиксов и наречий
в свете теории синтаксических валентностей**

Боряева Лариса Михайловна

*Студентка Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург*

Статья посвящена анализу отношений синтаксической производности в случаях звукового совпадения предлогов (первообразных и непервообразных) с префиксами и наречиями. Примеры подобного рода широко представлены как в толковых словарях и академических грамматиках совре-

менного языка, так и в исторических словарях (здесь и далее используется упрощенная орфография):

1. *Мимо* – наречие (Я вашей юностью была, которая проходит *мимо*. М. Цветаева) и предлог (*Мимо* Григория пролетали автомобили).

2. *Перед* (*пред*) – наречие (‘наперед, прежде, заранее, раньше’: *напередъ* на мене се не надеи ГрБ № 25; гореле *передо* ѡлѣворомѣи ГрБ № 570), предлог и приставка (*пред*стать *перед* Богом).

Теоретический интерес в рассмотрении случаев такого рода омонимии заключается в несовпадении лексической семантики и морфологической природы этих слов с точки зрения их системных отношений друг с другом. Дело в том, что в семантическом плане предлог представляется первичным. В самом деле, нельзя поступать подобно вообще (ср. *Многие страдальцы спасение подобно обреташи*. Пушкин А.С. «Борис Годунов»), можно поступать лишь подобно кому-то, нельзя проходить мимо в принципе, можно проходить лишь мимо кого-то или чего-то. В морфологическом же отношении предлоги, без сомнения, производны [Русская грамматика: 706–712]. Так как случаи подобного рода системны в языке, представляется вполне логичным рассматривать их в совокупности. Очевидно, здесь мы имеем дело с единым механизмом синтаксической производности, действующем как в современном языке, так и в более ранние периоды. В рамках настоящей работы получены следующие выводы предположительного и частного характера.

При переходе от паратаксиста к гипотаксису и формировании вербоцентрической модели предложения предлоги, как правило, маркировали зависимость словоформы не от глагола-сказуемого непосредственно (это, думается, является более поздним этапом), а выступали показателем связи двух элементов с третьим путем повтора предлога. Семантическая связь заменялась не цепными, последовательными зависимостями, а соединением каждого элемента с двумя. Единая частица (предлог-приставка), повторяясь перед глаголом и перед второстепенным членом, связывала их с подлежащим, образуя треугольник синтаксических зависимостей. В текстах берестяных грамот находим многочисленные примеры этого. Конструкция *Я стою там – Ту я стою* (НБГ №68) с детерминирующим обстоятельством места соответствует более поздней *Я настаиваю на том*. Предложная синтаксема выступает в роли поздней синонимической замены местоименного наречия с пространственной семантикой. Таким образом, несмотря на все доводы в пользу того, что выражение пространственных отношений не является прототипическим значением предлогов [Солоницкий: 17], даже случаи информативно-восполняющих отношений, связанные с описанием ментальных и волевых действий, производны от модели со значением пространственной локализации действия. Те же «двойные» зависимости имеем и в случаях с определениями, в частности с приложениями, а также с поздними переходными глаголами, выражающими сейчас объектные отношения. Ср. *Я дам дар – Я вдам в дар* [Словарь др.-рус. языка: 500]. *На Негосеме на Ръжьскове зяте гривьна* [НБГ № 789]. Здесь повтор предлога выражает дополнительную пропозицию отождествления: *Негосем есть*

ствления: *Негосем есть Ръжъковъ зять*. Наличие в берестяных грамотах примеров повтора предлога и в случае препозиции прилагательного по отношению к существительному подтверждает тезис о самостоятельной (независимой от порядка слов) роли предлогов в формировании полипропозитивного высказывания: НБГ № 49: *Поклонъ... къ моіеи къ братьи*. Таким образом, здесь мы имеем некий аналог соположения, который может развиваться как в связь на уровне словосочетания, так и в связь подлежащего со сказуемым.

Позднее из образовавшегося треугольника зависимостей выделяются три пары сочетаний:

1) Сущ.+предложная синтаксема. Функция присубстантивного определения, таким образом, отнюдь не позднее новообразование в языке в результате эллипсиса глагола, а довольно древнее и закономерное (ср. в берестяных грамотах: *человек на жеребце* НБГ № 43 – ‘всадник’, *корова в полторы гривны* НБГ № 831 – ‘корова, купленная за полторы гривны’), а также функция предиката в предложениях типа: *А богъ за мездою* НБГ № 549 – ‘А Бог не постоит за наградой’. *Сама на своемо* (НБГ № 111) – ‘Сама настаивает на своем’.

2) Приглагольное дополнение: *настаивать на чем-то*.

3) Приглагольное обстоятельство, что морфологически соотносится с интересующим нас наречием, когда изначальная частица (предлог-приставка-наречие) в позиции перед глаголом осмысливается как наречие: *Повеле же Пръсомъ **преди** ити **пред** нимъ* [Александрия: 70], отсюда *ити преди* (идти прежде, впереди). Таким образом, при разложении полипропозитивного треугольника синтаксических зависимостей изначальное **синкретические** элементы типа *перед* в морфологическом и словообразовательном плане начинают осмысливаться как префиксы, предлоги и наречия.

Одновременно с этим происходит процесс вторичного структурного и семантического усиления синтаксических связей путем добавления вторичных префиксов-предлогов: *перед-наперед* (На передь рубля на передь на мене се не надеи ГрБ № 25), *коло-около*, *ставить(стоять) сторонь-поставить посторонь* и мн. др. Ср. современное просторечное *вовнутрь* с повтором элемента в(н)-.

Предположение о том, что три пары синтаксических зависимостей утрачивают первоначальную связь с треугольником зависимостей и функционируют самостоятельно (замена двойных активных валентностей на оди-ночные активные и пассивные) подтверждается существованием застывших образований: *ходить мимо* – *мимоход* (‘прохожий’) – *мимоходом*, а также совмещением статических и динамических отношений: *взять на коне сбрую*, НБГ № 78 (ср. совр. *с коня*).

В заключение отметим, в современном языке производные предлоги, соотносящиеся с наречиями, ориентированы на тот же треугольник синтаксических зависимостей (письмо подобно другому, говорить подобно ему, говорить подобно). Они принципиально отличаются от наречий, не соотносящихся с предлогами и связанных только с глаголом. Последние способны менять свое значение в зависимости от значения глагола, что

менять свое значение в зависимости от значения глагола, что ярко проявляется в сочетаниях с глаголами-конверсивами (бесплатно давать – бесплатно получать, жестоко обмануть – жестоко обмануться, не случайно каждому из них соответствует не одно, а два наречия в ряде индоевропейских языков).

Литература

- Арицховский А.В., Борковский В.И., Тихомиров В.Н., Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиттис А.А.* Новгородские грамоты на бересте. Вып. 1–11. М., 1953–2004.
Русская грамматика. Т. 1. М., 1982. С. 706–712.
Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–IV / Под ред. Р.И. Аванесова М., 1988–2000.
Солоницкий А.В. Проблемы семантики русских первообразных предлогов. Владивосток, 2002.

**Замена личных местоимений *я* и *ты* существительными:
синтаксис и прагматика**

Горицкая Ольга Сергеевна

Аспирантка Белорусского государственного университета, Минск, Белоруссия

В русской речи для обозначения участников коммуникативного акта могут использоваться не только дейктические единицы (личные местоимения и глаголы 1-го и 2-го л. ед. ч.), но и номинативные. В качестве именных субститутов личных местоимений употребляются собственные, реляционные, функциональные, окказиональные и качественные (оценочные) имена, т. е. как идентифицирующие, так и предикатные слова, а также лексемы, которые используются в обеих функциях, см. [Арутюнова: 345–346]. Приведем несколько примеров:

(1) – Ну да, дождайся, – сварливо сказал мальчик. – Ты иди, куда шел, не цепляйся.

– *Ты грубишь отцу. Нельзя* (А. Слаповский. «Я – не я»).

(2) – Девочки, мы к вам. Разрешите представиться – Серж, Николаич и Паша. <...>

– Аннушка, Аленушка и Настенька.

– Ага, понятно... ну это... чем занимаются **такие красавицы?** – спросил, почему-то все время глупо улыбаясь, Серж, взлохматив несуществующие волосы на голове (Т. Луганцева. Женщина-цунами).

Высказывания с транспозицией личных форм этого типа интересны тем, что имена, выступающие в роли субститута личных местоимений (причем не только оценочные слова), всегда выражают **дополнительную (скрытую) предикацию**. Исключение составляют имена собственные, которые в принципе непригодны к предикации (но и это исключение не является абсолютным).

В процессе построения высказываний с существительными вместо личных местоимений 1-го и 2-го л. происходит слияние, или «конъюнкция» [Вежицкая: 257], двух высказываний: (1а) *Ты грубишь мне, а я твой отец* → *Ты грубишь отцу* и (2а) *Вы красавицы, и чем вы занимаетесь?* → *Чем занимаются такие красавицы?*

Высказываниями **промежуточного типа** (с ненулевым референциальным показателем [Шмелев: 32]) являются конструкции с обособленными приложениями и обращениями: (1б) *Ты грубишь мне, своему (твоему) отцу* и (2б) *Чем вы занимаетесь, красавицы?* Рассмотрение **обращений** в одном ряду с аппозитивными конструкциями нуждается в комментарии. Мы разделяем точку зрения, согласно которой обращение не является семантически и синтаксически автономным компонентом высказывания: оно называет адресата высказывания, который обозначен местоименной или глагольной формой, и поэтому функционирует как своего рода уточняющее определение к дейктической единице [Русская грамматика; Heinz].

Обратим внимание на то, что при слиянии высказываний происходит **преобразование исходных структур**. Добавление местоимения *такой* обусловлено ограничениями на употребление оценочных слов в предикативной функции и является примером включения «специальной системы актуализации, образуемой артиклями, указательными и притяжательными местоимениями, кванторами и т. п.» [Арутюнова: 328]. Такие местоименные маркеры ослабляют предикативность слова, см. [Всеволодова: 54], но, надо сказать, не нейтрализуют ее.

Показательно, что качественные имена **свободнее** употребляются без актуализаторов при обозначении говорящего и слушающего, чем при обозначении третьих лиц: (3) *Парень, ты все-таки на меня сердился, да? Извини дурака* (А. Слаповский. Я – не я), из примера (2) также можно убрать местоимение *такие*. Употребление оценочных слов в высказываниях *Извини дурака* и *Чем занимаются красавицы?* при обозначении третьих лиц возможно лишь при функционировании этих лексем в качестве вторичных номинаций. По всей видимости, такое не совсем стандартное поведение оценочных слов, заменяющих местоимения *я* и *ты*, является следствием особого статуса говорящего и слушающего: они непосредственно представлены в коммуникативном акте, а поэтому не нуждаются в активации. В процессе понимания высказывания субъект ищет референт выражения в том фрагменте действительности, который имеет отношение, условно говоря, к теме или к обстоятельствам разговора. А в бытовом дискурсе, откуда взяты наши примеры, все темы так или иначе «вертятся» вокруг участников коммуникативного акта. Поэтому вряд ли кто-то из адресатов анализируемого высказывания из примера (2) будет думать о том, что красавицы – это не они, а, к примеру, девушки, сидящие за соседним столиком.

Возникает закономерный вопрос: есть ли **различия в прагматических функциях** высказываний с личными местоимениями (1а), (2а) и (1б), (2б), с одной стороны, и высказываний, в которых имена замещают слова *я* и *ты*, см. (1) и (2), с другой? Для ответа на этот вопрос рассмотрим типы речевых актов, в которых формы 1-го и 2-го л. заменяются именами. Это упреки (1), комплименты (2), извинения (3), просьбы, советы, предложения, поздравления и некоторые другие типы речевых актов, которые являются типичными представителями явления, названного П. Браун и С. Левинсоном «актами,

угрожающими лицу» (FTA, Face Threatening Acts). Так, при произнесении речевых актов просьбы или совета говорящий пытается повлиять на будущее адресата; комплименты и поздравления могут быть восприняты как речевые акты, имеющие целью получить что-либо от адресата в будущем; предложения обязывают собеседника; в упреках содержится отрицательная оценка поведения адресата и т. д. Потенциальная угроза, которая содержится в таких речевых актах, может быть смягчена при помощи использования определенных речевых стратегий, одной из которых является деперсонализация (устранение показателей лица из высказывания). Поэтому в некоторых языках, например, в польском, перевод 2-го л. в 3-е, который сопровождается «превращением» обращения в подлежащее, является стандартным средством выражения вежливости [Wierzbicka: 318–319].

Кроме того, замена форм 1-го и 2-го л. именами способствует созданию **объективирующего эффекта**, основанного на смещении фокуса эмпатии и представлении ситуации с позиции «объективного судьи»:

(4) Все толпятся у огня. Из тьмы появляется трясущийся от озноба Градусов с двумя большими бревнами.

– *Больной таскает, а здоровые, блин, стоят как пни, – ворчит он, бросая бревна перед костром и усаживаясь* (А. Иванов. «Географ глобус пропил»). = ‘Я таскаю бревна, хотя я болен. Вы стоите, как пни, хотя вы здоровые’ + ‘Это неправильно, т. к. больные не должны работать, работать должны здоровые’.

Таким образом, замена местоимений *я* и *ты* существительными обусловлена коммуникативными факторами. Синтаксическим механизмом этого явления является сложение нескольких высказываний.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976. С. 238, 345–346.
Вежбицкая А. Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982. С. 237–262.
Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some Universals of Language Use. Cambridge [et al.], 1987.
Heinz A. System przypadkowy języka polskiego. Kraków, 1965.
Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York; Oxford, 1992. P. 318–319.

**Категория простых предложений с временными реляторами
в современном русском языке**

Дулина Александра Николаевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Для анализа функционирования языковых единиц в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели описания языка оказалось продуктивным использование понятия функционально-семантического поля (далее – ФСП), детально разработанное в коллективной

монографии под ред. А.В. Бондарко. Однако дальнейшие исследования позволили существенно уточнить представления лингвистов о структуре ФСП, о принципах объединения языковых единиц в рамках одного поля, о зонах пересечения разных ФСП вообще, и о структуре ФСП времени в русском языке в частности. Так, в сборниках «Теория функциональной грамматики» (Отв. ред. А.В. Бондарко) выделено пять ФСП, связанных с выражением разных временных значений: это ФСП аспектуальности, временной локализованности, темпоральности, таксиса и временного порядка. Но оказалось, что в рамках любого ФСП можно выделить несколько смысловых зон – микрополей, представляющих собой своеобразные единства разноразрядных семантических (и/или дистрибутивных) признаков и формирующих вместе со средствами их выражения функционально-семантические категории (далее – ФСК). ФСК формируются единицами одной части речи (или одного уровня, как, например, категория сложного предложения) и представляют собой набор иерархических оппозиций, которые можно представить в виде дерева оппозиций. Такой подход позволил собрать все средства выражения времени в русском языке в одно ФСП, выделить внутри этого поля основные микрополя: временной протяженности (длительности), таксиса и кратности (повторяемости), а также ФСК глагольной, именной [Всеволодова: 1975], наречной [Панков: 2005] темпоральности, ФСК сложных предложений с придаточным времени. Было показано, что каждая из ФСК может покрывать несколько микрополей.

В [Всеволодова 2000] при анализе семантических групп глаголов была выделена особая группа глаголов-реляторов (впервые о наличии реляторов в языке говорил Т. П. Ломтев, термин введен Н.Д. Арутюновой), а внутри них – временные глаголы-реляторы, относящиеся к строевой лексике, выступающие в предложении в качестве предиката и указывающие на смысловые (и в частности – временные) отношения между компонентами одной или несколькими пропозициями. В предложении они занимают позицию сказуемого и имеют при себе два (или три) места для имен участников отношения, даже если оба они совмещаются в позиции подлежащего (или дополнения – для трехместных предикатов). К ним были отнесены глаголы *прийтись (на что?)*, *предшествовать (чему?)*, *следовать (за чем?)* и т. д..

Как показал анализ нашего материала, рассматриваемые временные глаголы-реляторы вместе с именными (субстантивными и адъективными) темпоральными реляторами представляют собой не просто некоторое количество отдельных языковых средств, но определенным образом упорядоченную, структурированную категорию, единицы которой способны выражать в предложении различные временные отношения между ситуациями (пропозициями). Была выявлена система значений временных реляторов, отражающая иерархичность их организации, что позволило выявить и показать отношения между единицами данной категории.

На первом ранге разбиения временные реляторы по делятся частеречному признаку на именные и глагольные, а именные далее – на субстантивные и адъективные. На втором уровне как для субстантивных, так и для адъективных реляторов выявлена оппозиция значений одновременности (*современник, ровесник; одновременен, современен, синхронен, параллелен*) и неодновременности, которое, в свою очередь, разбивается на неконкретизированную (*иновременник, разновременник; разновременен*) и конкретизированную неодновременность. Под неконкретизированной неодновременностью мы понимаем указание лишь на несовпадение событий во времени без уточнения порядка их следования. Конкретизированная неодновременность представлена оппозицией значений предшествования (*предшественник, предтеча, преддверие*) и следования (*глагольные*) реляторов на основании наличия у них сем «локализированности» («темпорализации») и «протяженности во времени» выделяются соответственно предикаты порядка (*выпасть, прийти, совпасть, сопровождать; чередоваться, перемежаться; предварить, предшествовать, опережать; смениться, следовать*) и метрические (*длиться, продолжаться, тянуться, занимать/занять, сохраняться, сохранять*). Предикаты порядка, как и именные реляторы, покрывают микрополе таксиса, указывая на порядок следования действий во времени, в то время как метрические относятся к микрополю длительности и образуют ФСК глагольных реляторов со значением протяженности во времени. С этим связано различие в наборе выделяемых у этих двух групп предикатов сем. Оппозиции значений для предикатов порядка строятся на основании тех же сем, которые были выделены для именных реляторов. Такое «повторение» оппозиций позволяет сделать вывод о категориальном характере организации исследуемых языковых единиц.

Для метрических предикатов первую оппозицию составляют значения абсолютного и относительного времени: в первом случае зависимая приглагольная словоформа указывает на продолжительность действия, во втором – на временной ориентир, служащий границей начала или окончания действия.

Одно из важных отличий глагольных реляторов от именных состоит в том, что на последнем уровне разбиения множества в этой ветви дерева оппозиций в каждой группе по значению выделяются глаголы, названные нами авторизационными (*приурочить, совместить, сопровождать; чередовать, перемежать; предварить, предпослать; сменить*). Эти глаголы образуют авторизационные конструкции и имеют при себе не два (как предикаты неавторизационные), а три места для имен участников отношений, один из которых является инициатором «временного отношения», а имена двух других (имена событий) образуют одну управляемую предложно-падежную группу и оба стоят в позиции дополнения.

Проведенный анализ позволяет говорить о наличии в русском языке особой ФСК простых предложений с временными реляторами, предназна-

ченных для выражения таксисных отношений между пропозициями в рамках одного простого предложения. Данная ФСК относится к ФСП времени и в рамках него покрывает несколько микрополей. На основании анализа синонимических связей между разными средствами указания на таксисные отношения можно говорить о тесной связи между всеми функционально-семантическими категориями, относящимися к одному ФСП, о чем говорит возможность их взаимозамены в рамках одного предложения.

Литература

- Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
- Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
- Панков Ф.И. Функционально-семантическая категория наречной темпоральности и система значений наречий времени в русском языке. // Вестник Моск. ун-та, Сер. 9. Филология. 2005. № 1.
- Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1987.

Верификация правильности выделения значений творительного беспредложного

Зорин Родион Александрович

Аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

На сегодняшний день существуют различные классификации значений падежей, в том числе творительного беспредложного (Т. п.), различающиеся степенью дробности, наличием иерархии значений, характером учитываемой информации: это классификации А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, Н.Ю. Шведовой, А. Вежбицкой, Г.А. Золотовой.

Основываясь на уже существующих классификациях, мы хотим составить свою, ориентированную на решение конкретной задачи. Нам нужна такая классификация падежных значений, которая могла бы использоваться при формулировке правил, предсказывающих появление в предложении формы Т. п. Иначе говоря, эта классификация должна быть скорее объяснительной, чем описательной. Построение такой классификации предполагает обоснование необходимости и проверку правильности выделения именно данных, а не каких-либо других значений, т. е. требует специальной процедуры верификации. Во многих работах вопрос о подобной верификации не ставится.

В качестве исходного материала для исследования выбирается классификация Г.А. Золотовой как наиболее дробная и информативная [Золотова]. В тезисах рассматривается небольшая часть этой классификации – близкие значения агенса, каузатора и каузатора-делиберата. Г.А. Золотова разграничивает а) каузатор непроизвольного воздействия на предмет (**Ветром сорвало крышу, Бурей разбило корабль**), б) каузатор-делиберат обонятельного восприятия (**Пахнет хлебом, Воняет духами**), в) агенс действия (личные имена) или каузатор действия (отвлеченные имена) в пассивных модификациях глагольных моделей (**Проект подписывается директором**,

моделей (*Проект подписывается директором, Характер создается обстоятельствами*).

В процессе работы нами используется несколько процедур анализа: а) сопоставление минимальных пар конструкций, которые связаны синтаксическим преобразованием, затрагивающим форму Т. п., б) описание и сопоставление семантики конструкций в паре, в) выявление ограничений на преобразование (если результатом преобразования становится неграмматичный пример).

Рассмотрим с указанных позиций значение каузатора в контекстах вида *Ветром сорвало крышу*. В классификации Г.А. Золотовой необходимость выделения этого значения Т. п. никак специально обосновывается. Для доказательства сравним примеры:

1. Ветер сорвал крышу → **Ветром** сорвало крышу.

Великан сорвал крышу → ***Великаном** сорвало крышу.

В данных примерах именными группами (ИГ) *великан* и *ветер* обозначаются агенс и каузатор соответственно. Неграмматичность примера **Великаном сорвало крышу*, где ИГ *великан* обозначает одушевленного деятеля, показывает, что в конструкциях с имперсональной семантикой значение агентивности запрещает форму Т. п. Это доказывает необходимость разграничения двух типов значений Т. п.: в конструкциях вида *Великаном сорвало крышу* используется именно значение каузатора, а значение агенса, напротив, запрещено. (Ср. также: *Течением/людьми унесло лодку, Ветром/кем-то побивало все яблоки* и др.)

Теперь рассмотрим другой языковой контекст – контекст пассивных модификаций глагольных моделей. Судя по классификации, Г.А. Золотова склонна утверждать, что в данном контексте может реализоваться как значение агенса, так и значение каузатора: это зависит от личности/отвлеченности самих имен в Т. п. Тем не менее эта формулировка не представляется нам правомерной. Сравним следующие пары примеров:

2. Ветер сорвал крышу → Крыша была сорвана **ветром**.

Великан сорвал крышу → Крыша была сорвана **великаном**.

Грамматичность обоих примеров в каждой паре позволяет сделать вывод, что при пассивизации те компоненты смысла, которыми различаются агенс и каузатор, не релевантны для реализации формы Т. п. Следовательно, более правомерно в данном случае говорить об общем значении **субъекта** как о факторе выбора Т. п. (Ср. также: *Характер создается обстоятельствами/автором, Договор ратифицирован подписанием указа/директором* и др.)

Такое следствие позволяет сделать один важный для представления падежной полисемии теоретический вывод: классификация падежных значений должна устанавливать иерархию смыслов. С учетом наших рассуждений выстраивается часть такой иерархии, согласно которой значения агенса и каузатора в определенных контекстах должны нейтрализоваться в общем для них смысле субъекта, отвечающем за реализацию Т. п.

Наконец рассмотрим каузатор-делиберат обонятельного или зрительно-го восприятия в моделях вида *Пахнет хлебом*. Вместо каузатора-делиберата мы будем пользоваться более традиционным понятием **стимула** и связанного с ним экспериенцера (под последним понимается «участник ситуации, воспринимающий зрительную, слуховую и т. п. информацию» [Плунгян: 165]). Сравним следующую пару конструкций:

3. Хлеб пахнет → Пахнет **хлебом**.

Сопоставление этих моделей делает возможным уточнить семантику стимула для конструкций в паре. Предложение *Пахнет хлебом* имплицитно локус, в котором и находится воспринимающий информацию экспериенцер. Именно этот локус и описывается характеристикой 'пахнуть хлебом'. Тогда это предложение характеризации локуса. Конструкции же вида *Хлеб пахнет* сами по себе могут не имплицитно локус. Они представляют характеристику 'пахнуть' как свойство хлеба. Это предложение характеризации стимула.

С этим связано еще одно показательное отличие конструкций в парах. Как отметила И.В. Галактионова в личной беседе, предложение *Пахнет хлебом* обозначает такую ситуацию, где пахнуть хлебом может не обязательно сам хлеб, а, например, помещение, где этот хлеб выпекался. Безусловно, такое прочтение абсолютно невозможно в примерах с И. п. вида *Хлеб пахнет*. Выражаясь более формальным языком, соответствующий участник меняет свою таксономию (о таксономии как части структуры глубинного падежа см. в [Raducheva]): если в *Хлеб пахнет* это предмет, то в примере *Пахнет хлебом* – запах.

Следовательно, в рассматриваемом контексте семантика характеризации локуса и реализующаяся таксономическая категория предмета, задает появившие формы И. п., а характеризация стимула и таксономия запаха – формы Т. п.

Литература

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2001.

Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2003.

Raducheva E.V. Thematic Roles and the Quest for Semantic Invariants of Lexical Derivations // Folia linguistica, 1998. Vol. XXXII/3–4. P. 349–363.

**Фразеологические глагольно-именные словосочетания
и описательные предикаты в научном стиле речи**

Конг Сун Янг

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Глагольно-именные словосочетания представляют собой соединение глагола обычно с именем действия, обозначающим в целом действие или состояние. Ф.И. Буслаев обратил внимание на то, что вместо одного глагола иногда употребляется глагол с именем, служащим ему дополнением. Эти словосочетания обычно называют или описательными словосочетаниями или лексическими единствами. Основное значение словосочетания выражается существительными, глагол же часто играет

роль структурного оформителя словосочетания или придает его значению дополнительный оттенок. Обычно сочетание имеет синоним в виде глагола, однокоренного с существительным, входящим в словосочетание. Например, словосочетание *одержжать победу* и однокоренный глагол *победить*; *оказать влияние – влиять*; *оказать помощь – помочь*; *дать ответ – ответить*; *производить проверку – проверить*.

Распространенность описательных глагольно-именных словосочетаний в научном стиле языка обусловлена тем, что для достижения необходимой точности описания словообразовательные возможности глагола недостаточны, т. е. возможности присоединения других слов, шире, чем у их однословных синонимов.

Устойчивые глагольно-именные словосочетания грамматически ничем не отличаются от соответствующих свободных словосочетаний. Например, *отдать предпочтение – отдать книгу*; *вступить в беседу – вступить в город*; *идти на убыль – идти на лекцию*, и т. п. По форме словосочетания одинаковы, они представляют собой соединение глагола с именем существительным без предлога или с предлогом. Однако в грамматическом плане они по-разному функционируют в предложении. Словосочетания *отдать книгу*, *вступить в город*, *идти на лекцию* в предложении выступают как сказуемое и дополнение или сказуемое и обстоятельство, а сочетания *отдать предпочтение*, *вступить в беседу*, *идти на убыль* в предложении будут единым сказуемым, хотя и структурно расчлененное действие или состояние. Таким образом, устойчивые глагольно-именные сочетания семантически являются неким единством, выражая не действие и его объект, а действие или состояние.

Характер устойчивости глагольно-именных сочетаний существенно отличается от характера устойчивости других фразеологических единиц. Если под устойчивостью фразеологических сращений и фразеологических единств понимается воспроизводимость в готовом виде всей единицы в целом, то под устойчивостью глагольно-именных сочетаний следует понимать лишь воспроизводимость модели, первый компонент – глагол, который остается постоянным (с возможностью некоторых синонимических замен), второй – имя, которое является переменным. Именной компонент дает возможности варьирования при неизменности глагольного компонента.

Воспроизводимость структурной модели в устойчивых глагольно-именных сочетаниях выделяет глагольно-именные сочетания из массы других фразеологических единиц, отличающихся индивидуальной устойчивостью.

Литература

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1848.

Генитив в системе средств выражения семантики посессивности

Короткова Александра Владимировна

Аспирантка Ставропольского государственного университета, Ставрополь

В рамках нашего исследования мы разрабатываем проблему реализации семантики посессивности в русском языке. Одним из наиболее типичных способов ее выражения является родительный падеж имени существительного. Как средство репрезентации значения принадлежности он постепенно вытеснял господствующие в древнерусском языке притяжательные прилагательные. Это объясняет признаковую (определятельную) природу генитива, а также отражает общую тенденцию русского языка к замене согласовательной связи управлением и примыканием.

В научной литературе существуют различные классификации конструкций с родительным падежом: функционально-семантическая (Г.А. Золотова), семантическая (М.А. Шелякин), функционально-синтаксическая (Грамматика 1980) и др., в зависимости от того, что пытается классифицировать исследователь (семантические свойства и отношения лексических единиц или значения родительного падежа). Считаю необходимым пояснить, что, вслед за С.А. Лутиным, мы придерживаемся точки зрения, согласно которой рассматриваемые нами значения словосочетаний с родительным падежом не являются значениями непосредственно самого падежа, а вытекают из лексико-семантических свойств компонентов словосочетаний и отношений между ними [Лутин: 34]. То есть мы будем рассматривать различные типы отношений между компонентами словосочетаний с родительным падежом.

Поскольку родительный падеж интересует нас не как таковой, а как одно из средств выражения семантики посессивности в русском языке, то при изучении языкового материала мы сфокусировались на рассмотрении непосредственно посессивного генитива (в его присловной позиции).

Посессивные отношения мы понимаем широко и в этом своем понимании опираемся на определение О.Н. Селиверстовой, в котором под посессивными отношениями понимается «"распространение" одного объекта (посессора, X-а) на другой или на некоторое множество других (обладаемые, Y-и)». Посессор «распространяет» свое «силовое» поле на объект обладания, объект также может являться частью существования посессора либо нести в себе его элемент [Селиверстова: 20–27].

Итак, опираясь на имеющийся эмпирический материал, а также на концепцию О.Н. Селиверстовой, мы выделяем следующие типы отношений в словосочетаниях с родительным падежом:

1. Посессор и его часть (которой он может управлять, подчинять себе):

Более же всего Рубахин страшился, что вот сейчас голова юноши тихо к нему повернется... (В. Маканин. «Кавказский пленный»).

2. Свойство и его носитель (посессор):

Это доброта старухи, вынесшей кусок хлеба пленному, доброта солдата, напоившего из фляги раненого врага... (В. Гроссман. «Жизнь и судьба»);

Что касается Кати, то она вначале была обескуражена замкнутостью и юношеской застенчивостью Травкина (Э. Казакевич. «Звезда»).

В этих и других примерах свойство представляется опредмечено и является составной (хотя и невещественной) частью своего носителя.

3. Носитель (посессор) ощущений, чувств, состояний, элементов мировоззрения (которые являются продуктом его жизнедеятельности, созданы и существуют в нем):

Страхи друзей показали Андрею Николаевичу чрезмерными и надуманными (А. Азольский. «Лопушок»);

Томление солдат и брань их по адресу разбойников были понятны (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»);

Шкатулка была позднего модерна, вычурная, воплощала собой представление лакея о настоящей роскоши (Л. Улицкая. «Путешествие в седьмую сторону света»).

4. Посессор тех действий, которые он осуществляет, или процессов, которые в нем протекают:

Несмотря на энергичную помощь Коли Воронцова, Сергей Николаевич долго отмалчивался (Д. Гранин. «Зубр»);

А также результатов, продуктов этих действий:

Но труд отца Андрея лежал в портфеле, пропуск был заказан (Ю. Домбровский. «Факультет ненужных вещей»).

5. Посессор возможностей, которые он может реализовать:

Талантом Черкасова восхищались Питер Брук, Феллини и Де Сика (С. Довлатов. «Чемодан»).

6. Посессор временных отрезков своего существования:

Потом настало время Метерлинка (В. Катаев. «Алмазный мой венец»).

Однако в подобных конструкциях (с существительными, обозначающими отрезки времени) в подавляющем большинстве случаев позицию лица занимает абстрактное существительное. В этом случае речь уже не может идти о посессивных отношениях:

Настала минута прощания (В. Токарева. «Своя правда»).

7. Посессор членов какого-либо класса:

Служивцы Геннадия сказали, что несколько раз в течение последней недели ему звонили, угрожали (Л. Улицкая. «Путешествие в седьмую сторону света»).

8. Посессор определенного места в пространстве. Это может быть реальное физическое пространство:

...я понял, что и впрямь на месте Павла лежит совершенно чужой человек (А. Волос. «Недвижимость»);

Или место в обществе или производственной системе:

Давно уже сменилось руководство в министерстве, на место Коняги заступил сперва старый кагэбэшник с ветеринарным образованием,

потом знаменитый хирург, беспощадный карьерист и вор (Л. Улицкая. «Путешествие в седьмую сторону света»).

Данный тип отношений позволяет неодушевленному объекту находиться в позиции посессора (что является неприемлемым для других рассматриваемых нами типов). Однако это возможно лишь при рассмотрении достаточно узкого пространства:

Не было кругом ни сада, ни построек, только два кирпичных столба на месте ворот да лопухи по канавам (И. Бунин. «Грамматика любви»).

Таким образом, для словосочетаний с присловным посессивным генитивом характерны атрибутивные отношения. Они осложняются субъектным значением, присущим посессору. В форме родительного падежа приобретать значение посессора может лишь ограниченная группа слов – одушевленные существительные (за редким исключением, как в п. 8). Описанные частные типы отношений нельзя назвать присущими исключительно посессивному генитиву, поскольку они могут также передаваться при помощи других языковых средств (как атрибутивных, так и предикативных). Следовательно, рассмотренные значения возникают не из самого родительного падежа, а из лексико-семантических свойств компонентов словосочетания с генитивом.

Литература

Лутин С.А. Русский генитив в функционально-семантическом аспекте. М., 2007.
Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания. М., 1990.

**К вопросу о числе сказуемого при подлежащем,
выраженном словом «ряд» и зависимым существительным**

Лабунская Татьяна Юрьевна

Аспирантка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва

Современную науку отличает взгляд на предложение как на многоаспектное явление, как на комплекс нескольких относительно независимых (хотя и взаимосвязанных) систем. Долгое время структура предложения находилась в центре синтаксических исследований, т. е. изучался формальный аспект предложения. Формальная организация предложений характеризуется соотношением их с тем или иным образцом предложения – структурной схемой. Но в организации предложения есть и такая сторона, «которая не может быть выяснена, пока мы остаемся в границах самого предложения» [Белашапова: 681], без обращения к речевой ситуации, к тексту, к функционированию предложения.

Предложения с количественно-именным подлежащим были описаны во многих крупных работах конца XIX – начала XX в. [Буслаев и др.], в Русской грамматике [Русская Грамматика: 1980], в ортологической литературе [Розенталь; Граудина и др.]. Однако особенности этих предложений рассматривались в формальном аспекте. Главной особенностью предложений с количественно-именным под-

лежащим является колебание в числе глагола-сказуемого. Особенность данной связи не в уподоблении, а в «сложном соотношении форм» [Белошапкова: 631] подлежащего и сказуемого. В литературе существует традиция называть данный вид связи «согласованием по смыслу». Ключевую роль играет понимание «смысла», который влияет на согласование. Это смысл, соотносимый с формой, значением и функцией всего предложения, который задается текстом. При анализе рассматриваемых предложений мы исходим из положения о том, что «предложением управляет текст. Человек не говорит отдельно придуманными предложениями, а одним задуманным текстом. Это предъявляет требования к отбору грамматического состава текущего предложения» [Жинкин: 91].

При изучении «языковой системы в действии или функционирования языка» [Кацнельсон: 102] становятся очевидными функциональные различия предложений с разными формами числа глагола-сказуемого. Мы считаем, что различия в числе сказуемого в предложениях с количественно-именным подлежащим отражает разные способы выражения мысли. Мы присоединяемся к мнению тех лингвистов, которые считают, что коммуникативная интенция говорящего участвует в организации структуры предложения [Ковтунова: 31; Падучева: 176] и изучение строения предложения не является изолированным от коммуникативного аспекта его исследования.

Рассмотрим текстовые фрагменты, содержащие конструкции, подлежащим в которых является слово «ряд»:

(1) Генетически мигрень проявляется в некоторой энергетической клеточной «неполноценности», которую организм пытается компенсировать. В этом смысле приступ мигрени – плата за необходимость поддерживать высокий жизненный тонус. *Ряд ученых считает*, что существует особая мигренозная личность. Это люди легко возбудимые, обидчивые, совестливые, с высоким уровнем притязаний и нетерпимостью к чужим ошибкам [Жизнь национальностей, 2001].

(2) В очередной раз развернулась в США дискуссия между сторонниками и противниками использования в автомобилях дизельного топлива. *Ряд экспертов напомнили*, что дизельные двигатели выбрасывают в атмосферу значительно меньше отравляющих веществ, чем бензиновые, в том числе образующих «парниковый эффект» углекислоты. Однако организации защитников окружающей среды решительно выступили против нарушения ряда ограничений, строго запрещающих использование дизельного топлива [Транспорт России, 2002.05.20].

Данные публицистические повествовательные тексты содержат высказывания, субъектом которых является некоторое множество одушевленных предметов. Порядок слов в рассматриваемых конструкциях и структурная схема интересующей нас части сложного предложения одинаковы. С лексико-грамматической точки зрения подлежащее выражено собирательным существительным плюс существительное. Однако глагол-сказуемое в первом случае находится в форме единственного числа, а во втором – в форме множественного. Руководствуясь имеющимися в ортологической литературе рекомендациями [Граудина:

33–34; Розенталь: 257–259], следует и в первом, и во втором случае использовать форму единственного числа, однако мы не можем признать употребление формы множественного числа во втором случае ненормативным. Несмотря на сходство формальной структуры рассматриваемых предложений, очевидны различия в значении предиката, которые в данном случае влияют на структуру высказывания: во втором примере предикат активного действия требует использования формы множественного числа глагола, подчеркивая важность действия (это становится понятно из предшествующего предложения). В первом примере внимание автора сосредоточено на именной группе, словосочетание «ряд ученых» имеет не просто значение «неопределенное множество ученых», а «группа ученых, имеющих сходное мнение по данной проблеме». Глагол «считать» в данном случае можно отнести к группе стативов, что дает право говорить о предикате состояния, противоположном предикату активного действия, что влияет на выбор формы единственного числа.

Проанализировав внешне сходные предложения с количественно-именным подлежащим в тексте, мы делаем вывод, что объяснить выбор формы числа глагола-сказуемого в отвлечении от реального употребления невозможно, поскольку «предложение вне текста не существует» [Звегинцев: 173]. Вопрос об особенностях согласования сказуемого с количественно-именным подлежащим должен решаться с учетом всей совокупности фактов, а не ограничиваться описанием формальной структуры этих предложений.

Литература

- Белошапкина В.А. Современный русский язык. М., 2002.
Буслаев Ф.И. Грамматика русского языка. М., 1881.
Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М., 2001.
Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
Звегинцев В.А. Предложение в его отношении к языку и речи. М., 1976.
Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
Падучева Е.В. Актуальное членение и способы называния объектов в тексте // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Горького, вып. 112. М., 1977.
Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 2007.
Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.

**Семантическая значимость грамматической категории рода
в русском языке (с позиций функционального и иных подходов)**

Мамечков Степан Геннадьевич

Аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Выбор исследовательской стратегии может быть определяющим в научном исследовании: смыслы, которые один подход оставляет завуалированными, скрытыми, другой подход делает явными и определенными, то, что одна теория не в состоянии объяснить, инструментарий другой теории по-

зволяет объяснить. Это свидетельствует о превосходстве второй теории над первой [Кун 63–129, 151–179].

Объект нашего исследования: функциональный подход к грамматическому описанию в сопоставлении со структурным и генеративным.

При структурном подходе анализируются ресурсы языкового механизма как особой системы; традиционный структурализм изучал строение системы, новейший структурализм изучает готовность этой системы к порождению речи (генеративная лингвистика) [ЛЭС: 496]. Структурный и генеративный подходы оказываются не в состоянии решить проблему соотношения грамматической категории рода и семантической категории биологического пола (см., например: [Есперсен: 266]). Так, структурный подход не в состоянии дать математически точного ответа на вопрос, почему, например, существительные *дядя*, *лев* относятся к м.р. на семантических основаниях [Corbett: 34], а существительные *обезьяна*, *стрекоза*, *лягушка*, *река*, *трость* (см. парадигму) к женскому лишь на формальных – какова закономерность, позволяющая предсказать, вступит в действие формальное правило распределения для данных существительных или же семантическое? Функциональный подход решает проблему соотношения понятий грамматической категории рода и семантической категории биологического пола: род оказывается практически всегда семантичен, ср. функционирование существительных *обезьяна*, *стрекоза*, *лягушка*, *река*, *трость* в баснях и сказках типа «*Зеркало и обезьяна*» «*Стрекоза и муравей*» (Крылов), «*Царевна-лягушка*» (Рус. нар. сказка), «*Пруд и река*», «*Дуб и трость*» (Крылов). Математическая регулярность восстанавливается (ж. р. – ж. пол, м. р. – м. пол).

С точки зрения чисто структурного подхода род в русском языке не может быть признан полноценной семантической категорией [Зализняк: 62–88], т. к. большую часть существительных русского языка составляют неодушевленные существительные, родовая семантика которых в стандартном контексте оказывается не реализована. Невозможность для структурной теории языка рассматривать род в русском языке как категорию семантическую делает затруднительной адекватную интерпретацию описанных ниже речевых ситуаций.

Проблемные речевые ситуации (метафоризации, наречения, сравнения, языковой игры и некот. др.), которые не поддаются логичной интерпретации при структурном и генеративном подходах, создают предпосылки для выдвижения более совершенной (с точки зрения рассматриваемых задач) теории, которая позволяла бы логично описать эти ситуации.

Изменение стратегии исследования путем введения дополнительного критерия – критерия текста, функционирования слова в тексте и переход тем самым от структурного и генеративного подходов к функциональному позволяют правильно проинтерпретировать проблемные речевые ситуации исходя из допущения, что граммы м. и ж. родов обладают полноценным системным семантиче-

ским потенциалом, что верно даже для неодушевленных существительных. Языковые эффекты, которые возникают в данных речевых ситуациях, базируются именно на семантике родовых граммем неодушевленных существительных.

1. Ситуация метафоризации: Сейчас притащили израненный **вечер**. / Крепился долго, кургузый, шершавый, / И, вдруг надломивши черные плечи, / Расплакался, бедный, по шее **Варшавы** (В. Маяковский, «Мама и убитый немцами вечер»); Когда **ночь** была **девочкой**, / И каждый день был океанской волной... (Б. Гребенщиков, «Джунгли»); Две подруги, которые ждут Казанову: одна из них **старость**, вторая – **смерть** (Э. Радзинский, «Загадка Казановы»).

2. Ситуация наречения. Если возникает необходимость дать имена домашним животным и надо выбрать между именами типа *Вечер* и *Ночь*, то самца однозначно назовут *Вечер*, а самочку *Ночь*, а не наоборот.

3. Ситуация сравнения (включая психологический параллелизм): Каково же **ноченьке**, / Каково же теменькой, / Да без **месяца**? / Таково-то **девице**, / Таково-то **Аннушке** / Без милова жить без **дружка**! (Рус. нар. песня).

4. Ситуация языковой игры: – Когда она пойдет? – Это не она, а он. **Автобус**. – А я к ней под колеса не заглядывал [Санников: 77].

Таким образом, при подключении сведений о механизмах и правилах функционирования существительных в различных типах речи (включая поэтическое творчество и языковую игру) происходит расширение сферы реализации системных родовых семантических правил: неодушевленные существительные в тексте функционируют как обладающие полноценным семантическим потенциалом, что позволяет признать род в русском языке категорией не формальной, а семантической. Существуют прототипические смыслы языковых (в частности, родовых) форм, которые структуралистский подход не учитывает и которые на 100% работают в речи.

Итак, переход от одной интерпретационной системы языковых механизмов (структурной, включая генеративные модели описания языка) к другой (функциональной) путем перестройки лингвистических стратегий, благодаря чему основное внимание исследователя привлечено не к абстрактной языковой системе, а к реальной речи во всем ее многообразии, создает предпосылки для установления практически одно-однозначного соответствия между системообразующими граммемами категории рода в русском языке ('м. р.' и 'ж. р.') и базисными концептами семантической категории биологического пола.

Литература

- Есперсен О. Философия грамматики. М., 2002.
Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 2002.
Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.
Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
Corbett G. Greville. Gender. Cambridge University Press. 1991.

Система русских темпоральных наречий в зеркале новогреческого языка

Мареева Юлия Александровна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Наречие – пожалуй, наименее изученная самостоятельная часть речи, особенно в сопоставительном аспекте, что связано с трудностью классификации и систематизации наречий, «поскольку в дискурсе они оказываются изофункциональны словоформам других частей речи, обслуживающих совместно с ними то или иное функционально-семантическое поле (ФСР)» [Всеволодова: 66].

Опираясь на принципиальные положения функционально-коммуникативной грамматики (ФКГ), которая не противопоставляется грамматике традиционной, но пересматривает некоторые концептуальные положения последней, мы рассматриваем русские наречия как фрагмент ФСР времени в сопоставлении с соответствующими наречиями новогреческого языка. Следовательно, конкретным предметом нашего исследования является категория наречной темпоральности в русском и новогреческом языках.

Цель данной работы – выявить черты сходства и различия в семантике и грамматике темпоральных наречий русского и новогреческого языков.

В качестве материала исследования были использованы данные словарей, грамматик, примеры из живой речи, интернета. В отдельных случаях использовались сведения, полученные от информантов – носителей новогреческого языка.

Рассмотрение русских наречий и их иноязычных коррелятов в сопоставительном плане имеет в первую очередь собственно научную значимость, так как помогает выявить семантические, морфологические, синтаксические, коммуникативные, текстовые и другие специфические особенности этого категориального класса слов в разных языках. Элементы смысла, передаваемые наречиями, в разных языках закрепляются за языковыми формами, относящимися к разным частям речи. Наречиям одного языка могут соответствовать именные группы в другом, ср. синонимичные предложения с наречием в новогреческом языке и с именной группой в роли вводного слова в русском языке:

Ευτυχώς, θα πάω στη Μόσχα (К счастью, я поеду в Москву).

Или же именной локативной группе русского языка соответствует наречие новогреческого языка. Например:

Мы едем на юг (Πάμε νότια)

И в русском, и в новогреческом языке наречия образуются от других частей речи при помощи различных формантов, специальных морфем. В обоих языках существуют наречия, производные и непроизводные на синхронном уровне. Подавляющее большинство наречий соотносено со словами других знаменательных частей речи (мотивированные наречия). Таким образом, в новогреческом языке, как и в русском, наречия могут быть разделены на первичные (непроизводные, утратившие соотношенность со словами других знаме-

нательных частей речи на синхронном уровне, в обоих языках этот класс представлен небольшим количеством наречий и вторичные (производные). В русском языке наиболее продуктивными моделями образования наречий являются Adj + -о/-е (например, *долго*), по + Adj + -и (например, *по-русски*), по + Adj + -ому/-ему (например, *по-новому*). В греческом языке большинство наречий образуется от прилагательных с помощью аффиксов *-α* и *-ως* (Adj + *α*, Adj + *ως*). Некоторые наречия образуются от одного прилагательного посредством обоих аффиксов (*σύγχρονα*, *συγχρόνως* – одновременно).

При сопоставительном анализе мы применяем систематизацию русских темпоральных наречий, разработанную Ф.И. Панковым в рамках ФКГ, к их новогреческим коррелятам. На основании сопоставления были обнаружены зоны сближения и расхождения между ними.

Соотнесенность русских и новогреческих наречий в целом условно можно свести к двум основным типам: соответствия и несоответствия. Соответствие означает, что для русского наречия существует эквивалент в новогреческом. Несоответствия же могут быть двух типов: 1) русскому наречию соответствует другая часть речи в новогреческом языке; или 2) новогреческому наречию соответствует другая часть речи в русском языке.

На основании сопоставительного анализа системы русских и новогреческих темпоральных наречий мы обнаружили, что большинство наречий русского языка имеют точные соответствия в новогреческом языке, однако некоторые вообще не имеют коррелятов. И наоборот, в новогреческом языке существуют наречия, не имеющие аналогов в современном русском литературном языке (такие как *φέτος* – в этом году, *πέρσι*, *πέρυσι* – в прошлом году, *προπέρυσι*, *προπέρσι* – в позапрошлом году, *απόψε* – сегодня вечером).

В результате сравнения на формальном и семантическом уровнях были обнаружены черты как сходства, так и различия. В большинстве случаев можно провести параллель между семантическими группами русских и новогреческих темпоральных наречий. Все множество русских и новогреческих наречий ФСП времени может быть разделено на две большие группы: ТН, выражающие безотносительное время, и ТН, выражающие относительное время. Что касается следующих рангов разбиения, то в них обнаруживаются несоответствия. Так, в новогреческом языке в подмножестве темпоральных наречий, дифференцированных относительно кратности, отсутствуют наречия с указанием на количество действий (кроме книжных, архаических *δύς* – дважды, *τρεις* – трижды, *τετράκις* – четырежды). Не всегда русской адвербиальной лексеме можно подобрать новогреческий коррелят. Нередко греческому наречию соответствует иная лексема или сочетание нескольких лексем в русском языке. Нет адвербиальных коррелятов и для русских наречий, выражающих инклюзивное следование действия за другим действием, таких как *сызмальства*, *смолоду*, *истари*, *издавна*. В новогреческом языке им соответствуют предложные конструкции.

Кроме того, в новогреческом языке не зафиксированы наречия, выражающие совпадение с моментом в тексте (*тут*), выражающие конкретизированное следование по отношению к моменту в тексте (*назавтра*), выражающие инклюзивное предшествование действия другому действию (*дотемна, допоздна*). Для последних эквивалентом также являются сочетания с предлогом.

Наречиям, как в русском, так и в новогреческом языках, свойственна редупликация, которая может усиливать, осложнять и изменять смысл исходного редупликанта. Однако в новогреческом языке редупликация представлена гораздо более широко, чем в русском языке, часто адвербиализируются слова других частей речи, в частности существительные в прямом и косвенных падежах, образуя богатый синонимико-вариативный ряд.

Однако рассмотрение русских наречий и их иноязычных коррелятов в сопоставительном плане имеет не только собственно научную значимость, но и решает ряд прагматических задач, связанных с практикой преподавания русского языка как иностранного, в частности грекам, и при изучении русскими новогреческого языка. В результате сопоставительного анализа языковых единиц на формальном и семантическом уровнях были обнаружены черты как сходства, так и различия. Это может быть полезно как для русских, изучающих новогреческий язык, так и при преподавании русского языка грекам. В этом заключается практическое значение данного исследования.

В новогреческих грамматиках к наречию как к части речи нередко относят слова совершенно разной категориальной природы, которые объединяет лишь признак неизменяемости (несклоняемости по падежам и неспрягаемости). Мы показали, что класс темпоральных наречий в русском и новогреческом языках не является бессистемным множеством лексических единиц, и в зависимости от их значения и употребления все темпоральные наречия могут быть отнесены к той или иной группе в представленной систематизации. Первые наблюдения показали, что лексический состав темпоральных наречий русского и новогреческого языков совпадает не полностью, однако в системах русских и новогреческих наречий можно найти и немало общего.

Литература

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.

Роль «контактных» слов в бессоюзном сложном предложении

Новикова Наталия Ильинична

Аспирантка Воронежского государственного университета, Воронеж

При отсутствии специальных грамматических средств (союзов или союзных слов), способных четко обозначить смысловые отношения между частями бессоюзного сложного предложения, особые требования предъявляются к лексико-семантическому наполнению частей [Ширяев: 48]. Первичная функция лексических элементов – наименование событий реально мира, явлений, ситуаций. Однако в контексте бессоюзного предложения лексические элементы развивают вторичную функцию. Они при поддержке

других средств (в частности, интонации) становятся связующими элементами между частями бессоюзного сложного предложения. Особый интерес представляют «контактные» слова, устанавливающие взаимодействие частей. Различают две группы «контактных» слов: лексемы противоположного значения и лексемы с общим семантическим компонентом.

Лексемы противоположного значения (так называемые лексемы-антонимы) – лексические элементы, не соотносимые по своей семантике (*Спали днем: пробираться к своим можно было только ночью*). В подобных предложениях первый компонент семантики не воспринимается без второго, он непременно сопровождается вторым, его порождает.

В условиях сосуществования противоположных по своему значению лексем, последние «обрастают» дополнительными семами. Так, трансформировав бессоюзное предложение в простое *Спали днем*, приходим к выводу, что в рамках узкого по своим объяснительным возможностям простого предложения причина алогичной ситуации *спали днем* не получает вербального выражения. Возможную причину можно узнать лишь из контекста, сопровождающего данное предложение. В бессоюзном предложении дело обстоит иначе: вторая предикативная часть «объясняет» причину «сна в дневное время суток» и в то же время обогащает семантику лексем «день» «ночь» новыми семами. В условиях соположения в рамках бессоюзного сложного предложения события и его причины лексема «день» получает семы: «незащищенность», «опасность», «угроза», а лексема «ночь» – «укрытие», «безопасность», «защита».

Антиномичность событий в рамках бессоюзного предложения может достигаться и за счет лексем, одна из которых имеет сему негации, что находит выражение в частице или приставке не: *Он не помнит о важных вещах – я подмечаю каждую мелочь* [Иванова: 101]. Такие предложения выражают объективный основной смысл (нейтральное отношение) безотносительно к субъективным «добавкам» [Шувалова: 58]. Это субъективное отношение чаще всего имеет скрытый, потаенный характер. В таком случае, чтобы обнаружить и «открыть» отношение автора к рассматриваемой ситуации, нам потребуется контекст, в рамках которого и употребляется данное бессоюзное предложение.

Лексемы с общим семантическим компонентом – лексические элементы, идентифицирующие один и тот же семантический компонент (*Борис не спал: он печально смотрел на звезды; АLINE казалось: все смотрят на нее с презрением и злорадством*). Общий семантический компонент представлен во второй предикативной части чаще всего местоимением или словом-синонимом/словом-заместителем [Изаренков: 73]. Опорное слово первой части обладает вполне конкретным значением. Им в большинстве случаев оказывается имя собственное, которое референтно и не требует специальной идентификации. Вторая предикативная часть в таких бессоюзных предложениях выступает в функции

добавочного сообщения, попутного замечания к общей ситуации, обрисованной в первой части. Имя собственное лексически полновесно, самодостаточно, обладает семантической уникальностью в смысле невозможности его дальнейшего распространения. В бессоюзных сложных предложениях, где происходит семантическое дублирование имени собственного местоимением возникает расширение семантики, что приводит к семантической «перегруженности». Но эта «перегруженность» оказывает позитивное воздействие на семантику всего предложения в целом. Автор предложения, заботясь о более полном и адекватном восприятии изображаемого фрагмента действительности (также часто и об эмоциональном воздействии на адресата с той же целью лучшего усвоения предложения) привлекает описание еще одной ситуации с тем же участником. Иначе говоря, общая ситуация преподносится дискретным способом, когда автор как бы собирает отдельные «кубики» реального мира под единой «крышей» бессоюзного предложения.

Рассмотрев две группы «контактных» слов: лексемы противоположного значения и лексемы с общим семантическим компонентом, мы пришли к выводу о «строительной» функции подобных единиц в рамках каркаса бессоюзного сложного предложения. Соположение лексических элементов либо общего семантического плана, либо разного семантического плана (но имеющего единую типологическую однородность ситуаций) приводит к тесному сцеплению частей, что способствует восприятию бессоюзного сложного предложения как единого коммуникативного целого.

Литература

Иванова В.А. Антонимия в системе языка. Кишинев, 1982.

Изаренков Д.И. Бессоюзное сложное предложение. М., 1990.

Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.

Шувалова С.А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М., 1990.

Деепричастие. Наречие. Таксис (к семантике глагола *знать*)

Онипенко Ольга Сергеевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, Москва

В русской лингвистической традиции XX в. грамматическую сущность деепричастия принято интерпретировать при помощи термина таксис. При этом прототипической таксисной формой оказалось именно деепричастие. В результате общепринятое понимание таксиса – это соотношение двух предикатов по времени (одновременность/разновременность), что выражается в деепричастиях глагольным видом во взаимодействии с семантикой глагольного корня (НСВ – одновременность, СВ акционального глагола – разновременность, СВ неакционального глагола – взаимодействие двух таксисных значений). Од-

нако есть и другое понимание таксиса, которое включает в таксисные отношения понятие лица, а точнее, совпадение/несовпадение по субъекту. Таксис в этом, т. е. в более широком смысле, охватывает не только деепричастия и однородные сказуемые, но и причастия, инфинитив, девербатив, а также знаковые предложно-падежные формы.

Известно, что отдельные деепричастия могут «уходить» из глагольной системы (переходят в наречия или производные предлоги). Это обусловлено выходом за пределы категории таксиса, т. е. «выключением» категорий времени и/или лица. Если категория лица в конструкциях с деепричастиями (проблема субъекта) обсуждается во многих работах в связи с правилом односубъектности и возможности его нарушения, то категории времени внимания уделялось гораздо меньше.

Настоящая работа посвящена изучению семантики деепричастий в сопоставлении с наречиями в связи с категорией таксиса. Речь пойдет об условиях синонимических отношений между деепричастными конструкциями *не зная* + *абстрактное существительное* и наречиями с приставкой *без/с-, не-* (*Не зная страха – бесстрашно, не зная устали – неустанно, без устали*).

Семантика наречия предполагает отсутствие значения развития событий во времени, что обуславливает атрибутивную функцию наречия. Следовательно, приобретение наречной семантики для деепричастных конструкций возможно при одной из трех таксисных версий – одновременности (ср. известные примеры с деепричастиями *сидя, лежа, не шутя*). В этой ситуации важна и семантика глагольного корня: если глагол относится к разряду стативов (предикатов состояния), то для него открывается возможность занимать атрибутивную позицию при финитном глаголе (*нехотя*).

Глагол *знать* привлекал к себе внимание многих исследователей (см., например, словарную статью Ю.Д. Апресяна в НОССРЯ). С точки зрения синтаксиса этот глагол можно характеризовать по следующим параметрам: (а) управление – предложное/беспредложное (*знать Ивана/об Иване*); (б) возможность соединения с разными придаточными (*Я знаю, что он придет/Я знаю, где он живет...*); (в) полнознаменательность/неполнознаменательность (*Он не знал дороги, Он не знал страха = был бесстрашен*). В этом случае мы имеем дело с проблемой описательных предикатов, которые образуются соединением глагола *знать* с абстрактными существительными.

Эти соединения бывают трех типов, в зависимости от семантики абстрактного существительного и от семантических отношений с субъектом предложения: (1) *знать новость* (*узнать новость, зная новость, не зная новости*); (2) *знать горечь поражений* (*узнать, познать=испытать, т. е. иметь опыт*); (3) *не знать страха* (=быть бесстрашным, не иметь страха, действовать бесстрашно, без страха).

Нас интересует третий тип, который функционирует как описательный предикат и выражает внешнюю точку зрения говорящего, т. е. приписывание признака со стороны. Для него характерно две особенности: частотность употребления деепричастной формы и наличие отрицательной частицы:

«Страха *не зная*, царю он вещает правду – не низкие лесты вельможи!» (Дельвиг А.А.) = бесстрашно вещает царю правду. «Последние силы бунтуют, *не зная* покою» (Григорьев А.А.) = беспокойны, беспокойно

Отличие этих деепричастных оборотов состоит в том, что глагол полностью потерял ментальную семантику, т. е. никак не может быть связан с внутренней точкой зрения субъекта приписываемого признака; ср. не знает стыда, не знает сомнений. Субъект личный – носитель признака – не является субъектом знания или незнания, это доказывается синонимической заменой *знать* на *иметь*: не имеет стыда. Конструкция *Я не знаю за ним проявлений страха* модифицируется в *Он не знает страха*. Кроме того эти предикаты возможны только с отрицательной частицей. Их синонимами оказываются наречия: бесстрашно, бесстыдно, беспокойно, неустанно... эти описательные предикаты заменяются и на глаголы: не страшась, не стыдясь, не уставая...

Конструкция типа *не знать страха* чаще употребляется в деепричастной форме, т. к. это сопутствующее действие при акциональном глаголе.

В докладе будут рассмотрены примеры из поэтических текстов русской литературы XIX в.

Литература

Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.

**Релятивы, оценивающие достоверность / недостоверность
высказывания, в мемуарном тексте монтажного типа
(на материале мемуаров А.С. Демидовой «Бегущая строка памяти»)**

Павлова Валентина Михайловна

Студентка Череповецкого государственного университета, Череповец

Одним из основных признаков мемуарного жанра считается его ярко выраженная субъективность, которая, являясь результатом авторской рефлексии над сообщаемым, одновременно порождает «некий фермент «недостоверности», который заложен в самом существе жанра» [Гинзбург: 10]. Слова-релятивы, оценивающие достоверность/недостоверность высказывания, выражают в мемуарах авторскую уверенность или неуверенность в сообщаемом, относятся к сфере эпистемической модальности и представлены двумя семантическими категориями слов: со значением «убежденности в сообщаемом» и значением «предположительности».

Анализируемое произведение А.С. Демидовой «Бегущая строка памяти» представляет текст монтажного типа, т. е. целостное образование, объединяющее различные субжанровые включения: литературные мемуары, письмо, дневник. Одно из отличий указанных субжанров состоит в различном типе адресата: автокоммуникация – дневник, персонифицированный адресат – письмо, персонифицированный адресат – мемуары. Для нас особый интерес представляет, во-первых, рассмотрение контекстного употребления релятивов достоверности/недостоверности, во-вторых, сравнение функционирования данных единиц в различных субжанровых включениях.

В целом, в анализируемом мемуарном тексте выделено 15 различных релятивов: 6 единиц со значением уверенности говорящего в сообщаемом и 9 единиц со значением неуверенности. В количественном соотношении также преобладают релятивы неуверенности: 238 реализаций против 115. Цифровые данные по релятивами достоверности/недостоверности обобщены в таблице.

Релятивы достоверности/недостоверности

№	релятив	всего	в мемуарах	в дневнике	кол-во в дневниковых записях, в %
1	конечно	77	70	7	9%
2	естественно	30	29	1	3%
3	безусловно	5	5	0	0%
4	разумеется	1	1	0	0%
5	воистину	2	2	0	0%
6	несомненно	1	1	0	0%
7	может быть	115	115	2	2%
8	видимо	62	52	10	16%
9	наверное	30	28	2	7%
10	кажется	9	9	0	0%
11	пожалуй	8	8	0	0%
15	очевидно	7	7	0	0%
13	вероятно	2	2	0	0%
14	по всей видимости	1	1	0	0%
15	наверно	1	1	0	0%
	всего	355	333	22	6%

Как видно из таблицы, в каждой из групп может быть выделена ядерная лексема и периферия. Как правило, именно ядерная частотная лексема встречается и в тексте литературных мемуаров, и в дневниках. Однако по сравнению с мемуарным повествованием в дневниковых записях реляционные средства представлены достаточно скупо. Это объясняется, во-первых, разными способами отражения действительности: синхронным в дневниках, ретроспективным в воспоминаниях; во-вторых, разными целевыми установками общения: дневник, изначально рассчитанный на автокоммуникацию (текст для себя), представляет собой фрагментарные ежедневные записи, не подлежащие редактированию.

ванию, а релятивы «используются как модальные квалификаторы, уточняющие достоверность сообщаемого при «редактировании» текста» [Ляпон: 32].

Среди релятивов достоверности преобладает лексема «конечно» со значением «само собой разумеется, без сомнения»: «*И, конечно, все мы отравились*» [Демидова: 46]. В конструкциях типа «конечно... но...» реализуется значение уступки: «*Конечно, он был уникальным кинорежиссером, но в душе он был художником-мистификатором*» [Демидова: 131]. Функция многократно повторяющегося релятива «конечно» заключается в воздействии на читателя, в попытке автора как можно точнее передать собственное эмоциональное отношение к ситуации: «*Конечно, он жил «по-над пропастью», как он сам пел. Конечно, мы это видели. Конечно, предчувствие близкого конца обжигало сердце*» [Демидова: 20].

Группа релятивов предположительности представлена в мемуарном тексте гораздо шире. Их основная функция – снижение степени достоверности сообщаемого – в анализируемом тексте приобретает особую актуальность в ситуации припоминания, типичной для мемуарного жанра: «*Кажется, было шестнадцать экранизаций «Живого трупа»*» [Демидова: 239]. Кроме того, с помощью этих единиц адресант оценивает свое истолкование как одно из возможных, не претендуя на единственность своей точки зрения: «*Он удивился, наверное, никогда не думал об этом*» [Демидова: 33]. Наиболее частотный релятив этой подгруппы – «может быть» – нередко употребляется с целью введения авторской гипотезы: «*А может быть, в Библии при переводе неправильно поставлены знаки препинания? Может быть: «Блаженны нищие. Духом войдут они в царствие Божие...»*» [Демидова: 170]. Адресант делится с адресатом собственными соображениями, приглашая его к своеобразному «диалогу».

Рассматривая низкочастотные релятивы со значением достоверности/недостоверности, отметим, что наиболее любопытным кажется употребление адресантом релятива «воистину» в субжанре частного письма к конкретному адресату (Р.М. Беньяш), который предполагает в отличие от дневника и мемуаров «обилие оценочных, рекуррентных, объяснительных модальностей» [Винокур: 94]: «*...воистину дым Отечества не всегда сладок бывает и приятен...*» [Винокур: 473] и «*Воистину, знаменитая фраза Канариса о Гитлере – «Помешан на самом себе» – никого бы сейчас не удивила...*» [Винокур: 473].

В целом можно сделать вывод о функциональном разнообразии релятивов достоверности/недостоверности в мемуарном тексте монтажного типа.

Литература

- Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. М., 2005.
Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1971.
Демидова А.С. Бегущая строка памяти. М., 2000.
Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутренних отношений. М., 1986.

Включение иноязычных заимствований в систему русского словообразования

Пак Кын Хе (Республика Корея)

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В эпоху глобализации и расширения связей между народами и странами, естественно, усиливается и межязыковое взаимодействие. Существует обширная литература, посвященная адаптации заимствованного слова русской лексической системой (см., в частности, работы Л.П. Крысина, М.А. Кронгауза и др.), издаются словари иностранных слов (под ред. А.Г. Спиркина, Л.П. Крысина) и другие лексикографические труды. Значительно менее активно рассматривается вопрос о словообразовательном аспекте освоения русским языком иностранных слов. Поэтому тема доклада представляется очень актуальной как с теоретической точки зрения, так и в плане лингводидактики.

Проблема взаимодействия словообразовательных систем разных языков может анализироваться с различных точек зрения. Словообразовательная структура слова состоит из двух компонентов – мотиватора (производящего) и дериватора (форманта), при этом и тот и другой могут отражать иноязычное влияние.

Во-первых, при образовании современных русских производных слов нередко используются иноязычные производящие. Так, от английской аббревиатуры *DOS (Disk operating system)* образуется русский дериват *DOS-овский* с представлением производящей базы латинским шрифтом (что уже свидетельствует о ее иноязычности), но с типично русским суффиксом *-овск-* (ср.: *Орловский, Толстовский, жениховский, аэрофлотовский*). Дериват *DOS-овский* отражен в «Толковом словаре русского языка конца XX в.: Языковые изменения» [Скляревская 1998]. Там же зафиксированы и другие дериваты подобного типа, например *айбизмовский*, от *Ай-Би-Эм*, ср. англ. *IBM (International Business Mashines)*, название крупнейшей корпорации по производству вычислительной техники со штаб-квартирой в США. Еще один пример: в английском языке существует сложносокращенное слово *PC* («писи»), что означает «персональный компьютер»). В русском языке от этой аббревиатуры был образован разговорный дериват *тисюк*. Это слово из компьютерного жаргона фиксирует «Толковый словарь русского языка начала XXI в.: Актуальная лексика» [Скляревская 2006].

Опираясь на данные словарей, прежде всего словаря актуальной лексики начала XXI в., а также материалы прессы и Интернета, мы ставили перед собой задачу определить круг иностранных производящих основ, активно представленных при образовании современных русских неологизмов. Важно, что производящая основа иностранного происхождения может встречаться в разных словах русского языка, которые находятся между собой в от-

ношениях производности. Так, от заимствованного из японского языка слова *айкидо* «возникшее в XX в. японское боевое искусство, основанное на тактике предотвращения нападения» образованы слово *айкидоист* [Скляревская 2006] и потенциальные дериваты *айкидоистка*, *айкидоистский* (см. ресурсы Интернета). Это свидетельствует об активности заимствованных производящих основ в системе современного русского словообразования.

Во-вторых, нами изучались закономерности того, как при образовании русских слов используются иноязычные словообразовательные форманты. Очень показательна экспансия англоязычного суффикса *-ing* в сфере русского словообразования. Так, перед газоном на одной из подмосковных дач (пример А.К. Жолковского) была выставлена табличка с шуливой надписью: *По траве до косинга не ходить*. Случаи замены исконного русских словообразовательных формантов иноязычными весьма частотны в современной русской речи, особенно игровой.

Одна из задач изучения корпуса русских производных слов с иноязычными мотиваторами и/или дериваторами нами сводится к установлению: 1) всех продуктивных словообразовательных типов, 2) способов словообразования, 3) морфонологических моделей, 4) семантических видов производности (переносная, ассоциативная и т. п.), 5) функций дериватов анализируемого типа (номинативная, экспрессивная, игровая и т. п.).

Но самая главная задача – это установление целостной системы слов с иноязычными по происхождению производящими и дериваторами. Эта задача решается в результате последовательного соотнесения неологизмов типа *ай-бизмовский* с системой уже существующих словообразовательных гнезд русского языка, зафиксированных в двухтомном «Словообразовательном словаре русского языка» [Тихонов]. При этом слова с иноязычными структурными компонентами выполняют в составе словообразовательных гнезд различные функции. Такие слова могут:

1) Включаться в одно из гнезд, отмеченных А.Н. Тихоновым, т. е. расширять объем существующих гнезд; ср. гнездо с вершиной *абсурд* → неологизм *абсурдизм* → неологизмы *абсурдист*, *абсурдистский*; гнездо с вершиной *алкоголь* → неологизмы *алкаш*, *алконавт*, *алкозависимость*;

2) Делать «одиночное» (не имеющее дериватов, т. е. не входящее ни в какое гнездо) слово из словаря А.Н. Тихонова вершиной нового гнезда, т. е. увеличивать количество реально существующих в русском языке словообразовательных гнезд; ср. *анклав* (слово не имело дериватов) → потенциальный дериват *анклавный* (*анклавный губернатор Боос*. – Интернет), в результате появилось новое гнездо, не отмеченное А.Н. Тихоновым;

3) Образовывать полностью новые гнезда – с новой вершиной (не зафиксированной А.Н. Тихоновым даже в числе «одиночных» слов) и с одним или несколькими дериватами, ранее отсутствовавшими в русском языке: *айкидо* → *айкидоист* → *айкидоистка*, *айкидоистский*;

4) Становиться новыми, не зафиксированными в словаре А.Н. Тихонова «одинокими» словами, которые еще ждут проявления своей деривационной активности: *асана*.

Таким образом, слова с иностранными мотиваторами и дериваторами занимают разные позиции в системе современного русского словообразования и составляют один из наиболее активно развивающихся пластов этой системы.

Литература

Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения / Гл. ред. Г.Н. Складчиков. СПб., 1998.

Толковый словарь русского языка начала XXI в.: Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складчиков. М., 2006.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 2003.

Оценка европейского влияния на русистику в публицистике XIX в.

Соловьева Инна Владимировна

Преподаватель Государственного университета управления, Москва

Одним из наиболее важных и интересных этапов в истории отечественной лингвистики является период 20–50-х гг. XIX в., когда происходило оформление русистики как науки со своим объектом и методами. Практически одновременно было создано большое количество масштабных грамматических описаний русского языка, написанных индивидуальными авторами. В данный период большое значение приобретает оценка европейского влияния на русскую лингвистику. С одной стороны, труды отечественных филологов основываются на европейской грамматической традиции, с другой – осознается необходимость изучить родной язык, исходя из его уникальности. Журнальная полемика этого периода посвящена вопросам изучения родного языка, в том числе и отношению к теориям, пришедшим из Европы.

20–50-е гг. XIX в. – это период, когда российское общество проявляло значительный интерес к вопросам грамматического описания родного языка. Периодические издания XIX в. активно откликались на все существенные явления интеллектуальной жизни общества. Наиболее популярные журналы («Отечественные записки», «Современник», «Сын отечества») имели рубрики, посвященные рецензиям и отзывам на новые книги, в том числе и на грамматики. Благодаря публицистике у нас есть возможность проанализировать, каким образом оценивалось влияние европейской науки о языке на отечественную лингвистику.

В первой половине XIX столетия преобладала пессимистическая точка зрения на состояние русистики. Наиболее ярко она представлена в рецензиях известного публициста и автора «Оснований русской грамматики, для первоначального обучения» Виссариона Григорьевича Белинского, который не обнаруживает «основания, *оседлые* понятия о русской грамматике», а в популярной, но полной «неверностей, сбивчивости, странностей» грамматике Н.И. Греча он видит, в первую очередь, «горький урок нам, русским, ко-

торых даже и нашему-то родному языку учат иностранцы» [Белинский 1835: 232]. И девять лет спустя В.Г. Белинский оценивает состояние русистики как неудовлетворительное, особенно в сравнении с европейской наукой о языке. Причина – отсутствие грамматики, которая не сможет появиться до тех пор, пока русский язык не будет «разработан филологически» [Белинский 1844: 73]. Для научной разработки грамматики русского языка необходимо отказаться от применения в качестве шаблона иностранных грамматик. Условие возникновения отечественной лингвистики – это еще и появление специалистов, которые наряду с «философским образованием» обладают глубокими знаниями русского языка, как древнего, так и современного. До этой поры исторические особенности развития русского языка будут препятствовать его научной обработке.

Другая, более распространенная, точка зрения представлена в статьях председателя Отделения русского языка Академии наук и словесности, автора «Опыта общесравнительной грамматики русского языка» Ивана Ивановича Давыдова, который видит в адаптации достижений европейской лингвистики наиболее продуктивный путь развития русистики.

Вопрос о том, какой национальной школы следует придерживаться, является одним из центральных в полемике о задачах и методах грамматического описания 20 – 50-х гг. XIX в. Так, Николай Иванович Греч, известный не только как автор популярных учебных пособий по русскому языку и словесности, но и как публицист, в вопросе о том, чьи достижения должны перениматься, явно на стороне «ветреных, легкомысленных французов», которые «удивительно постоянны в своих ученых и литературных системах». Что касается Германии, то, как пишет Н.И. Греч, «всякий школьный учитель, в каком-нибудь Кревинкле или Вадуце, сочиняет свою собственную грамматику, ломает язык, вымышляет новые правила, новые термины, новые буквы, вводит новое правописание» [Греч 1856: 7]. В вопросе о том, на достижения какой европейской традиции опираться в исследованиях русского языка, решается в пользу той, которая наиболее эффективно решает главную, по мнению Н.И. Греча, задачу грамматики по нормированию языка и его сохранению.

Постоянный оппонент Н.И. Греча, Федор Иванович Буслаев, критикует его за применение французской модели, что было бы уместно, «когда бы оказалось сходство в самых языках и литературах. Напротив, ни язык русский, ни литературная его обработка не допускают этого насильственного его сближения» [Буслаев 1856: 329]. Ф.И. Буслаева поддерживает А.Д. Галахов, делая акцент на высокой оценке, которую дает Н.И. Греч французским грамматикам за их твердость и постоянство в правилах и выводах, но не за справедливость этих выводов и правил. Кроме того, как замечает А.Д. Галахов, мнение Н.И. Греча о французских грамматиках отличается от мнения самих французов.

Таким образом, в публицистических выступлениях по вопросам грамматического описания русского языка в 20–50-х гг. представлены следующие принципиальные позиции. Во-первых, убеждение в том, что отказ от исполь-

зования достижений европейской лингвистики – это единственный путь к развитию русистики. Вторая, более распространенная точка зрения, заключается в принятии западного языкознания как модели построения собственных грамматических теорий, и в этом случае в центре дискуссии оказывается вопрос об отношении к отдельным национальным традициям грамматического описания, выборе между французской и немецкой школами.

Литература

- Белинский В.Г.* Литературная хроника. Новые книги // Молва. 1835. Ч. 10. № 41.
Белинский В.Г. Русская грамматика А. Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. 6-е изд. СПб., 1844 // Отечественные записки. СПб., 1844. Т. 35. № 8.
Буслаев Ф.И. О преподавании русского языка и словесности. (Заметки на статью г. Греча в 7-м № Морского сборника) // Отечественные записки. СПб., 1856. № 12.

Семантика дейктических слов *здесь* и *тут*

Столярова Вера Владиславовна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Лексемы *здесь* и *тут* относят к классическим дейктическим словам, то есть к словам, в семантике которых присутствует отсылка к ситуации речи. Эти слова имеют целый ряд значений – как общих для обоих слов, так и присущих только одному из них. Цель работы – дать по возможности наиболее полное описание системы значений *здесь* и *тут* и таким образом дополнить и уточнить имеющиеся семантические интерпретации (см., например, [МАС, Ефремова]). При анализе мы будем учитывать, какую функцию – анафорическую или дейктическую – выполняет слово и исчерпывается ли ими его значение.

Значения, общие для *здесь* и *тут*:

1. Оба слова могут употребляться как дейктические показатели места, локализирующие событие в пространстве говорящего. Это может быть пространство, доступное для восприятия органами чувств говорящего, и пространство, в котором он мыслит себя. Например в (1) *здесь* указывает на пространство, находящееся в поле зрения говорящего (пространство под стулом, куда заглядывает Бездомный), тогда как в (2) *тут* обозначает мыслимое героиней пространство, в котором прошла ее жизнь:

(1) Поэт поднял свечу над головой и громко сказал:

– Здорово, други! – после чего заглянул под ближайший столик и воскликнул тоскливо: – Нет, его *здесь* нет! (М.А. Булгаков)

(2) *И представила Дарья, что и отношение к ней, к старухе, там будет другим. Тут она жила в своей избе, все кругом на десять рядов было своим идуцим от нее, и над всем она почиталась хозяйкой* (В. Распутин).

2. Слова *здесь* и *тут* могут употребляться анафорически. Прежде всего, они могут отсылать к пространству, о котором шла речь ранее. Так, в (3) *здесь* отсылает к упоминавшемуся ранее острову:

(3) *Но пока остров стоит, Хозяин здесь он* (В. Распутин).

3. Далее, в анафорической функции слова *здесь* и *тут* могут отсылать к моменту времени, заданному предшествующим контекстом. См.:

(4) – *Потому, – ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, бесиумно чертили черные птицы, – что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила. Так что заседание не состоится.*

Тут, как вполне понятно, под липами наступило молчание (М.А. Булгаков).

В (4) слово *тут* обозначает момент времени, последовавший за монологом Воланда.

4. Наконец, *здесь* и *тут* могут служить отсылкой к ситуации, о которой шла речь в предшествующем тексте. Так, в (5) слово *тут* отсылает к ситуации, описанной в предшествующем высказывании, – «Бездомный пришел в ресторан в нижнем белье»:

(5) – *Позвольте вас спросить, вы почему в ресторан пришли в одном белье?*

– *Ничего тут нету удивительного, – ответил Иван, – пошел я купаться на Москва-реку, ну и помятили мою одежду, а эту дрянь оставили! Не голым же мне по Москве идти? Надел что было, потому что спешил в ресторан к Грибоедову* (М.А. Булгаков).

5. Слова *здесь* и *тут* могут выполнять и функцию текстового дейсиса и отсылать к конкретному фрагменту повествования, упомянутым ранее словам другого лица или ко всему тексту в целом. Например, в (6) *тут* акцентирует внимание читателя на определенном фрагменте текста; в *здесь* (7) отсылает ко всему тексту статьи, а в (8) – к процитированному ранее тексту:

(6) *Разница этих двух вариантов индивидуализма понятна. Каждому из них отвечает и свой, так сказать, антиколлективизм. Тот самый – тут мы подходим еще ближе к проблеме, – который блокирует развитие гражданских действий и гражданских организаций* (Алексей Левинсон).

(7) *Любые жизненные жесты Франца – прежде всего, писательство и попытки жениться – должны были вести прочь с территории религии Отца, за пределы его власти. О том, как национальное у Кафки переплелось с матримониальным, здесь уже говорилось* (Кирилл Кобрин).

(8) *По странной, но вполне Спинозистской логике, Негри и Хардт выводят пространственность множеств из их движения: «...перемещение масс расширяют границы пространства, а их перемещения создают новые места обитания». Пространство здесь – это пространство странствий и странников* (Артемий Магун).

У слова *тут* имеется еще одно значение, отсутствующее у *здесь*. *Тут* может обозначать принадлежность сообщаемого к сфере интересов говорящего, «отсутствие значимости для других того, что сказано» [Дараган]. Например, в (9) *тут* является маркером того, что то, о чем говорит герой, важно именно для людей его круга:

(9) ЗИЛОВ. Видите ли, у нас *тут* возник один вопрос... Вы комсомолка?.. Нет?.. А почему?.. (А.В. Вампилов)

Таким образом, слово *тут* можно считать одним из средств языкового выражения оппозиции «свое – чужое», т. е. «членения универсума на два мира – «свой» и «чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях «мы – они», «этот – тот», «здесь – там», «близкое – далекое» и мн. др. под.» [Пеньковский: 13].

Проведенный анализ показывает, что у слов *здесь* и *тут* имеются значения, не отмеченные толковыми словарями (см. [МАС, Ефремова]). Это, во-первых, функция текстового дейксиса, см. (6), (7), (8), а также способность *здесь* отсылать к моменту времени, зафиксированному в предшествующем тексте, и способность *тут* маркировать принадлежность сообщаемого к сфере интересов говорящего.

Кроме того, анализ показал, что между рассматриваемыми словами имеются различия как в системе выражаемых ими значений, так и в частотности их употребления в определенном значении. Так, *здесь*, в отличие от *тут*, не может использоваться как показатель принадлежности сообщаемого к интересам говорящего (поэтому замена *тут* на *здесь* в контексте (9) ведет к изменению смысла высказывания) и редко используется в качестве отсылки к некоторому зафиксированному ранее моменту времени. С другой стороны, *тут* намного реже, чем *здесь*, употребляется в функции текстового дейксиса и при отсылке к упомянутому ранее пространству.

Литература

Дараган Ю.В. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог'2003». М., 2003.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 1996.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Т.Ф. Ефремовой М., 1981.

Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М., 2004.

**Сочетаемость с наречием *постепенно*
как показатель «накопления эффекта»**

Ткачев Иван Юрьевич

Аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Данная работа является частью многолетнего исследования, посвященного так называемому семантическому признаку «накопления эффекта» / «Накопителя эффекта». Напомним, что этот термин был предложен Е.В. Падучевой [Падучева] с отсылкой к работе М.Я. Гловинской [Гловинская], где при анализе одного из семантических типов видовых противопоставлений были выделены глаголы с «накоплением результата»: *красить/покрасить <стену>*, *забивать/забить <гвоздь>* и др. Накопитель эффекта определяется как семантическая конфигурация, обозначающая

такого участника ситуации, последовательное возрастание/убывание частей или изменение свойств которого находится в изоморфном (однооднозначном) соответствии с динамикой ситуации (подробнее об этом семантическом признаке см. [Ткачев]).

В дипломной работе прошлого года нами были проанализированы предикаты «накопления эффекта» в русском языке и на основе анализа построено семантическое поле указанных предикатов, состоящее из 6 подклассов. Основной подкласс этого поля (прототипические глаголы «накопления») – предикаты типа *смотреть* <фильм>, *переписывать* <текст>, *просверливать* <дырку>, *наполняться* <водой> и т. д. Данный подкласс может быть строго выделен на основе набора диагностических тестов, одним из которых (но далеко не единственным) является сочетаемость с наречием *постепенно*. Описание ограничений, связанных с сочетаемостью с *постепенно*, оказалось весьма сложной задачей и легло в основу отдельного «мини-исследования».

Согласно [Апресян], «*постепенно* – одноместный предикат, единственная семантическая валентность которого заполняется именем сложной ситуации. С помощью *постепенно* эта сложная ситуация членится на ряд более простых. Они упорядочиваются во времени так, что каждая следующая ситуация наступает вслед за предыдущей через более или менее равные друг другу и не слишком маленькие промежутки времени». Из этого определения, при незначительном его уточнении, следует, что *постепенно* должно сочетаться с предикатами «накопления эффекта», т. е. тем, что эта сочетаемость проявляется как в форме НСВ, так и в форме СВ, которые различаются лишь «взглядом» на ситуацию – синхронную или ретроспективную: *Поезд постепенно останавливался / остановился*. Предварительно, с некоторыми оговорками относительно большей или меньшей степени прагматической приемлемости сочетаемости *постепенно* с некоторыми предикатами, можно заключить: все прототипические предикаты с «накоплением эффекта» могут (в норме или в специальных контекстах) «уточняться» наречием *постепенно*.

Проблема данного вывода, однако, заключается в том, что *постепенно* может также сочетаться, по крайней мере, еще с двумя типам глаголов, не являющихся «накоплениями»: 1) с СВ «действий с акцентом на результате» типа *поймать* <муху> и глаголов, у которых НСВ означает «подготовительную стадию» или совокупность попыток, предшествующих «результату» или «удачному исходу» типа *купить* <квартиру>, *отпереть* <замок>, *сломать* <палку>: *Квартиру я постепенно все-таки купил; Я прыгал-прыгал на палке и постепенно наконец сломал ее*. Данные употребления объясняются семантическим сдвигом: *постепенно* имеет сферой действия «множество попыток» или «накопительную» подготовительную деятельность. 2) с глаголами-«тенденциями»: *задыхаться, выигрывать* <матч, судебный процесс>, *находить* <работу> (как в

СВ, так и в НСВ): *Партия за партией, Каспаров постепенно выигрывает / выигрывал весь матч. Постепенно* в этих примерах дает следующий эффект: с НСВ означает последовательное «накопление» такого положения дел, которое при сохранении этой «тенденции» приведет к предсказываемому с определенной вероятностью итогу. Для СВ *постепенно* обозначает ретроспективную констатацию того факта, что «тенденция», приведшая к итогу, была «накопительной» (хотя она могла бы быть и другой).

Наречие *постепенно* демонстрирует различное поведение в зависимости от акцентного выделения и синтаксической позиции, что позволяет предположить существование двух единиц *постепенно1* и *постепенно2*, которые можно трактовать как позиционные варианты одного и того же слова

Постепенно1 в своем инварианте имеет аспектуальное (то есть связанное со структурным представлением ситуации, с членением ситуации на фазы) значение, описанное в пункте 3. Оно также имеет инференцию ≈ 'не сразу', которая может проявиться в «контрастивных» контекстах, где на *постепенно* ложится логическое ударение: *Он обычно прочитывает такие статьи постепенно, а я – сразу*. Как представляется нам, *постепенно2* возводит эту инференцию до статуса элемента значения в позиции акцентного выделения: *Груз разгружали постепенно!, вручную!*.

Постепенно2 представляет собой наречие Способа: оно не «эксплицирует» темпорально-фазовую структуру ситуации, но вносит собственное лексическое значение, связанное со способом воздействия Агенса на ситуацию. Различие между *постепенно1* и *постепенно2* четко выявляется на примере конативов типа *убеждать, объяснять*, в которых «успех» зависит как от процесса «в субъекте», так и от процесса «в объекте». «Накопительная» интерпретация таких ситуаций возможна, но для этого необходима такая структура ситуации, при которой последовательно выдвигаемые «аргументы» Субъекта (убеждающего, объясняющего и т. д.) последовательно «откладываются» в сознании Объекта/Адресата. *Постепенно1* имеет сферой действия актуальный предел ситуации, то есть состояние убежденности Объекта, и в таком случае маркирует именно такой ход событий, то есть «накопление эффекта»: *Я постепенно убеждал/его в необходимости туда поехать, пока он наконец не согласился. Постепенно2* имеет сферой действия деятельность Агенса, или попытки *убедить, объяснить*, и поэтому возможны фразы: *Я убеждал его постепенно, не спеша, но он остался непреклонен. Я объяснил ему этот пункт постепенно и доходчиво, но он так ничего и не понял (Я постепенно объяснил / ему этот пункт ⊃ 'Адресат что-то понял')*.

Прототипические предикаты «накопления» совместимы с обоими «позиционными вариантами» *постепенно1, 2*.

Литература

Апресян Ю.Д. О структуре значений языковых единиц // *Tekst i zdanie*. Warszawa, 1983.

- Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений в русском языке. М., 1982.
- Падучева Е.В. «Накопитель эффекта» и русская аспектология // Вопросы языкознания. 2004. № 5.
- Ткачев И.Ю. Семантический признак 'Накопитель эффекта' и его релевантность для построения таксономической классификации русских глаголов // Материалы XII международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». 12–15 апреля 2005 г. Т. IV: Иностранные языки. Филология. М., 2005.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ЛЕКСИКОГРАФИЯ, КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА, ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ТЕКСТ, СТИЛЬ, ДИСКУРС

Особенности словарной дефиниции словосочетаний с культурным компонентом значения

Афанасьева Олеся Васильевна

Соискатель Мурманского государственного университета, Мурманск

Данное исследование посвящено устойчивым словосочетаниям нефразеологического типа, выступающих как составные наименования реалий, для называния которых в языке нет отдельных слов, напр.: *красный галстук, пятый пункт, десять лет без права переписки, сто первый километр, застойные годы* и др.

Культурный потенциал данных языковых единиц несомненен не только при изучении русского языка как иностранного, но и в аспекте изучения своего родного языка и его истории, а также преемственности поколений данного языкового коллектива. Без знания соответствующих коннотаций и культурно-ценностной информации присутствующей в лексическом значении, т. е., в терминологии принятой авторами, *культурного компонента значения*, невозможно полностью понять весь смысл, заложенный в том или ином высказывании.

Как отмечают лингвисты, определение наличия культурного компонента, зафиксированного в сознании носителей языка, является целью любого лингвокультурологического анализа [Иванова: 45].

Так, напр., при изучении словосочетаний с культурным компонентом значения необходимо учитывать следующие особенности их словарной дефиниции, указывающие на наличие культурной коннотации.

1. Явление, называемое словосочетанием, характеризуется в толковании как **русское**, см., напр.: **русская народная песня** доминирующая форма русской народной музыки; характеризуется большим количеством жанров ... может быть исполнена а капелла и в сопровождении русских народных инструментов (балалайки, аккордеона, баяна) (перевод здесь и далее мой. – О.А.) [Россия: 102].

2. Использование в словарной статье безэквивалентной лексики русского языка при толковании значения реалии, напр.: *Доска почета* доска-стенд с именами и фотографиями *передовиков производства*, показатели их результатов и т. п. [ТСЯС: 179]; *тимуровский отряд / команда* организованная группа *тимуровцев* [ТСЯС: 602]; *отрядный уголок* стенд, стенная газета, отражающая жизнь *пионерского отряда* [ТСЯС: 617]; *пионерская клятва* торжественное обещание юного *пионера* [ТСЯС: 250].

3. Указание на символическое значения реалии в рамках данной языковой общности, напр.: *Красный флаг* государственный *символ* [ТСЯС: 634]; *красная гвоздика* / *революционный символ* [ТСЯС: 113].

4. Включение в статью сведений энциклопедического характера, подтверждающих уникальность называемой реалии для данной культуры, связанных со временем появления / функционирования реалии, местом ее распространения, участниками события.

1) В текст толкования могут быть включены уточнения временной отнесенности реалии, среди которых были выделены следующие: *в старину*, *в Др. Руси*, *в СССР*, *в гг. сталинских репрессий*, *в гг. гражданской войны*. См., напр.: *Трудовая Армия* – военизированные части, состоящие из граждан, исполняющих трудовую повинность *в годы гражданской войны* [ТСЯС: 612]; *Белая гвардия* общее название контрреволюционных войск *в период гражданской войны в Советской России в 1918-1920 гг.* [ТСЯС: 112; БТС: 196]; *антиалкогольная кампания* совокупность начатых *в СССР в мае 1985 г.* Государственных и общественных мероприятий против пьянства и алкоголизма [СП: 14]; *пятилетний план* план экономического и социального развития *СССР с 1959 по 1965 год* [ТСЯС: 441].

2) В тексте толкования могут быть указаны места появления / распространения реалии, напр.: *берестяные грамоты* найдены при раскопках в *Новгороде* и *Пскове* [БТС: 72]; *черный воронок* закрытый грузовик для перевозки заключенных...*появились в Москве в 1927г...* ездили только ночью [ТСЯС: 95]; *уральские самоцветы* *уральские* [полу-]драгоценные камни; ювелирные изделия, сделанные из уральских [полу-]драгоценных камней, *очень популярные в России* [Россия: 113].

3) В тексте толкования наряду с указанием места появления / распространения реалии могут быть обозначены участники события, напр.: *ленинский призыв* массовое вступление *в 1924 г.* передовых наиболее сознательных рабочих и работниц в Коммунистическую партию, явившееся откликом на смерть *В.И. Ленина* [БТС: 475]; *судебная тройка* заочный суд местной ЧК. Судебная тройка чинила расправу до расстрела заключенного. Тройки действовали *с 1918 по 1934 год*. Первоначально в состав тройки входили *секретарь губкома партии, предгубисполкома и председатель ЧК*. Впоследствии тройка состояла из одних *чекистов* [ТСЯС: 608].

4) В текст толкования могут быть включены сведения, касающиеся времени, места и участников события или явления, напр.: *Красная гвардия*

боевые отряды рабочих, организованные большевистской партией в 1917–1918 гг. [БТС: 196]; *вооруженные рабочие отряды, которые были организованы в 1917–1918 для борьбы с контрреволюцией и белогвардейщиной и являлись ядром Красной армии* [ТСЯС: 112]; *Добровольческая армия белогвардейская контрреволюционная армия [1918–1920, сформированная на Дону и Кубани царскими генералами Антоновым, Корниловым и Деникиным* [ТСЯС: 39]; *сталинские репрессии период государственного террора, обрушенного Сталиным на Советский Союз в 1935–1938 гг. (известного на западе как «сталинские чистки»)* [ТСЯС: 662]; *культ личности в истории СССР это превозношение И. Сталина, в то время, когда он был жив, преувеличение его личных качеств и заслуг* [Россия: 60]; *смутное время период политического кризиса в истории России, за которым последовало свержение династии Рюриков в 1598 г.* [Россия: 117].

Так, напр., словарная дефиниция словосочетания *хохло́мская роспись* имеет следующие особенности, подтверждающие уникальность называемой реалии для данной культуры: 1) характеризуется в словаре как *русское явление (русское народное искусство)*; 2) русский топоним указан в словарной дефиниции как уточнение места появления реалии (*названное в честь села Хохлома (Нижегородская область), представляет собой декоративную роспись деревянной посуды и мебели; характерной чертой являются красно-черные цветы на золотом фоне*) [Россия: 117].

Литература

Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм: Учеб. пособ. Уфа, 2004.

[БТС] – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.

[Россия] – Россия. Русско-английский культурологический словарь / А.Л. Бурак, С.В. Тюленев, Е.Н. Вихрова; Под общ. рук. С.Г. Тер-Минасовой. М., 2002.

[СП] – Максимов В.П. Словарь перестройки. СПб., 1992.

[ТСЯС] – Мокшенок В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.

**Взаимодействие национальных авто- и гетеростереотипов и средства их отображения в переводных фильмах
(на примере образа английского дворецкого)**

Балдова Мария Александровна

Аспирантка Московского государственного университета им М.В. Ломоносова, Москва

Одной из важнейших оппозиций языка является противопоставление номинативного и коммуникативного уровней. Назначение номинативного уровня – передача информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего, коммуникативный же уровень связан с отражением соотношений позиций говорящего, слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации [Безяева] Различные типы этих отношений находят свое отражение в национальных стереотипах, существующих в русском сознании. Задачей настоящей работы является ана-

лиз русских средств, формирующих особенности коммуникативного поведения носителей иностранной культуры (англичан) на материале переводных английских фильмов. Такой комплекс средств коммуникативного уровня русского языка мы будем называть инофоном [Балдова].

Перевод – это не просто перекодировка информации с одного языка на другой. На него могут оказывать влияние национальные авто (представление народа о самом себе) и гетеростереотипы (представление народа о другом народе). Так, для английского стереотипа (как авто, так и гетеро) отмечается умение держать дистанцию, большая сдержанность в проявлении эмоций; говорящий фокусирует свое внимание на чувствах других, ему предписывается быть внимательным к собеседнику и его чувствам. Демонстрация своих собственных чувств в английской культуре не приветствуется. Поэтому в гетеростереотипе англичан превалируют такие черты, как сдержанность, чопорность, вежливость, холодность, подчеркнутая неземность, следование норме. В отличие от английского, русский национальный стереотип включает в себя установку на яркое, открытое проявление эмоций, как положительных, так и отрицательных [Вежбицкая; Ларина]. При переводе исходный текст может подвергаться различного рода изменениям для адекватной передачи его коммуникативной составляющей, при этом переводчики могут маркировать (либо никак не маркировать) национальную принадлежность героев (наличие/ отсутствие влияния гетеростереотипа).

В качестве примера рассмотрим перевод английского фильма «Дживс и Вустер». Воплощением автостереотипа англичан является английский дворецкий. Это связано с самим статусом английского слуги, который является носителем всех стереотипных черт в гиперболизированном виде. Лучшим дворецким на экране стал Дживс, главный герой телесериала «Дживс и Вустер». Ключевая идея фильма – сознательное разрушение стереотипа за счет смены социальных ролей: поведение слуги соответствует поведению хозяина, а джентльмен, нарушая все стереотипные представления, ведет себя несоответственно норме, принятой в обществе. Это находит свое отражение в дубляже, причем переводчики на звуковом уровне реализуют как автостереотип оригинала, так и гетеростереотип. Для этого используются различные средства. Так, возможно изменение лексического наполнения высказывания, часто из множества возможных вариантов выбирается именно тот, который будет подчеркивать (в случае с Дживсом) стереотипность поведения, или, напротив (в случае с Вустером), разрушать этот стереотип. При этом лексические средства взаимодействуют с фонетическими. Отметим следующие средства инофона, которые наиболее часто использует переводчик Дживса:

ИК2 (параметр выбора одного варианта из множества других) сигнализирует о том, что именно слуга владеет нормой развития ситуации;

ИК1 подчеркивает нейтральное в эмоциональном плане состояние говорящего;

ИК4 маркирует соотношение позиций говорящего и слушающего (светская речь, дистанцированность);

ИК3 (ориентация на позицию слушающего) как средство создания эффекта формальной вежливости;

Медленный темп речи;

Отодвинутые назад гласные, с одной стороны, как перенос фонетических характеристик английских гласных на русские (акцент), а с другой – средство, создающее эффект манерной светской речи;

С этой же целью используется низкий фонетический регистр;

Сдвиг центра ИК в конец синтагмы, длинные предцентровые части, отсылающие к мелодике английской речи;

Изменения в лексическом содержании высказывания: нейтральная лексика замещается высокой, характерно отсутствие междометий, присутствующих в оригинале, эксплицитное выражение эмоций, усложняется синтаксис.

Подчеркнутая невозмутимость Дживса резко контрастирует с эмоциональной речью аристократа Вустера, которую переводчик создает с помощью следующих средств:

Разнообразие типов ИК (в том числе частое использование ИК5 и ИК7, модальных реализаций ИК2), что свидетельствует об активном эмоциональном состоянии говорящего;

Обилие коммуникативных средств (ну, же, это, что ж, -ка, послушай) на фоне практически полного отсутствия подобных у Дживса;

Снижение регистра общения: замена нейтральной и высокой лексики разговорной, обращение «на ты», не всегда уместное, частое использование ИК3 (ориентация говорящего на мнение слушающего) – зависимость от мнения слуги;

Быстрый темп речи.

Однако необходимо отметить, что при озвучивании Вустера переводчик руководствуется не только авто, но и гетеростереотипом: несмотря на эстетическую задачу фильма, намеренно снимаются междометия, лексика низкого стиля и сленг заменяются нейтральными выражениями, то есть переводчик под влиянием гетеростереотипа делает Вустера сдержанней, чем он есть в оригинале.

Нельзя не сказать об огромном влиянии автостереотипа, воплощенного в поведении слуги. Как показывает проанализированный материал, актеры, исполняющие роль слуги (английского, американского, русского, подражающего англичанам) в фильмах разных жанров («Десять негритят», «Собака Баскервилей», «Сердца трех», «Моя прекрасная леди») следуют автостереотипу англичан, который, в свою очередь, формирует гетеростереотип, существующий в русском сознании. Отметим, что актеры, играющие в разных фильмах и в разные временные периоды, используют практически идентичные коммуникативные средства, задаваемые стереотипом.

Литература

- Балдова М.А.* Эстетическая нагрузка средств, формирующих коммуникативное поведение носителя иностранной культуры // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 3: Сборник научных и научно-методических статей / Редколл.: Л.П. Клобукова. М., 2007.
- Безяева М.Г.* Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. М., 2005.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Ларина Т.В.* Выражение эмоций в английской и русской коммуникативных культурах // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Волгоград, 2004.

**Представление о моде в научном идиолекте
(на примере идиолектов Александра Васильева и Ольги Вайнштейн)**

Баикатова Дарья Александровна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Проблема идиолекта хорошо изучена многими исследователями. В монографии «Грамматика идиостиля» В.П. Григорьев определяет идиолект как «систему речевых средств индивидуума, формирующуюся на основе усвоения языка и развивающуюся в процессе жизнедеятельности данного индивидуума» [Григорьев: 4]. В данном понимании этот термин, как правило, употребляется для измерения языковой системы личности эстетической, творческой (например, поэта или художника), то есть той, для которой уникальность и субъективность являются нормой. Наука же ассоциируется с объективными, достоверными фактами, следовательно, и излагаться они должны языком «объективным». Но, как пишет Л.О. Чернейко, при изучении объекта не может быть устранена субъективная точка зрения, поскольку применение ученым различных инструментов приводит к разным результатам и выводам. Исследователь изучает не объект целиком, а лишь его аспекты. Целостное представление об объекте возможно только интуитивное, метафорическое, а значит, и язык об этом объекте также субъективен: «там, где тайна, возможна только гипотеза – логическое представление о структуре неизвестного, базирующееся на чувственном, сублогическом видении его как целого» [Чернейко: 161]. Поэтому мы будем говорить о научном идиолекте.

Жанр устного диалога наиболее ценен для исследователя, потому что именно спонтанная устная речь дает наиболее интересную информацию о языковой личности. В импровизированном высказывании проявляются глубинные представления, связанные с теми или иными явлениями в сознании человека, которое включает и сферу бессознательного. Письменная речь более продуманна и иногда теряет те неожиданные сочетания и образы, которые возникают в непрерывном речевом потоке. Анализ индивидуального речепотребления в рамках жанра устного публичного диалога (интервью) дает возможность понять, как мыслится мода и все, что с ней связано, отдельной личностью.

Материал нашего исследования – лекции по истории моды и интервью Александра Васильева – историка моды, театрального художника, дизайнера и писателя. А. Васильев – яркая творческая личность, речь его экспрессивна, иронична, разнообразна по используемым лексическим средствам. В первую очередь, нас интересует индивидуальное употребление слова мода, так как в таком употреблении и раскрывается образ, стоящий за словом в сознании человека и руководящий его речью. Мода в представлении А. Васильева связывается со следующими образами: 1) **товар**; 2) **деньги**; 3) **охотник, хищник, рыболов**; 4) **стихия**; 5) **болезнь**; 6) **элитарность**; 7) **ртуть**; 8) **тщеславие, грех**; 9) **зеркало**; 10) **река, море**; 11) **корабль, машина**; 12) **ветер**; 13) **ничто, находящееся в постоянном движении**; 14) **душа**.

Анализ речи А. Васильева, носителя неординарного представления о моде, позволил выявить не характерные для обыденного русского сознания образы моды, например: **ртуть, река, зеркало, товар, охотник**... А. Васильев, как человек, профессионально занимающийся модой, говорит о ней очень предметно, как об объекте исследования, поэтому в его речи мода редко персонифицируется. Вслед за И. Кантом он видит в следовании моде тщеславие, но, в отличие от Канта, расценивает следование ей как грех. Для А. Васильева мода никогда не стоит на месте, она не статична, с ней нельзя поравняться, потому что она все время передвигается в пространстве (*проходит, убегает, уходит*...).

В рамках изучения моды в научном идиолекте рассмотрим представление о ней культуролога, доктора филологических наук Ольги Вайнштейн – главного редактора журнала «Теория моды», первого в России гуманитарного журнала, посвященного моде как феномену культуры. Материалом для исследования послужила книга О. Вайнштейн «Денди: мода, литература, стиль жизни», в которой рассматривается история дендизма в контексте его взаимоотношений с модой.

В понимании одежды О. Вайнштейн трансформируются идея П.А. Флоренского об одежде как явлении, части, продолжении тела и идея М.Н. Эпштейна об одежде как одной из оболочек человека. Но для О. Вайнштейн одежда не просто срастается с телом человека – он сам становится вещью, «человеком-одеждой», фетишем.

Большой корпус примеров указывает на то, что один из основных образов, моделирующих речь О. Вайнштейн о моде – это понимание ее как **театра, карнавала, игры**, в которой всем отведены определенные роли, и существуют правила, по которым эта игра ведется. Также мода понимается как **язык и море**.

В отличие от А. Васильева, в представлении которого мода движется в пространстве, у О. Вайнштейн она скорее движется во времени.

В речи о моде О. Вайнштейн употребляет многие семантические коды, которые представляют собой структурную метафору, то есть «когда одно понятие структурно метафорически упорядочивается в терминах другого» [Лакофф, Джонсон]. Наиболее часто употребляемые коды – медицинский

(рецепт элегантности), религиозный (заповеди дендизма, проповедовать стиль, братство ценителей запаха) и музыкальный (мотив богемной моды, заглушать духами запах тела). Проведенный анализ идиолекта О. Вайнштейн позволил впервые выделить особый код, не характерный для дискурса моды – юридический (телесность обрела новые права в культуре, арбитр элегантности, преступить законы эксклюзивизма).

Исследование особенностей представления о моде в научном идиолекте позволило выделить новые образы моды, которые не акцентировались в обычном дискурсе, например, **ртуть, язык, товар, деньги, рыболов, грех, зеркало, болезнь** и т. д. Не рассматривалась ранее также идея человека-одежды, фетиша (О. Вайнштейн). В научном идиолекте впервые был выделен юридический код, соотносящий дискурс моды с юридическим дискурсом.

Литература

Григорьев В.П. Грамматика идиостиля. М., 1983.

Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2006.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.

Глагол *вредить*: вопрос о количестве значений

Белкина Александра Андреевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Словари выделяют для глагола *вредить* одно значение, которое формулируют следующим образом: ‘причинять вред, наносить ущерб кому-, чему-н.’ [БАС, МАС], ‘причинять вред’ [СО].

На наш взгляд, у глагола *вредить* можно выделить два значения – *вредить 1* и *вредить 2*. Первое мы вслед за [Апресян: 17] будем называть «агентивным» (в роли подлежащего при *вредить 1* выступает целенаправленно действующий субъект). Данное значение может быть истолковано следующим образом:

X вредит 1 Y-у Z-ом = ‘человек X делает Z с целью нанесения Y ущерба или создания неблагоприятной для Y ситуации’. Ср. В сущности они с князем были страшные враги и старались вредить друг другу на каждом шагу [МАС].

Второе значение, особенностью которого является «название какого-то явления, события, действия, состояния в роли подлежащего» [Апресян: 17], именуется «причинным» и имеет следующее толкование:

X вредит 2 Y-у = ‘фактор X является причиной нанесения Y ущерба или возникновения неблагоприятной для Y ситуации’. Ср. Курение вредит здоровью.

Целью данной работы является обоснование правомерности выделения двух вышеприведенных значений. В своих доказательствах мы будем опираться, главным образом, на статью Ю.Д. Апресяна «Значение и употребление» [Апресян].

В этой работе автор рассуждает о значении и употреблении слова и выделяет три основных отличия лексемы (т. е. значения) от употребления. Глав-

ное отличие формулируется следующим образом: «Лексема во всей лексикографически существенной совокупности своих свойств почти никогда не выводится из какой-то другой лексемы данного слова с помощью продуктивного правила» [Апресян: 12]. Напротив, обязательным условием выделения употребления является получение данного употребления с помощью продуктивного правила. Не менее важное отличие – число лексикографически существенных свойств. Для выделения употребления достаточно двух коррелирующих свойств, в то время как у лексемы коррелирующих свойств может быть значительно больше. Различия могут проявляться в толковании, управлении, сочетаемости, прагматике, морфологических ограничениях и т. п. Третьим свойством лексем является наличие «неповторимого лексического мира» [Апресян: 13], т. е., в отличие от употребления, каждая лексема обладает большим числом парадигматических семантических связей.

Опираясь на эти положения, мы попробуем доказать существование двух самостоятельных лексем глагола *вредить*.

1. Семантические различия между лексемами

Существенное различие проявляется уже в семантике лексем. *Вредить 1* обозначает действие (*Он сознательно вредит Вам, внушая подобные мысли*), *вредить 2* служит для обозначения события (*Скандалы вредят твоему имиджу*). Именно по этой причине *вредить 2* не может употребляться в актуально-длительном значении несов. вида. *Вредить 1* сочетается с актуально-длительным значением (*Что он делает? – Вредит ее выступлению, намеренно хлопая не в такт*).

Важно также отметить другое различие, связанное с противопоставлением ‘действие’ / ‘событие’, а именно намеренность / ненамеренность. Это свойство связано с типом субъекта. Сочетаемость *вредить 2* с названием фактора в роли подлежащего предполагает ненамеренное воздействие на объект в любом из контекстов. Ситуация с лексемой *вредить 1* сложнее. В ряде употреблений перед нами субъект, совершающий целенаправленное действие; ср. *Сосед руководствовался только ненавистью к Дарье, и имел одну цель – вредить ей*. В других контекстах субъект является лишь причиной нанесенного ущерба, его деятельность не связана с желанием причинить вред объекту; ср. *Автору кажется, что он защищает основы теории, а он им только вредит*.

Кроме того, для *вредить 2* невозможно конативное употребление, т. к. причина всегда остается эффективной, приводя к неизбежному следствию. Напротив, действия, обозначаемые *вредить 1*, могут быть неэффективными: ср. *Они вредили ему при любой возможности, но только время теряли: его поддерживало начальство*.

2. Различия в синтаксических свойствах и сочетаемости

Лексемы имеют разный набор валентностей. У *вредить 1* – три валентности: субъекта, объекта и способа воздействия, у *вредить 2* – их две: причины и объекта.

Валентность субъекта у *вредить 1* заполняется существительным в форме Им. п. со значением ‘человек’: ср. *Враг <сосед, иностранец, начальник и т. п.> вредит ему.*

Валентность причины у *вредить 2* заполняется существительным в форме Им. п. со значением ‘фактор’: ср. *Мощный звук под водой вредит китам и дельфинам.*

Обе лексемы имеют валентность объекта. Общий способ выражения данной валентности – существительное в форме Д. п. с широким кругом возможных значений (ср. *вредить больному <человечеству, здоровью, стране, посевам и т. п.>*). Для *вредить 1* возможно также заполнение валентности возвратным местоимением *себе*: *Люди часто сами себе вредят.*

Валентность способа воздействия присутствует только у *вредить 1*. Лексема управляет формой Тв. п.: *Он вредит ей подобными заявлениями.* Другой характерный способ выражения данной валентности – дееспричастный оборот: *Делая подобные заявления, он вредит ей.*

3. Морфологические различия.

Морфологические различия касаются набора форм. Лексема *вредить 1* имеет полную парадигму: *Спасая одного, я врежу кому-нибудь другому; Спасая одного, ты вредишь кому-нибудь другому и т. д.* *Вредить 2* не имеет форм 1 и 2-го лица.

Семантические связи.

Синонимами для *вредить 1* являются глаголы *гадить* и *накостить*. Для *вредить 2* специфических синонимов выявлено не было.

От *вредить 1* образовано существительное *вредитель* в значении ‘тот, кто наносит вред кому-, чему-л. умышленно’. У *вредить 2* аналогичный дериват отсутствует.

Выявленные различия позволяют говорить о двух значениях глагола *вредить* в русском языке.

Литература

- Апресян Ю.Д. Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. № 4.
[БАС] – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 2. М.; Л., 1951.
[МАС] – Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1981.
[СО] – Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.

Об особенностях пропозиционального содержания художественного текста (на материале романа А. Белого «Петербург»)

Белов Вадим Алексеевич

Аспирант Череповецкого государственного университета, Череповец

Для современной лингвистики характерно пристальное внимание к понятию «пропозиция». В нашей работе делается попытка рассмотреть особенности пропозиции в рамках художественного текста, проанализировав функции пропозиционального содержания в повествовании.

Известно, что одно и то же реальное событие можно описать разными языковыми пропозициями: «Ситуация действительности – это элемент недискретного человеческого опыта, а пропозиция – это результат интерпретации, или концептуализации человеком этого недискретного опыта» [Кобозева: 248]. Видение мира и способ его категориальной вербализации определяет (имплицитно или эксплицитно) говорящий субъект, именно он воспринимает и структурирует реальность со своей точки зрения. Введенный У. Чейфом термин «точка зрения, или эмпатия» как раз описывает способность говорящего выступать в качестве интерпретатора реальности: «Содержательная основа этого статуса состоит, по-видимому, в том, что человек обладает способностью представить себя смотрящим на мир глазами другого человека или с его точки зрения, и в том, что эта способность влияет на использование языка» [Чейф: 313]. Действительно, люди воспринимают мир и говорят о нем со своей точки зрения, хотя часто возникает необходимость представить чужое видение мира (например, при пересказе чужого выступления, сообщения). Наиболее явным случаем отстранения от собственной субъективной позиции является художественный текст, имеющий предельно сложную (особенно в неклассических произведениях (пост)модернизма) субъектно-объектную и нарративную организацию. Для классического повествования характерны определенность и стабильность субъектно-объектной организации текста. Неклассический нарратив, напротив, строится на постоянной смене форм повествования, субъектов речи, точек зрения.

Наш анализ, направленный на выяснение некоторых языковых механизмов организации неклассического повествования, проводится на материале романа Андрея Белого «Петербург», потому что повествование в этом произведении строится на смене свободно чередующихся точек зрения [Разумова: 168].

Для примера рассмотрим фрагмент первой главы романа, которая, как и все остальные, состоит из небольших главков. Первая главка представляет читателям главного героя – Аполлона Аполлоновича (А.А.). В повествовании от 3-его лица с персонификацией, которое быстро сменяется описанием разговора прислуг, А.А. представлен как субъект. А в эпизоде разговора прислуг А.А. представлен как объект наблюдения, тема беседы прислуги, его действия описаны с внешней точки зрения, в то же время в диалоге он представлен как агенс; в итоге А.А. имеет двойственный статус – является объектом разговора и грамматическим субъектом. Такой прием используется, скорее всего, для усиления «полифонии» (М.М. Бахтин) романа.

Далее тип пропозиций в этой подглавке меняется: А.А. приобретает статус активного субъекта (агенса), способного совершать динамические действия в пространстве. Уместно остановиться здесь на весьма любопытном предложении, которое свидетельствует о довольно условном выборе семантических ролей: «Лежащий на столе карандаш поразил внимание А.А.» (С. 12). В нем очевидно различие семантического (логического) и грамматического уровней синтаксиса: на уровне семантики предложение имеет субъектом

А.А., а объектом – карандаш, хотя подлежащим является карандаш, а А.А. – дополнением (пациенс), хотя это предложение помещено в контекст предложений, в которых А.А. представлен агенсом. Карандаш, мелкая бытовая деталь, особо выделен, чтобы показать несоизмеримость ценности предмета и пафоса отношения героя к нему, что является средством выражения глубокой иронии к персонажу: «А.А. принял намерение: придать карандашному острiu отточенность формы» (там же).

Таким образом, в рамках одного фрагмента статус участника ситуации неоднократно изменялся. Эта особенность еще нагляднее проявляется в главке «Барон, Борона», где при сохранности пространственно-временных характеристик одни и те же участники получают разные языковые интерпретации. С одной стороны, следует описание: «Ламповый абажур не сверкал фиолетово-розовым тоном... Золотые трюмо в оконных простенках отовсюду глотали гостиную зеленоватыми поверхностями зеркал...» (А.А., как другие предметы, является объектом описания); с другой стороны, с описанием соседствуют динамичные пропозиции: «А.А. распахнул быстро дверь...» (С. 16). Казалось бы, акциональные глаголы должны подчеркнуть динамику действия, однако действие то динамично развивается (субъектом динамики является А.А.), то замирает (нарратора «переходит в режим» описания). Используя терминологию Г.А. Золотовой, можно сказать, что в этом отрывке происходит частая смена «вертикальных» регистров, повествования и описания. Например, «горки фарфоровых безделушек» становятся поводом для мгновенной ретроспективной ассоциации («безделушки эти они вывезли из Венеции»): воспоминание принадлежит сознанию героя («Воспоминания о туманной лагуне ...промелькнули несклади так в сенаторской голове»). Воспоминание организовано безагентивно; по крайней мере, агенс явно не выражен на производном уровне. Структуру такого нарративного элемента можно сравнить с безличным предложением (имперсоналом): «Действительно, говорящим на естественных языках часто бывает важно ничего не сообщать о том, кем конкретно является некоторый участник ситуации: это может быть неизвестно, несущественно или, напротив, слишком явно подразумеваться контекстом и потому не требовать эксплицитного выражения» [Плунгян: 217]. Фокус внимания в таких нарративных структурах специально переносится на пациенса. Роль также вызывает у героя воспоминание, которое уже имеет четкого грамматического субъекта: «...и опять (докучная память!) А.А. вспомнил: былую петербургскую ночь». Видимо, разная форма репрезентации воспоминаний свидетельствуют о различных уровнях осознанности и интенсивности ассоциаций: сильные и яркие ассоциации маркируются и грамматически (с помощью подлежащего субъекта) и стилистически (с помощью глагола) участником ситуации: так, А.А. выступает то в качестве активного субъекта действий, то в качестве объекта описания и повествования. Семантическая роль в пределах текста не постоянна, а зависит от представления точки зрения и худо-

жественных намерений нарратора. Также чередуются агентивные и без-агентивные предложения. Причем, переход от одного типа пропозиции к другому происходит быстро, и смена субъекта и пропозиции происходит при неизменности пространственно-временных характеристик. Указанные семантические и синтаксические особенности в нарративе приобретают различные художественные функции – от средства выражения иронии до различения типов ассоциативных реакций персонажа.

Литература

Белый А. Петербург. СПб., 2004.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2004. С. 248.

Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2003.

Разумова А.О. Роман А. Белого «Петербург»: гносеологическая природа тексто-порождения: Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2006.

Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.

О двух видах перехода собственных имен в нарицательные

Воронцов Роман Игоревич

Студент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Явление перехода собственных имен в нарицательные привлекало внимание многих лингвистов, тем не менее число работ, в которых оно стало предметом специального рассмотрения, сравнительно невелико. В настоящее время в лингвокультурологии активно разрабатываются проблемы, связанные со структурой и функционированием прецедентных имен, однако, как будет показано далее, приобретение онимом статуса прецедентного имени – лишь один из двух возможных видов апелляции.

Б.М. Ляпунов, одним из первых обратившийся к изучению процесса апелляции, справедливо отмечал, что наиболее объективным фактором этого процесса является «историческая знаменательность» референта имени собственного [Ляпунов: 256]. Экстралингвистическая природа этого фактора определяет лингвокультурологическую специфику процесса апелляции: в семантике слова, образованного этим способом, важную позицию занимает культурный компонент значения.

А.В. Суперанская выделяет два вида перехода онимов в апелляции – полный (*ампер, бойкот*) и ситуативный (*Он современный Шекспир*). При полном переходе «онимическое существительное полностью отрывается от породившего его собственного и становится его омонимом», тогда как при ситуативном переходе оним, обрастая коннотациями, тем не менее остается самим собой [Суперанская: 115]. Таким образом, два вида апелляции представляют собой качественно разные процессы, протекающие по разным моделям и обладающие разными функциональными и системными характеристиками.

Переход собственных имен в нарицательные иллюстрирует явление вторичной номинации, при которой «устанавливаются ассоциации по сходству или по смежности между некоторыми элементами внеязыкового ряда, отображенными в уже существующем значении имени, и свойствами нового обозначаемого, называемого путем переосмысления этого значения» [Телия: 337]. Иными словами, вторичная номинация опирается на метафорические и метонимические переносы значения. А при ближайшем рассмотрении можно установить, что и апеллятивация, как частный случай вторичной номинации, протекает по моделям метафоры (ситуативный переход) и метонимии (полный переход), чем и обусловлены различия в характеристиках этих процессов.

Функциональная характеристика. Для метафоры характерна функция предиката, тогда как идентифицирующая функция для нее является вторичной. [Арутюнова 1978а: 257]. Это положение остается верным и для метафорической апеллятивации. Так, L. Wee, приводя примеры метафорического употребления собственных имен в идентифицирующей (referential) функции и в функции характеризующей (predicative), отмечает первостепенную важность последней [Wee: 358]. Проиллюстрируем это словарными толкованиями: *гамлет* – ‘о человеке, пребывающем в постоянных сомнениях’, *наполеон* – ‘о человеке, считающем себя исключительной личностью и отличающемся крайним индивидуализмом’, *робинзон* – ‘о человеке, живущем вдали от людей’, *росинант* – ‘о худой, истощенной, одряхлевшей лошади’, *фальстаф* – ‘о хвастливом, пустом человеке’. Ср. с толкованиями слов, образованных путем метонимической апеллятивации: *бойкот* – ‘полное или частичное прекращение отношений с кем-либо в знак несогласия с чем-либо, протеста против чего-либо [по имени Дж. Бойкота, управляющего имением, по отношению к которому в 1880 г. ирландские арендаторы впервые применили эту форму протеста]’, *иммельман* – ‘одна из фигур высшего пилотажа – переворот самолета через крыло в верхней точке петли [по имени немецкого летчика М. Иммельмана]’. Таким образом, в отличие от метафоры, для метонимии (как и для метонимически употребленного онима) характерно выполнение идентифицирующей функции.

Лексикологическая характеристика. Результатом метонимической апеллятивации является образование имени нарицательного, омонимичного по отношению к исходному ониму. Это имя нарицательное остается стилистически нейтральным (ср., например, многочисленные названия физических единиц по именам их открывателей – *ампер*, *вольт*, *ом* и др.). Метафорическая апеллятивация, напротив, представляет собой стилистически маркированную номинацию, для которой характерен переход идентифицирующего имени в предикатное [Языковая номинация: 104]. Именно в условиях такого перехода в языке рождается «образная метафора» [Арутюнова 1978б: 340], служащая развитию синонимических средств языка (ср. *ревнивец* – *Отелло*, *волохита* – *донжуан*, *казанова*, *ловелас*, *селадон*). В результате метафорической апеллятивации образуется особое имя, занимающее срединное поло-

жение между собственными и нарицательными. Это имя продолжает соотноситься с уникальным референтом онима, но в то же время обозначает не единственный в своем роде объект, а целый класс подобных объектов. Такие имена принято называть прецедентными, однако существует и другой термин, более точно отражающий семантическую специфику этих имен, – *коннотативные онимы* [Отин].

Любая метафора рано или поздно стирается и перестает восприниматься как таковая [Арутюнова 1978б: 340]. Для коннотативного онима (прецедентного имени) исчезновение метафоры означает полный переход в нарицательные. Так, Д.Б. Гудков настаивает на разграничении прецедентных имен и имен нарицательных, являющихся собственными по происхождению, относя к последним, в частности, слово *ловелас* [Гудков: 119]. И действительно, слово *ловелас* вряд ли соотносится в сознании современников с именем персонажа романа С. Ричардсона. Таким образом, утрата «исторической знаменательности» стирает метафору и переводит коннотативный оним в разряд апеллятивов.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Синтаксические функции метафоры // Известия АН СЛЯ. 1978. Т. 37. № 3. (а)
Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СЛЯ. 1978. Т. 37. № 4. (б)
Гудков Д.Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997.
Ляпунов Б.М. О некоторых примерах образования имен нарицательного значения из первоначальных имен собственных личных в славянских языках // Академику Н.Я. Марру. М.; Л., 1935.
Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 2003. № 2.
Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
Телля В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Языковая номинация: виды наименований. М., 1977.
Wee L. Proper names and the theory of metaphor // Journal of Linguistics. 2006. Vol. 42. Issue 2.

Концепт «свой – чужой» в советской словесной культуре

Выходцева Ирина Сергеевна

К.ф.н., Саратовский аграрный университет им. Н.И. Вавилова, Саратов

Советская словесная культура (далее ССК), несмотря на имеющиеся исследования, изучена недостаточно. Ее семантическая основа – концептосфера – исследована фрагментарно и бессистемно. В то же время филологическое описание советской концептосферы имеет не только историко-лингвистическое значение, оно необходимо для адекватного изучения современной речевой практики.

Актуальность данной проблемы состоит, во-первых, в том, что материал языка и словесности XX в. уходит в прошлое, и его важно зафиксировать и описать «по свежим следам»; во-вторых, этот материал является не-

обходимым основанием всех теоретических и практических исследований современного русского языка, т. к. ни один этап (а тем более предыдущий) в истории культуры игнорировать и оставлять без внимания нельзя.

В последние десятилетия отечественная и мировая лингвистика обратила особое внимание на проблемы, связанные с познанием, что дало импульс развитию когнитивной лингвистики, основной целью которой является понимание, изучение и описание концептосферы человека и культуры. Базовой единицей терминологического аппарата когнитивной лингвистики является понятие концепта, которое становится действенным инструментом лингвистического анализа, поскольку позволяет описывать и анализировать основные, центральные понятия культуры. К сожалению, до сих пор не решенной остается проблема определения объема и содержания данного понятия, хотя создается теоретико-методологическая база исследования и идет активный процесс сбора практического материала.

Понимание концепта «*свой – чужой*» в работе основано на точке зрения Ю.С. Степанова, так как, во-первых, ученый специально анализировал этот концепт, а во-вторых, его концепция довольно адекватна нашему материалу: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов: 472]. Это определение характеризует концепт как основную ячейку культуры в ментальном мире человека, оно связано не только с чисто лингвистическим, но и с культурологическим аспектом исследования.

Оппозиция «*свой – чужой*» пронизывает всю культуру и носит универсальный характер, так как в основе всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения лежат механизмы тождества и различения *своего* и *чужого*. Мы подчеркиваем лингвокультурологический характер концепта: языковое значение и культурный смысл образуют в данной оппозиции единое целое.

В работе предпринята попытка описать концепт «*свой – чужой*» сопоставительно: репрезентация его в народной культуре (НК) (на материале фольклора и древнерусской литературы); элитарной культуре (ЭК) (на материале русской классической литературы) и массовой культуре (ССК) (на материале нехудожественной и художественной советской словесности). Такой последовательный анализ направлен на выявление «фона» досоветской реализации концепта, что, на наш взгляд, позволяет определить специфику концепта «*свой – чужой*» в ССК, в которой данные культурные модели (народная и элитарная) модифицируются и чередуются.

В НК данный концепт проявляется как «дихотомия» («или-или») – непримиримое деление надвое: «да и нет», «свое и чужое»; в ЭК в концепте проявляется принцип «дипластии» («и-и») – нетождественность, расширение границ оппозиции: «и да и нет», «и свое и чужое».

Объект нашей работы – ССК. Ее специфика заключается в ее вторичности: «единстве и борьбе» двух культурно-исторических нормативов, двух культурных моделей: культуры¹ (далее К1) и культуры² (далее К2) (В.З. Паперный, А.П. Романенко и др.). В массовой культуре (ССК), которая в силу своей вторичности характеризуется чередованием К1 и К2, «единством и борьбой» принципов «дихотомии» и «дипластии», концепт «свой – чужой» в К1 – это четкое противопоставление «своих» и «чужих», но наблюдаются и своего рода лояльность по отношению к «чужим», связанная с идеей интернационализма; в К2 – происходит смещение границ: «свои» могут стать «чужими», среди «своих» много «чужих», которых нужно разоблачить и уничтожить. При этом степень противопоставленности «своих» и «чужих» выше, чем в К1. К «чужим» не проявляется интерес, они – лишь объект ненависти.

Вербальной репрезентацией концепта являются ключевые слова – это своеобразные универсалии, идеологически значимые, обладающие богатой «скрытой семантикой». Мы выделяем основные ключевые слова концепта «свой – чужой» в ССК в различных жанрах советской словесности. Наиболее значимыми, самыми употребительными ключевыми словами являются слова *товарищ* и *враг*, которые, с одной стороны, подчеркивают антагонистическое противопоставление «своих» и «чужих», а с другой стороны, показывают нейтрализацию данной оппозиции, в тех случаях, достаточно характерных для советской действительности, когда *товарищ* за любую провинность навсегда становится врагом.

Концепт «свой – чужой» – центральный в советской концептосфере, но далеко не единственный, поэтому перспектива дальнейшего исследования – анализ других важнейших концептов ССК.

Литература

- Паперный В.З. Культура «Два» [Текст] / В.З. Паперный. М., 1996.
Романенко А.П. Советская словесная культура: Образ ратора [Текст] / А.П. Романенко. Саратов, 2000.
Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. М., 1997.

**Репрезентация концепта «детство» во фразеологическом,
афористическом и паремнологическом фонде русского языка**

Глушкова Надежда Геннадьевна

Ассистент Ставропольского государственного педагогического института, Ставрополь

В настоящее время общепризнанной можно считать идею антропоцентричности языка, так как во многих лингвистических исследованиях в качестве естественной точки отсчета выступает человек. В науке о языке использование антропоцентрического принципа, или принципа «человека в языке», занимает особое место. Антропологическая парадигма – «переключение интересов исследователя с объектов познания на субъекта», т. е. это анализ не языка как обособленной семиотической системы, но его носителя как

творца языка. Антропоцентричность в лингвокультурологии соответствует общей тенденции гуманитарных исследований, вернувшейся к человеческому фактору в языке и носителю языка как к центральной фигуре в процессе коммуникативного общения. С позиции антропоцентрической парадигмы человек познает мир через осознание своего места в нем. Этот образ языка можно проследить путем анализа речи человека, используемых в ней оборотов, ее эмоциональной окраски.

Актуальность исследования определяется тем, что концепт «детство» до сих пор не был предметом специального многоаспектного лингвистического изучения. В различных художественных текстах, в сфере обыденного сознания, в разных отраслевых словарях и других источниках в настоящее время не зафиксировано единое понимание и определение данного концепта, являющегося важнейшим как для отдельной языковой личности, так и для целого народа в плане формирования, исследования и развития менталитета русской нации в целом.

В настоящей статье мы описали лингвокультурные аспекты языковой концептуализации детства во фразеологическом, паремиологическом и афористическом фонде русского языка. Детство детально концептуализируется в русской лингвокультуре. Основное содержание концепта «детство» в русском сознании сводится к следующим признакам: а) понятийную сторону этого концепта составляет комбинация признаков: «возраст», «период жизни», «ранний», «незрелый», «молодой»; б) ценностную сторону концепта «детство», как показал языковой материал, – преимущественно положительное-оценочное отношение русских к детству как периоду жизни человека: *детство – самое прекрасное время в жизни* [Калужная: 13].

Дети, как известно, являются высшей человеческой ценностью, поэтому существует целый корпус универсальных текстов, где сформулированы морально-этические и нравственные позиции членов общества по отношению к ним, что является крайне важным для лингвокультурологического исследования.

В сознании людей, носителей различных культур маленький ребенок обладает чистой душой и светлыми помыслами (*быть невинным, как младенец*). Ребенок, особенно младенец – это идеал нравственной чистоты, средоточие самых лучших нравственно-этических качеств человека: *чист как дитя*.

Анализ образов, заключенных в устойчивых сравнениях, показывает, что в роли объекта, с которым произведено сопоставление, выступают преимущественно образы отдельных объектов, такие как: представители животного мира (*как котята*), представители растительного мира (*как тепличное растение*), детские игрушки (*как пушик*), взрослый человек (*как старичок*) и т. д.

В афористических высказываниях четко сформулированы морально-этические и нравственные позиции членов общества по отношению к детям.

Воспитание детей понимается как трудное и ответственное дело: *Уж не оттого ли люди истязают детей... что их так трудно воспитывать, а сечь так легко? Не мстим ли мы наказанием за нашу неспособность?*

(А.И. Герцен). Концепт «детство» обнаруживает пересечение с концептом «будущее»: 1. Дети – воплощение помыслов и намерений их родителей (в будущем): *Желание всех отцов – осуществить в своих сыновьях то, чего недостает им самим* (И. Гете), *Ребятишки – ведь это люди в будущем..., их надо уметь ценить, надо любить* (М. Горький); 2. Дети – будущие судьи, как люди, которые в скором времени подвергнут оценке дела своих родителей: *Дети – это завтрашние судьи наши* (М. Горький) и т. д.

Корпус пословиц русского языка, объективирующих описываемый концепт, достаточно полно отражает специфику оценочных предпочтений, норм и стереотипов поведения в отношении к детству. В русском социуме физиологические характеристики ребенка признаются важнейшим показателем его полноценного развития (в особенности, вес ребенка и его внешность): *Родился сын, что белый сыр. Хотя дитя криво, а отцу – матери мило*. Негативную оценку получает болезненность ребенка: *Худые дети не дадут радости иметь; худой, тощий как оципаный куренок; тощий, щуплый как котенок*.

Этнокультурная специфика проявляется в том, что русскими пословицами выражена идея целесообразности физического наказания детей как одного из способов их воспитания: *Кулаком да в спину – то и приголубье сыну. Розгой в могилу ребенка не вгоняешь, а калачом не выманишь. Наказуй детей в юности, упокоят ты на старости*. Национально специфичными являются и высказывания о плохих (неудачных) детях: *В глупом сыне и отец не волен*. Также нами выявлены оригинальные высказывания, в которых дети выступают обузой для семьи, отношение к появлению нового ребенка скорее негативное, чем позитивное: *Малые дети съест, а большие износить не дадут, Малые дети – мало хлопот, а возмужают, так отца ислужают, Без детей горе, а с детьми вдвое, Ждал бедняк теленка, а Бог дал ребенка*.

Детство – это антропоцентрически ориентированный тип концепта, исследование которого представляет собой сложное когнитивное образование, включающее в себя онтологические, параметрические и социально-психологические характеристики. Проведенный анализ показал, что специфика концепта «детство» в русской лингвокультуре выражается в большей или меньшей актуальности его определенных сторон, в степени проявления оценочного отношения, в специфике ассоциативных связей. Характеристики отношения к детству находят отражение в различных проявлениях культуры народа, в том числе и в языке на разных этапах его существования.

При этом следует отметить, что подобный обширный и достаточно разрозненный лингвистический материал нуждается в обобщении и теоретическом осмыслении для того, чтобы занять определенное место в системе наук о человеке, чрезвычайно важной и пока еще недостаточно изученной области антропоцентрической лингвистики.

Литература

Калюжная И.А. Концепт «детство» в немецкой и русской лингвокультурах.

Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.

Сопоставительный анализ системы значений русских и французских темпоральных наречий

Гулидова Екатерина Николаевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Общеизвестно, что наречие остается одним из самых спорных грамматических классов, выделяемых в языке. Кроме того, это один из наименее описанных классов, и, хотя он до сих пор привлекает внимание лингвистов, тем не менее работ, посвященных наречию и, в частности, его семантике, не так много.

Очень убедительная, на наш взгляд, попытка представить функционально-коммуникативную систему семантических разрядов русских темпоральных наречий была предпринята Ф.И. Панковым [Панков]. Опираясь на данную работу, мы попробовали исследовать категорию наречной темпоральности во французском языке, систематизировать французские темпоральные наречия и провести сопоставительный анализ системы значений русских и французских темпоральных наречий, выявив зоны сходства и различия. В этом состоит цель нашей работы.

Следует отметить, что система значений наречной темпоральности французского языка в целом может быть представлена на основе выделения тех же семантических дифференциальных признаков (далее – ДП), которые выделяются для темпоральных наречий русского языка. Различия же состоят или в отсутствии той или иной ступени классификации (т. е. русскому наречию во французском языке соответствует другая часть речи (возможно, адвербиальное выражение, а точного наречного эквивалента не существует), или в частичном соответствии (т. е. некоторые русские темпоральные наречия на определенной ступени классификации переводятся на французский язык также темпоральными наречиями и к тому же имеют синонимичный перевод с помощью другой части речи). В качестве логического аппарата анализа выбрана дихотомия, позволяющая включить в систему *все* рассматриваемые единицы.

Среди основных признаков, служащих основанием разбиения темпоральных наречий, как французских, так и русских, можно назвать следующие: указание на факт соотнесенности действия с темпоральным ориентиром (безотносительность / относительность), отношение к кратности (дифференцированность / недифференцированность), отношение к характеру темпорального ориентира (соотнесенность действия с моментом времени или временем другого действия). Учитывая эти признаки, а также признаки более мелкого порядка, мы попытались построить систему значений наречной темпоральности французского языка, представив ее в виде схем, отражающих последовательность разбиения наречий на блоки.

В ходе сравнения семантических классификаций русских и французских наречий были выявлены (1) сходства (зоны сближения) и (2) различия (зоны расхождения).

(1) **Сходства.** Наличие зон сближения свидетельствует о том, что русскому наречию соответствует наречие во французском языке. Например, *долго – longtemps*, *завтра – demain*, *всегда – toujours*. Кроме того, во французском и в русском языках темпоральные наречия часто можно классифицировать по одним и тем же ДП. Например, в обоих языках есть наречия, выражающие безотносительное время: *долго – longtemps*, и относительное время: *сейчас – maintenant*.

(2) **Различия** между русскими и французскими наречиями связаны с тем, что между русскими и французскими наречиями есть зоны расхождения (проблема соответствия / несоответствия).

Сопоставляя французские и русские темпоральные наречия, я подробно рассмотрела зоны расхождения между ними, которые могут быть двух видов: (2.1) наличие русского наречия – отсутствие французского наречия, т. е. русскому наречию соответствует другая часть речи в иностранном языке (подавляющее большинство случаев); (2.2) наличие французского наречия – отсутствие русского наречия, т. е. иностранному наречию соответствует другая часть речи в русском языке.

Трудность соотнесения состоит в том, что во французском языке помимо простых (непроизводных) наречий широко используются так называемые **адвербиальные выражения** (*locutions adverbiales*), или составные наречия. Они представляют собой транспозицию других частей речи, например, *de nouveau – снова* (сочетание предлога и прилагательного). Несмотря на то, что такие сочетания слов относятся к классу наречий во французском языке (в частности, с точки зрения В.Г. Гака), мы не можем признать их наречиями как таковыми: они не полностью лексикализовались, и на семантическом уровне ощущаются составляющие их части. Очевидно также, что многие именные сочетания пишутся раздельно и могут рассматриваться лишь как факты синтаксической адвербиализации. Этим мотивируется отказ включить их в систему.

Результаты анализа оформлены в виде таблиц.

Табл. 1 (2.1) *Наличие русского наречия – отсутствие французского наречия*

Русский язык	Французский язык
Наречие	сущ.+союз+сущ.
круглосуточно	jour et nuit ('день и ночь')
	предлог+наречие
надолго	pour longtemps
навсегда	à (tout) jamais pour jamais pour toujours
	предлог+прил./мест.+сущ.
ежедневно	chaque jour=journellement
ежеминутно, поминутно	à tout / chaque moment / instant

Табл. 2. (2.2) Наличие французского наречия – отсутствие русского наречия

Французский язык	Русский язык	Пример
sitôt	так скоро	Il n'arrivera pas sitôt. – Он не придет так скоро
avant-hier	третьего дня	
prochainement	на _____ днях (в будущем)	

Для наречия *часто* в пространственном и временном значении во французском языке используются разные лексемы:

Временное значение: souvent, fréquemment.

Пример: Je vais souvent au théâtre. – Я часто хожу в театр.

Но возможны и другие французские корреляты, например: *Как часто я думал о вас* – *Que de fois j'ai pensé à vous* ('Сколько раз я думал о вас').

Пространственное значение: **tout près les uns des autres**.

Пример: *Деревья посажены часто*. – Les arbres sont plantés **tout près les uns des autres** ('совсем рядом одни с другими').

Модели редупликации не характерны для французского языка. Случаи типа *долго-долго* переводятся на французский язык сочетанием наречий со значением 'очень', 'слишком' и 'долго': *très longtemps, trop longtemps*.

Выражение *долго ли, коротко ли* во французском языке обозначается лексической единицей *au bout d'un certain temps* ('по прошествии определенного времени'). В таких случаях очевидна проблема перевода с одного языка на другой.

Наречия типа *вчера, сегодня, завтра*... имеют точные аналоги во французском языке: *вчера – hier, сегодня – aujourd'hui, завтра – demain* и т. д..

Лексемы со значением *днем, утром, вечером, ночью* переводятся на французский язык сочетанием определенного артикля и соответствующего существительного: *le matin – утром, le soir – вечером* и т. д..

Попытка систематизировать темпоральные наречия во французском языке и сопоставить их с системой значений наречий времени в русском языке, как нам кажется, поможет при изучении французского языка русскими учащимися и, несомненно, будет актуальна в аспекте преподавания русского языка французам.

Литература

Панков Ф. И. Функционально-семантическая категория наречной темпоральности и система значений наречий времени в русском языке // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2005. № 1.

Понятие «парапсихология» в современных толковых словарях русского языка

Демушов Кирилл Геннадьевич

Аспирант Орского гуманитарно-технологического института, Орск

Большинство современных толковых словарей не дает корректного определения парапсихологии.

В СТС *парапсихология* определяется следующим образом: «1. Область психологических исследований, изучающая сверхчувственные формы восприятия (не объяснимые обычной деятельностью органов чувств), телепатические свойства человека и другие необычные способности человека. 2. Телепатические свойства человека» [СТС: 496]. Проанализируем первое значение (второе образовано от первого путем метонимического переноса: область исследования свойств – сами свойства). *Парапсихология* определяется как отрасль психологии, т. е. признается законной отраслью науки. Однако такая трактовка парапсихологии не согласуется с определением психологии в данном словаре. Сравнение трех словарных статей («Парапсихология», «Психология», «Психика») показывает, что парапсихология не может быть отраслью психологии, поскольку объекты их изучения несопоставимы: одна изучает формы восприятия, необъяснимые деятельностью органов чувств, другая – процессы и явления, которые объяснимы высшей нервной деятельностью.

Слово *сверхчувственный* получает толкование: необъяснимый обычной деятельностью органов чувств, прилагательное в определении указывает, что объяснение феномена невозможно в принципе (ни сейчас, ни в будущем).

Обратимся теперь к тому, что названо в толковании «телепатическими свойствами человека». *Телепатия* – это «[с]верхъестественная способность человека передавать свои мысли и чувства на расстояние другому человеку» [СТС: 824]. Так и написано: **сверхъестественная**. Получается, что главный объект парапсихологии – сверхъестественный. Тогда о какой области **психологических**, и вообще научных, исследований может идти речь? Какими методами, с помощью какого оборудования можно исследовать сверхъестественное? Ответов на данные вопросы в словаре, разумеется, нет. Небезынтересно в этом плане рассмотреть статью, посвященную лексеме *сверхъестественный*: «1. Необъяснимый законами природы; чудесный. *С. явления*. 2. Разг. Превышающий обычную меру в чем-л.; необычайный. *С. усилие*» [СТС: 723]. Данное определение не позволяет рассматривать парапсихологию как науку, так как последняя изучает именно законы природы, а чудесным занимаются иные формы общественного сознания – религия и мифология.

В БТС лексема *парапсихология* получает следующее толкование: «1. Область психологических исследований, в которой изучаются нормы чувствительности (обеспечивающей способы получения человеком сведений об окружающем мире, не объяснимые обычной деятельностью органов чувств), сверхчувственные формы восприятия, телепатические свойства человека и другие необычные способности человеческого организма. 2. Телепатические свойства человека» [БТС: 781]. Остается неясным, что такое нормы чувствительности, необъяснимые обычной деятельностью органов чувств; вероятно, они должны объясняться деятельностью необычной. Лексеме *сверхчувственный* в БТС посвящена отдельная статья: «Находящийся по ту сторону материального мира и недоступный чувственному восприятию» [БТС: 1157]. Логично предпо-

ложить, что за выражением «по ту сторону материального мира» скрывается мир идеальный, однако это не так, поскольку к дефиниции подобраны речения: «С-ая материя. С-ая функция организма» [БТС: 1157]. Материя же в словаре трактуется как «объективная реальность, существующая вне и независимо от человеческого сознания» (а значение прилагательного *материальный* определяется через существительное). Следовательно, существует две материи: сверхчувственная и просто чувственная – и две объективные реальности.

В еще большее недоумение приводит толкование слова *сверхчувственный* («находящийся по ту сторону материального мира и недоступный чувственному восприятию»), если сравнить его с толкованием слова *мир*, которое исключает возможность существования какого-либо иного мира, кроме материального: «Совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве; Вселенная» [БТС: 544].

Теперь в толковании слова *парапсихология* подставим вместо слова *сверхчувственный* его развернутое определение: «1. Область психологических исследований, в которой изучаются нормы чувствительности (обеспечивающей способы получения человеком сведений об **окружающем мире**, не объяснимые обычной деятельностью органов чувств), формы восприятия, находящиеся **по ту сторону материального мира** и недоступные чувственному восприятию, телепатические свойства человека и другие необычные способности человеческого организма. 2. Телепатические свойства человека». Комментарий излишни.

Определение *парапсихологии* в ТС: «Область знаний, исследующая загадочные явления человеческой психики и необычные возможности организма, не поддающиеся рациональному объяснению (телепатия, телекинез, ясновидение и т. п.)» [ТС: 554] – в принципе, можно переделать во вполне корректное: парапсихология – это вера в «загадочные явления человеческой психики и необычные возможности организма, не поддающиеся объяснению (телепатия, телекинез, ясновидение и т. п.)». А к вере не может быть претензий в обосновании объекта. Зачем же характеризовать *парапсихологию* как область знаний, которая исследует нечто? *Телепатия* в ТС определяется следующим образом: «Парапсихол. Свойство передачи мыслей и чувств на расстоянии».

Не ясно, что за свойство «передача мыслей и чувств на расстояние». Возникает вопрос: кто или что обладает названным в дефиниции свойством? Может быть, речь идет о телефонной связи, телевидении, интернете – средствах, которые обладают таким свойством. Более того, под определение *телепатии* подходит и язык, важнейшие функции которого – коммуникативная и эмотивная, т. е. язык обладает свойством передавать мысли и чувства от одного индивида к другому, даже если они разделены, причем как в пространстве, так и во времени.

Проведенный анализ (если устранить внутреннюю противоречивость толкований) позволяет дать следующее определение: *парапсихология* – это псевдонаука, представители которой верят в существование сверхъестест-

венных возможностей человеческой психики и человеческого организма, таких как передача мыслей на расстояние без каких-либо технических средств, вообще какого-либо физического воздействия (телепатия), передвижение предметов силой мысли (воли) (телекинез) и т. п. Под **псевдо-наукой** в данном случае понимаются такие взгляды, носители которых могут вполне искренне думать, что занимаются наукой, однако их занятия не соответствуют существующему представлению о научности, потому что они не пытаются выяснить истину, а подгоняют факты под собственные субъективные гипотезы.

Литература

[СТС] – Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2003.

[БТС] – Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.

[ТС] – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2001.

**Некоторые аспекты варьирования идиом:
ввод в состав идиомы кванторных и дейктических компонентов
(по материалам корпусов текстов)**

Дронов Павел Сергеевич

Аспирант Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва

Ввод в состав идиомы определения (прилагательных, кванторных и дейктических компонентов, причастий, существительных в атрибутивной функции – напр., в английском языке, – и т. д.), как один из видов варьирования фразеологических единиц, может приводить к различным семантическим и прагматическим эффектам – см. [Добровольский; Abeillé; Langlotz]. Новый компонент может образовать узуальный вариант одной идиомы и явно окказиональный вариант другой. Логично предположить, что узуальным будет ввод строго определенных видов прилагательных, причастий или местоимений в строго определенных видах идиом. По мнению Д.О. Добровольского [2007; в печати], узуальными могут считаться модификации, в которых соблюдаются условия семантической членности и семантического согласования (вводимое в структуру идиомы прилагательное не должно вступать в семантическое противоречие ни с ее актуальным значением, ни с образной составляющей).

В ходе анализа лексико-синтаксических модификаций идиом нами было проанализировано свыше 600 контекстов из Национального корпуса русского языка (www.ruscorgora.ru), Корпуса русской публицистики и Корпуса художественной литературы 60–90-х гг. XX в. (последние два разработаны в Отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка). Примеры ввода в состав идиом дейктических и кванторных компонентов – в основном, местоимений – составляют значительную часть (хотя и не большинство) лексико-синтаксических модификаций идиом. По мнению Д.О. Добровольско-

го [в печати], при вводе дейктического слова значимым оказывается условие семантической членности, а семантическое согласование оказывается несущественным. Если в состав идиомы вводится кванторное слово, модифицируемая именная группа должна, естественно, обладать значением, в принципе поддающимся квантификации, так что здесь также можно говорить о соблюдении обоих условий. Соответственно, подобные модификации могут считаться узуальными. В целом, материал корпусов текстов подтверждает данную гипотезу:

(1) Я тоже в начальники хочу. Я молодая, активная. Аркашка говорит: – А я что, рыжий, что ли? Поляков, *который всю эту кашу заварил*, кричит: – Товарищи, что же это такое? ! Что же вы все без очереди лезете? Каждый себя предлагает, а меня кто же предложит? [Лион Измайлов. «Инициатива масс» (1990)]

В некоторых случаях ввод кванторного или дейктического компонента приводит к явному нарушению речевого стандарта, ср.:

(2) БОГАЧ. Ну, вот, подберем самую красивую девушку в городе, чтобы *не ударить в грязь ее лицом!* // МАЛЯР. Хи-хи-хи! // БОГАЧ. И в результате нашли самую красивую девушку в городе – твою дочь. [Петрушевская Л. «Пьесь»; КорпусРусПроз].

В скрытой грамматике русского языка выделяется имплицитная категория отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности, которую можно рассматривать как частный случай категории посессивности. [Баранов: 146]. Кроме того, идиома не содержит валентности *чей, какой*. В контексте (2) изменение референта – *ее лицом* – нарушает эту категорию и одновременно приводит к материализации метафоры (образ «удара в грязь лицом», лежащий в основе идиомы, подразумевает, что кто-либо не окунает в грязь другого человека, а оказывается в грязи сам). Местоимения *ее, моим* несомнестимы с актуальным значением идиомы. («[не] оплошать, [не] осрамиться»). Модификация не удовлетворяет ни условию семантической членности, ни условию семантического согласования.

Приведем еще ряд примеров.

(3) Ё-моё, Валентиныч, *в какой же рубашке ты родился, а?!* [Анна Берсенева. «Возраст третьей любви» (2005)].

(4) Я никогда не спорила с Ковалевской, мы с ней *родились в одной рубашке*, и заворачивали нас одной пеленкой, хоть ее лепили из другой глины. [Дарья Симонова. «Сладкий запах вторых рук» (1997)].

(5) ПАХМУТОВА И ДОБРОНРАВОВ *РОДИЛИСЬ В РУБАШКЕ. ОДНОЙ НА ДВОИХ!* Вчера ярославские врачи подтвердили радостную весть: жизнь звездной пары, попавшей в автокатастрофу, вне опасности. [Публицистика Интернета].

В (3) задан нереальный вопрос без вопросительной интенции. Идиома *родиться в рубашке* не допускает валентности (*какой*), можно говорить о нарушении условия семантической членности. В примере (4) модификация не удовлетворяет условию семантической членности и, кроме того, употреблена

не в кодифицированном значении. Она может быть парафразирована не как «мы были одинаково счастливы», а скорее как «мы росли вместе» (подобное значение подчеркивается фразой «нас заворачивали одной пленкой»). Подряд идут словосочетания, метафорически описывающие совместное детство двух героинь (*заворачивали нас одной пленкой, ее лепили из другой глины*). В принципе, ввод кванторного компонента *одной* в состав идиомы *родиться в рубашке* привел к образованию новой идиомы с новым значением. С другой стороны, в контексте (5) аналогичная модификация не изменяет актуального значения, хотя вступает в семантическое противоречие с дословным значением идиомы (А. Пахмутова и Н. Добронравов не могли быть рождены в одном околоплодном пузыре, т. к. не являются братом и сестрой). Ввод определения в состав идиомы и парцелляция («...родились в рубашке. Одной на двоих») воспринимаются как явная языковая игра. Из приведенных контекстов употребления идиомы *родиться в рубашке* пример (3) воспринимается как окказиональный в наименьшей степени.

В целом, можно действительно сказать, что при вводе в состав идиомы кванторного или дейктического компонента на первый план выходит соответствие модификации условию семантической членимости. Частным случаем является нарушение отчуждаемой или неотчуждаемой принадлежности. Тем не менее, при анализе подобных модификаций идиом нельзя игнорировать семантические и прагматические эффекты, связанные с совместностью кванторного или дейктического компонента с актуальным и дословным значением фразеологизма.

Литература

- Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2003.
Добровольский Д.О. Модификация структуры идиомы в аспекте понимания // Понимание в коммуникации. 2007. Язык. Человек. Концепция. Текст. Тезисы докладов Международной научной конференции (28 февраля – 1 марта 2007, Москва). М., 2007. Стр. 27–31.
Добровольский Д.О. Лексико-синтаксическое варьирование во фразеологии: ввод определения в структуру идиомы. М. [В печ.]
Abeillé A. The flexibility of French idioms: A representation with Lexicalized Tree Adjoining Grammar // Idioms: Structural and psychological perspectives / Everaert M., Linden E.-J. van der, Schenk A., Schreuder R. (eds.). Hillsdale (NJ), 1995. С. 15–42.
Langlotz A. Idiomatic creativity. A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006.

**Вербализация концепта ‘мужчина’ в русской языковой картине мира
начала XXI века**

Ефремов Валерий Анатольевич

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург*

Начало XXI в. в современных культурологических и гендерных исследованиях традиционно определяется как эпоха «кризиса маскулинности»: так, в ста-

тье известных гендерологов [Здравомыслова, Темкина] вскрываются социокультурные причины возникновения проблемы мужской идентификации в России и описываются различные типы ролевых и ментальных моделей, которые постсоветское общество предлагает русскому мужчине.

Нами предпринята попытка описать и проанализировать изменения в вербализации концепта 'мужчина' в современной языковой картине мира. Под термином концепт вслед за рядом исследователей понимаем «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [Воркачев].

Реконструировать некий фрагмент языковой картины мира можно, например, путем анализа идеографических и ассоциативных словарей. Однако образ русского мужчины, моделируемый таким образом, отличен от образа, представленного в ходе социо- и психологических исследований [Лабковская]. Это связано с тем, что словарь фиксирует традиционную картину мира, складывавшуюся на протяжении нескольких столетий, в то время как полевые исследования стереотипов мышления и русского мировидения, как и анализ данных современного словоупотребления, отражают текущую действительность.

Представляется, что вербализация глубинных пластов человеческого сознания, к которым, безусловно, принадлежит концепт 'мужчина', неминуемо зависит от тех социокультурных изменений, которые претерпевают как общество и культура, так и язык. Например, для современного состояния русской языковой картины мира это взаимовлияние когнитивного и языкового можно рассмотреть через следующие социолингвистические трансформации:

1) Вульгаризация языка и мышления (например, редукция пейоративной коннотации слов *мужик*, *пацан* и др.; увеличение частотности номинаций лиц мужского пола, генетически связанных с уголовным жаргоном, типа *кореш*);

2) Американизация языка (появление новых слов и реалий: *мачо*, *супермен*, *метросексуал*, *ретросексуал*, *оберсексуал*, *хаммерсексуал* и др.);

3) Давление просторечия и территориальных диалектов на кодифицированный русский язык (смещение с периферии к ядру вербализаторов таких лексем, как *пацан*, *браток*, *чувак* и др.);

4) Попытки возвращения к языку и культурным ценностям дореволюционной России (возвращение из пассивного словаря слов типа *сударь*; трансформации речевого этикета);

5) Утрата элементов традиционной русской культуры (увеличение степени агнонимичности таких слов-вербализаторов концепта 'мужчина', как *дядька*, *бобьль* и др.).

Таким образом, можно утверждать, что переживаемые в последние 10–20 лет разнообразные социальные, культурные, идеологические и т. д. метаморфозы жизни общества не могут не отразиться как на его культуре, так и на языке в целом. В качестве «лакмусовой бумажки», выявляющей даже минималь-

ные процессы окисления языка, можно предложить вербализаторы концепта 'мужчина' – одного из архетипических для языкового сознания.

Литература

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурологический концепт. М., 2004.

Здравомыслова Е., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О мужеN)ственности. М., 2002. С. 432–451.

Лабковская Е.Б. Юридическая психология: теории девиантного поведения. СПб., 2000.

**Типы зрительного восприятия в идиолекте Георгия Иванова
и их динамика**

Кац Евгения Александровна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Поэтический идиолект является одним из основных предметов изучения когнитивной поэтики, в рамках которой исследуется его внутреннее устройство, связь с другими идиолектами и общенациональным языком. Внутреннее устройство идиолекта – это реконструируемый по языку поэтический мир и связанные с ним приемы построения текста. Мы выстраиваем описание идиолекта как совокупности связанных между собой когнитивных, текстовых и интертекстуальных стратегий представленной корпусом текстов языковой личности.

При описании когнитивных стратегий в стихотворениях Георгия Иванова можно выделить два типа восприятия. Один из них – актуальный – указывает на непосредственно воспринимаемую наблюдаемую действительность, помещенную вне субъекта сознания. Он противопоставлен неактуальным модусам восприятия, таким как память, сон, воображение и т. д. Эти типы восприятия выделены на основе общетеоретических соображений о необходимости разделения объектов внешнего по отношению к воспринимающему субъекту мира и существующих внутри субъекта ментальных репрезентаций, которые тоже могут быть связаны с воспринимаемыми характеристиками отображаемого объекта.

В большинстве работ о Георгии Иванове его творчество делится на два периода, которые разделяются эмиграцией (1923 г.), существенно преобразившей поэта.

В двух сборниках разного времени и примерно одинакового объема – «Отплыть на о. Цитеру» (1912 г., это первый сборник Г. Иванова, в нем 40 стихотворений, далее ООЦ) и «Портрет без сходства» (1950 г., 51 стихотворение, далее ПБС) – были отобраны предметные имена, обозначающие зрительно воспринимаемые объекты, которые распределялись по трем группам: актуальный модус, неактуальные модусы, неясные случаи (само наличие последних также показательно и может служить основанием для некоторых выводов, которые частично представлены ниже). Кроме того, учитывались несколько групп слов, которые не подходили под нашу выборку, однако относятся к зрительному восприятию и отчетливо выделяются частотностью.

Анализ этих сборников приводит к следующим выводам.

В обоих сборниках много повторяющейся лексики. Это в основном нейтральные номинации базового уровня (*звезда, снег, люди*) со спецификацией лишь в нескольких тематических группах: цветы, камни, ткани, одежда. При этом в разные периоды спецификация проявляется по-разному.

Цветы: в первый период – разные, в основном садовые, роскошные, в ПБС выделяются *розы* (в неактуальном модусе и часто непредметном значении, они становятся символом, очень интересно, что уже в раннем сборнике *розы* оказывались в группе «неясные случаи», т.е. уже тогда они не относились к сфере непосредственно воспринимаемого), появляются полевые цветы (*одуванчики, васильки*).

Камни: «драгоценное» разнообразие в первом сборнике (*аквамарины, алмазисты, жемчуга, изумруды, рубины* и т. д.), исчезают в последнем (в метафорическом сравнении упоминается *булыжник*...).

Ткани и одежда: роскошные в начале (*парча, бархат, порфира*), будничные в конце (*брюки, пальто, платочек*).

В ООЦ в обоих типах модусов предметные имена в основном представляют собой либо нейтральные номинации базового уровня, либо обозначают реалии, далекие от повседневной жизни. Причем такой способ видения распространяется на описание мира вообще: например, эти номинации присутствуют как в прямом описании природы, так и в сравнительных оборотах и метафорах (*небосклон светлее сердолика, луна роняет янтари* и т. д.).

Очень показательное употребление прилагательных цвета: во-первых, в ООЦ в актуальном модусе много разных цветов и оттенков (есть уровень спецификации – около 24 разных цветов и оттенков), а в ПБС их приблизительно в четыре раза меньше, и это в основном уровень базовый; во-вторых, в ПБС интересные данные дает распределение по актуальному и неактуальному модусу: *синий* и *черный* встречаются несколько раз, но только в неактуальном модусе, что, с одной стороны, подтверждает их символический статус, о котором говорится в разных работах, посвященных Георгию Иванову, а с другой – показывает правомерность выделения неактуального модуса.

На эффект однородности мира в ООЦ влияет и большое количество имен, означающих некоторый тип переходного состояния. Среди существительных это *закат, заря, сумерки*, которые чрезвычайно частотны в ООЦ и почти отсутствуют в ПБС, – это переходное время суток, которое в ООЦ часто оформляет переключение в неактуальный модус. Среди прилагательных это разнообразные оттенки. Т. е. мир ООЦ – это во многом мир полутонов, и именно на этом фоне ощущается контрастность мира ПБС.

Отсутствие бытовой спецификации, с одной стороны, и присутствие спецификации, не связанной с бытом, с другой, а также восточные, сказочные, религиозные мотивы создают однородность актуального и неактуального модусов в ООЦ.

В ПБС появляется много реалий быта, предметов, которые окружают человека в его повседневной жизни (одежда, люди определенных профессий – портной, торговка и т. д.). Одновременно появляется привязка к конкретному месту, координаты которого определены в экстралингвистической реальности (Париж и др.). Отчасти они соотносятся с биографическими данными Георгия Иванова как человека (в актуальном модусе это Париж, Ницца, где он находился в период написания сборника, в неактуальном – Россия, Вольнь). Интересно повторение отсутствующего в ООЦ слова «дом», причем в ПБС оно 4 раза встречается в неактуальном модусе. В контексте эмигрантского быта этот факт также свидетельствует о создающейся привязке стихов к автобиографическим мотивам.

Одновременно в ПБС оформляются слова-символы, по отношению к которым слово «восприятие» применяется лишь условно (сиянье, роза, звезда, снег), они теряют свое предметное значение.

Это расслоение (быт с одной стороны и символы с другой) создает ощущение резкого противопоставления актуального и неактуального модусов, контрастности представленной в ПБС картины мира, несмотря на то, что это противопоставление не прослеживается четко во всех предметных областях.

Наименования свойств личности и их психологические свойства

Кожевникова Наталия Леонидовна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Прежде чем выдвигать некие лингвистические предположения относительно функционирования в языке абстрактных существительных, обозначающих свойства личности, следует обратиться к психологии и ее представлениям о структуре человеческой личности. Приложение психологической классификации к исследуемому материалу преследует несколько целей: во-первых, помочь произвести некоторое деление внутри массива исследуемых слов; во-вторых, сопоставить принципы психологической и семантической классификации выбранной для анализа лексики.

В наиболее общем смысле личность – это абстрактное понятие, в котором объединены различные характеристики человека: эмоции, мотивации, мысли, переживания, восприятие и действия. Теории личности, которых насчитывается больше пятидесяти [Горноста́й, Титаренко], сильно различаются между собой, поэтому практически невозможно дать единственно верное и всеохватывающее определение личности.

В настоящее время в психологии принято выделять следующие психические свойства личности [Крысько: 193]:

- 1) **Темперамент** – динамика ее психических процессов; типологические свойства нервной системы – основа темперамента.
- 2) **Способности** – психические возможности личности, реализующиеся в отдельных видах деятельности;

3) **Направленность** личности – характерные для нее потребности, мотивы, чувства, интересы, оценки, симпатии и антипатии, идеалы и мировоззрение;

4) Проявляясь в соответствующих обобщенных способах поведения, направленность обуславливает **характер** личности. Это система устойчивых черт личности, выражающих отношения человека к людям, самому себе, труду, материальным ценностям и др.

Темперамент – это те врожденные особенности человека, которые обуславливают динамические характеристики интенсивности и скорости реагирования, степени эмоциональной возбудимости и уравновешенности, особенности приспособления к окружающей среде.

Способности – это индивидуально-психологические особенности личности, обеспечивающие успех в деятельности, в общении и легкость овладения ими. Способности не могут быть сведены к знаниям, умениям и навыкам, имеющимся у человека, но обеспечивают их быстрое приобретение, фиксацию и эффективное практическое применение.

Способности можно разделить на:

1. Природные (или естественные) способности, в основе своей биологически обусловленные, связанные с врожденными задатками;

2. Специфические человеческие способности, имеющие общественно-историческое происхождение и обеспечивающие жизнь и развитие в социальной среде.

Характер – это каркас личности, в который входят только наиболее выраженные и тесно взаимосвязанные свойства личности, отчетливо проявляющиеся в различных видах деятельности. Это индивидуальное сочетание наиболее устойчивых, существенных особенностей личности, проявляющихся в поведении человека, в определенном отношении к себе, к другим людям, к порученному делу. Также в характере отражаются волевые качества: готовность преодолевать препятствия, душевную и физическую боль, степень настойчивости, самостоятельности, решительности, дисциплинированности.

Системный подход к психологии человека означает преодоление представления о личности как вместилище психологических процессов, состояний и свойств. Личность – это единое целостное образование, отдельные элементы которого находятся в закономерных взаимосвязях. Так, природные особенности индивида – тип его высшей нервной деятельности – закономерно определяет его темперамент. Темперамент проявляется во всех действиях личности. Тип высшей нервной деятельности и темперамент человека обуславливают в известной мере его способности. Способности человека обуславливают возможности его включения в определенные виды деятельности, поэтому они влияют на формирование направленности личности. Направленность, способность и темперамент человека преломляются в чертах характера.

В бытовом употреблении при рассуждении о человеческом характере элементы научной классификации используются иначе, чем в научном употребле-

нии, а некоторые не используются вообще. Термин «характер» употребляется как наиболее общее понятие, объединяющее в себе все многообразие свойств личности. В таком же качестве он используется в ряде лингвистических исследований, посвященных характеристике человека, в частности, в диссертации А.В. Силиванец «Функционально-семантическая сфера характеристики человека». А «темперамент» в бытовых рассуждениях используется при описании бурных эмоциональных проявлений (например, «он темпераментный человек», т. е. не стесняющийся в выражении своих эмоций). Термин «направленность» не употребляется совсем, вместо него используются отдельные его компоненты: потребности, мотивы, чувства, интересы, оценки, симпатии и антипатии, идеалы и мировоззрение и др.

Анализируемые в диссертации абстрактные существительные со значением свойств личности снабжаются характеристикой психологического компонента, что дает возможность определить количественную составляющую каждого компонента во всем массиве слов данной семантической группы. Таким образом, появляется возможность разбить слова на группы в соответствии с той стороной личности, которую слово обозначает: характер, темперамент, направленность или способности. Это позволяет сделать выводы о значимости каждого из компонентов – т. е. наибольшее количество слов свидетельствует о важности данного элемента для сознания носителей языка. Также слова снабжены дополнительными характеристиками, отражающими важные компоненты значения:

- А. Контролируемость – неконтролируемость
- Б. Постоянность проявления признака
- В. Значимое отсутствие качества
- Г. Интенсивность

Приписывание слову, называющему свойство личности, той или иной психологической характеристики позволяет выявить количественное соотношение различных элементов в структуре личности и сделать некоторые выводы относительно того, что может обозначать преобладание или наоборот, незначительное количество слов с тем или иным общим психологическим значением.

В психологической классификации свойства личности воспринимаются как проявления в действиях, отношениях, состояниях того, чем оперирует семантическая классификация – представлений человека о тех или иных элементах характера. Снабжение подлежащего исследованию массива слов характеристиками элементов структуры личности позволяет несколько упростить сложную и разветвленную многоуровневую организацию лексики, используемую в Русском семантическом словаре под редакцией Н.Ю. Шведовой и служащую основным материалом исследования. У обеих наук общий предмет исследования, но различающиеся принципы классификаций позволяют представить его более полно.

Литература

- Горноста́й П., Титаренко Т.* Психологические теории и концепции личности. Краткий справочник // Психология личности: Словарь-справочник. Киев, 2001.
- Крысько В.Г.* Общая психология в схемах и комментариях. СПб., 2007.
- Силиванец А.В.* Функционально-семантическая сфера характеристики человека: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1997.

Проблема коммуникативной интерпретации переводного фильма в русском и ирландском языках

Коростелева Анна Александровна

Ст. преподаватель Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Примечательным явлением последних лет стали так называемые «культурные» или просто популярные высокобюджетные фильмы, сразу по выходе которых осуществляется звучащий перевод (часто – полное дублирование) их едва ли не на все государственные языки мира и которые представляют собой, таким образом, уникальный материал для сопоставительного исследования звучащей диалогической речи (в частности – эстетической нагрузки коммуникативных средств в различных языках).

Любой перевод всегда представляет собой интерпретацию, что объясняется принципиально интерпретационным характером коммуникативного уровня языка. Предшествующие исследования переводных фильмов показали, что работа коммуникативных средств, как правило, обеспечивает различие образов персонажей в разных переводах (чему не мешает наличие общего видеоряда) и различные взаимоотношения в пределах ансамбля персонажей. При определенных условиях работа коммуникативных средств может влиять на формирование жанра переводного фильма. Кроме того, показано было, что активизация при переводе кинодиалога в первую очередь собственно коммуникативных средств (частицы, междометия, интонация, порядок слов) является типологической особенностью русского языка, в то время как уже в близкородственном польском языке гораздо более значительная эстетическая нагрузка приходится на долю номинативных единиц, осложненных коммуникативными параметрами.

Сопоставление русского и ирландского переводов фильма «Гарри Поттер и тайная комната» (*Harry Potter and the Chamber of Secrets*, США, 2002; оба перевода представляют собой полное дублирование) позволяет сделать ряд выводов в области интерпретации переводного фильма. Прежде всего анализ вновь подтверждает, что положение, при котором основная эстетическая функция принадлежит собственно коммуникативным средствам, может считаться спецификой русской языковой системы. Ирландский язык в большей степени задействует средства номинативного уровня (в их коммуникативной функции), значительно меньшая роль отводится в нем звучанию. Многозначность лексико-синтаксического состава структуры в ирландской версии встречается реже, чем в русском, а движение тона и другие звучащие средст-

ва являются по большей части вспомогательными и скорее сопровождают определенные целеустановки, чем формируют их. Это обеспечивает относительную близость письменного и звучащего кинодиалога в ирландском, в отличие от русского (где два варианта озвучания по одному и тому же тексту, как правило, будут различаться на уровне целеустановок и в конечном счете – на уровне характеров персонажей и их взаимоотношений, вплоть до несовпадения центральной идеи эпизода или всего фильма).

Анализ эпизодов, связанных с сюжетной линией Люциуса Малфоя, ставит в центр ранее детально не рассматривавшуюся проблему *нюансировки* при создании в целом сходного образа героя в различных версиях. Здесь нет настолько разительных различий в самом характере персонажа, как, допустим, различия между русским и польским Малфоем (сопоставление с польским дубляжом также проводилось), и это дает возможность сосредоточиться на нюансах. Исследование показывает, что при сходстве или совпадении ведущих речевых стратегий (в случае Малфоя это ирония, высказывания с «двойным дном», неочевидные, замаскированные оскорбления и постоянный оттенок угрозы при внешней ровной доброжелательности, что в целом формирует эффект лицемерия и коварства) переводы могут различаться целеустановками высказываний, оттенками значений структур, параметрами значений активно вводимых коммуникативных средств. Иногда русский и ирландский актеры применяют близкие по сути приемы, но на разных участках диалога.

Таким образом, проблема различий звучащих переводов может сводиться не только к резкому расхождению самих речевых стратегий, используемых дублирующими актерами (наиболее частый случай), но и к достаточно тонким и неявным отличиям при общей близости актерских установок, выявляемых более углубленным анализом и обеспечиваемых средствами коммуникативного уровня языка.

Особенности бытования научных текстов в сети Интернет

Куприенко Марина Сергеевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В настоящее время в России все больше внимания уделяется проблеме развития дистанционного образования, существование которого обеспечивалось бы в том числе и за счет интернет-ресурсов. Для осуществления такого масштабного проекта, безусловно, необходимо создавать порталы, на которых учащиеся смогли бы находить необходимую информацию. Но подготовка материала для дистанционного образования, удобного в использовании и дидактически значимого, – дело крайне трудоемкое. Вместе с тем на просторах сети к настоящему моменту уже имеется довольно много материалов по различным дисциплинам.

В этой связи были исследованы ресурсы, содержащие традиционно научные тексты (рассмотрены следующие жанры: монография, статья, док-

лад, курсовая работа, дипломная работа, диссертация, реферат, конспект, тезисы, аннотация, словарь, справочник, энциклопедия, учебник, лекция, очерк), и выявлены некоторые особенности их реализации в сети Интернет. Основное внимание было уделено проектам филологической тематики.

Известно, что «текст с экрана монитора мы читаем иначе, чем книжную страницу, значит, и писать его нужно по-другому» [Дорнер: 31]. Этот принцип успешно реализуется, в частности, в интернет-журналистике, блогах. Однако жанры, относящиеся к научному стилю, оказались значительно более «консервативными» как относительно их стилистики, так и в области структуры текста. Это обусловлено тем, что практически все тексты изначально существовали в бумажном варианте и являются лишь перенесенными в сеть, а не созданными для нее. Исключения имеются в следующих жанрах: статья, справочник, словарь, но общее число подобных текстов и здесь невелико. Тем не менее, новый научный стиль формируется в сети. Это происходит на стыке научных и разговорных жанров: в научных интернет-конференциях, блогах, форумах.

Гипертекстовая технология представления информации, бесспорно, оказала влияние на структуру научных текстов при перенесении их в Интернет, но масштаб этого влияния зависит от специфики жанра. Так, жанр лекции реализовался в сети не только в текстовых, но и в аудиоформатах (и даже в видеоформатах). В данном случае подобное представление достаточно органично, поскольку жанр изначально ориентирован на произнесение перед аудиторией. Правда остается открытым вопрос, почему же тогда еще один жанр, рассчитанный в том числе и на устное изложение, – доклад – не только не был реализован в аудиоформатах, но и вообще минимально представлен в сети. Можно предположить, что в своем письменном виде доклад был замещен в сети жанрами лекции и статьи, симбиозом которых по сути своей он и является. Популярными оказались сравнительно небольшие по объему жанры (статьи, аннотации, тезисы), поскольку они изначально не предполагают сложной системы навигации в виду отсутствия в них глав или каких-либо других значительных разделов. Эти жанры при переносе в сеть практически не изменились, поэтому для их реализации нередко используются форматы PDF или Djvu, дающие возможность полностью сохранить первоначальный книжный вид.

Крупные жанры (монография, учебник) весьма разнообразны в своем оформлении при перенесении в сеть: от линейного необработанного текста, сохранившего книжную систему навигации, включая ставшую избыточной нумерацию страниц, до качественно выполненной системы ориентирования, где гипертекстовые переходы связывают не только главы и подразделы, но также сноски и список использованной литературы. Последний вариант встречается достаточно редко и, к сожалению, не в текстах, относящихся к филологической дисциплине. Гораздо чаще встречаются варианты, сочетающие в себе технически оформленную (на уровне гипертекстового

членения) структуру, дублирующую композицию книжного аналога, и полное отсутствие внешних переходов.

Наиболее адаптируемыми для сетевого использования оказались словарь, справочник и энциклопедия. Данные жанры и в книжной своей реализации предполагают наличие отдельных компактных статей и удобной системы навигации в тексте, что успешно было реализовано при разработке как электронных вариантов бумажных словарей, справочников и энциклопедий, так и при создании исконно сетевых проектов в пределах указанных жанров (в частности, свободных энциклопедий). Во всех вариациях этих жанров наиболее полно (среди изученных) используются сетевые возможности оформления текстов: цветное и графическое оформление, удобная внешняя и внутренняя навигация, в том числе система поиска. Возможность адаптации именно этих жанров вполне обоснована, поскольку удобная система навигации является основополагающей для каждого из них. Ни один из этих жанров, в отличие от художественного произведения или научной монографии, не предполагает чтения «от корки до корки».

Параллельно в сети присутствуют жанры, практически не претерпевшие структурной и содержательной адаптации к сетевому использованию. В эту группу входят курсовая работа, дипломная работа, диссертация, реферат и конспект. Характерной особенностью жанров данной группы является то, что чем выше (по крайней мере, теоретически) степень научной значимости и объема текста, тем меньше вероятность его полнотекстового присутствия в сети. Так, жанр диссертации в Рунете практически не представлен (правда, существуют многочисленные сайты, предоставляющие тексты диссертаций за деньги, иногда даже без указания их авторов). Сравнительно немного в сети и дипломов. Наиболее распространенными (в количественном отношении) типами текстов научной тематики являются курсовые работы и рефераты, но их качество нередко бывает крайне невысоким. Все тексты, относящиеся к данной группе, обычно представлены в формате PDF или не характерном для сетевых научных жанров формате MS Word.

Подводя итог рассмотрению научных жанров, представленных в современном Рунете, следует отметить относительно невысокую степень их гипертекстуализации: внутритекстовые ссылки лишь дублируют традиционные связи между фрагментами и элементами текста, присутствующие в книжном издании, а внешние переходы в подавляющем большинстве случаев вообще отсутствуют. Вместе с тем гипертекстовая интерпретация учебных материалов дает целый ряд потенциальных преимуществ. Поэтому актуальной задачей является дидактическое освоение гипертекстовой модели, воплощение в ней в полном объеме таких категорий, как нелинейность, мультимедийность и интерактивность.

Литература

Дорнер Дж. Публикации в Интернете. М., 2004.

**Топонимикон Владимирской области
как отражение языковой картины мира**

Лукьянова Екатерина Александровна

Студентка Владимирского государственного педагогического университета, Владимир

Русский язык, как и любой другой естественный язык, отражает определенный способ восприятия мира. Исторически сложившуюся в обыденном сознании носителей языка и отраженную в языке систему представлений о мире принято называть языковой картиной мира (ЯКМ). Область манифестации ЯКМ, как известно, ярче всего представлена на лексическом уровне. Одним из показателей национальной языковой картины мира, как кажется, являются топонимы.

При всем единстве общерусской модели восприятия мира каждый регион имеет специфические символы и ценности, воплощенные в том числе и в топонимиконе – совокупности всех топонимов того или иного региона (в широком смысле) либо ограниченной территории: сельского совета, деревни и т. п. (в узком смысле). В качестве объекта исследования настоящего доклада выступают микротопонимы Владимирской области, понимаемые как «индивидуальные названия небольших природных и искусственно созданных объектов» [Микротопонимия: 38]. Особенность микротопонимов состоит в том, что, находясь только на пути к превращению в имя собственное, они тяготеют к именам нарицательным, поэтому в них ярче находит свое отражение совокупность представлений языкового коллектива о мире.

Актуальность настоящего исследования предопределена тем, что вопрос об отражении в топонимиконе того или иного региона русской языковой картины мира разработан еще недостаточно подробно. Кроме того, исследования по владимирской топонимике также немногочисленны. Теоретическая и практическая значимость состоит в том, что данная работа может внести некоторый вклад в теорию русской топонимики. Материал исследования может быть включен в создающийся в настоящее время «Историко-топонимический словарь Владимирской области», «Владимирский областной словарь», а также в «Лексический атлас русских народных говоров».

С сентября 2005 года началось проведение исследовательской работы по топонимии Владимирской области на примере топонимикона сельских поселений Алферово, Дворишнево, Заястребье, Овсяниково, Травинино Судогодского района. Цель работы состоит в выявлении специфики регионального топонимикона как фрагмента языковой картины мира. Источниками исследования послужили статистические данные переписи населения, географические карты, данные опроса жителей исследуемой территории.

Собранные примеры (всего более 200 наименований) были подвергнуты следующим классификациям: характеристика с точки зрения пред-

ставленности по объектам; лексико-семантическая классификация (по принципам номинации); характеристика с точки зрения источников номинации; словообразовательная характеристика; структурно-грамматическая классификация.

Основные результаты могут быть сведены к следующему.

Для исследуемого округа свойственен достаточно широкий объектный состав онимов: потамоним (имя любой реки): *Баклуша, Костинка* и др.; лимноним (имя любого озера, пруда): *Армянский пруд, Черное озеро*; дримоним (собственное имя любого лесного участка): *Зименки, Староверы*; названия полей: *Андрейкино, Поповка*; названия мест захоронения: *Борисиха, Никола*. Самыми распространенными группами по характеру именуемого объекта являются названия лугов (30 единиц) и названия любых лесных участков (26 наименований). Издавна на исследуемой территории в тесной взаимосвязи развивались два вида деятельности: земледельческая и скотоводческая, что нашло отражение в существовании ряда топонимов. Индивидуальные названия имеют не только отдельные лесные массивы или обширные луга, но и имеющие свои особенности и особое значение места в лесу или на лугу.

С точки зрения принципов номинации при анализе владимирских топонимов обнаруживаются три: по месту расположения объекта; выделение отличительных признаков объекта; отношение объекта к человеку. Наиболее распространенным является принцип выявления отличительных признаков объекта (110 наименований). Однако географическое название не часть называемого объекта. «В топонимике нет заблужденья опасней, чем распространенное представление, будто название «вытекает» из свойств самого объекта» [Никонов: 26]. Название не присуще объекту, а существует только в обществе и исторической закономерности. Отличительные признаки, положенные в основу номинации, так или иначе имеют отношение к деятельности человека в рамках земледельческой и скотоводческой культуры. Среди них могут быть отмечены: 1) размеры объекта: *Большое поле, Долгий луг*; 2) качественная характеристика объекта: *Добрый луг, Новая Сеча*; 3) форма объекта: *Клин* (название места в лесу), *Крест* (название дороги). Второй по распространенности принцип номинации – отношение к человеку. Значительная часть топонимов, выделяемых по этому принципу, появилась в то время, когда важнейшим становилось утверждение права на собственность. Одним из способов такого утверждения было присвоение объектам антропонимического названия (от имени/фамилии владельца). Таково происхождение названий всех колодцев в исследуемых сельских поселениях (*Перов колодец, Попов колодец* и др.), значительной части названий лугов (*Антонов луг, Хаменков надел*). 26 названий образовано по принципу места расположения именуемого объекта. Большинство названий прудов, мостов и дорог происходят от названий тех сельских поселений, в которых или рядом с которыми они располагаются (*Алферовский пруд, Жуковский мост, Кондрьявская дорога* и др.). Кроме

Кроме того, выделены топонимические единицы, обозначающие удаленность объектов от населенного пункта: *Дальний пруд*, *Ближние оселки*, *Дальние оселки* (слово «оселок» во владимирских говорах значит «пустошь, место, покинутое жителями; перелог, залежь» [Даль: 695]).

Среди источников номинации самым распространенным является онимизация, как семантическая, происходящая без формальных изменений структуры слова, например: *мельница* (название сооружения) → *Мельница* (название острова на реке), так и грамматическая, т. е. образование онима с помощью служебных морфем, сложения корневых морфем или синтаксических средств, например: *первое* → *Первенько болотце* ← *болото*.

Большинство микропонимов образованы лексико-синтаксическим способом – на базе нескольких лексических единиц: *Зименская речка*, *Чернышев Поруб* и др.

По структуре микропонимы разбиваются на две группы: однословные (*Бадаиха*, *Елочка* и др.) и составные, большинство составных названий представлены единицами типа «прилагательное + существительное», например: *Климажская сторожка*.

В заключение следует заметить, что топонимикон Владимирской области представляет собой интересный материал для иллюстрации как собственно языковых особенностей отдельного региона, так и для формирования целостного представления об отражении ЯКМ в русском топонимиконе.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.
Микропонимия / Под ред. В.А. Никонова. М., 1967.
Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965.

**О понятии металексемы в связи проблемой изучения
лингвистического метаязыка**

Майоров Георгий Владимирович

Аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Отличительной особенностью науки о языке является то, что и ее объект, и ее инструмент описания имеют тождественную природу: лингвистический метаязык «в значительной своей части строится на основе тех же единиц, что и язык-объект» [Языкознание: 297] и «всегда закреплен за данной национальной языковой системой» [Языкознание: 509]. Поскольку всякий естественный язык может рассматриваться как «универсальный метаязык» [Гринберг: 21], с помощью которого «можно сформулировать грамматические правила любой коммуникативной системы, включая коммуникативную систему этого языка и любого другого естественного языка» [Гринберг: 21], то можно утверждать, что лингвистическое описание осуществляется при помощи естественного языка, выступающего в метаязыковой, или металингвистической, функции [Языкознание: 564].

Лингвистический метаязык, таким образом, является частью естественного языка, на базе которого он сформировался, и совпадает с ним в плане выражения [Языкознание: 509]. Отличие метаязыка от языка-объекта заключается в его специфической сфере употребления, а также в наличии особого пласта лексики – лингвистической терминологии. При этом не все термины специально сконструированы для обозначения научных понятий; некоторые являются словами естественного языка, получившими в статусе термина особое значение.

В последнем случае термин в какой-то мере «наследует» те представления, которые закреплены за соответствующим ему словом обыденного языка и относятся к наивной картине мира. По этой причине лингвистическая терминология не является рационально организованной, семиотически безупречной системой. В частности, такие фундаментальные лингвистические термины, как «язык» или «слово», не имеют однозначных непротиворечивых определений, и, таким образом, не удовлетворяют строгим критериям научности.

Научное познание «развивается из донаучных форм познавательной активности благодаря эволюции... когнитивных способностей» Homo sapiens [Меркулов: 303], поэтому четкой границы между научным и обыденным типами познания не существует. Хотя наука предполагает объективность, рациональность и систематизированность полученных знаний, процесс научного познания «подчиняется универсальным закономерностям мышления» [Чернейко 2007: 418].

Человеческое мышление не является целиком рационально-логическим. Напротив, одним из его базовых свойств, как утверждает современная когнитивная наука, является метафоричность [Лакофф: 13]. Эмпирические исследования познавательной деятельности человека показывают, что «метафора является основой концептуализации и мышления на всех уровнях и стадиях развития мысли... Это утверждение справедливо не только для наивной картины мира, но и для самых сложных научных, математических и философских теорий» [Fernandez-Duque, Johnson: 86].

В научной деятельности метафоры играют ключевую роль: они в значительной степени определяют способ осмысления объекта изучения и направляют ход исследования. Такие метафоры, лежащие в основании научных понятий, уходят корнями в наивную картину мира – «реальные представления о мире и человеке, свойственные членам данного культурно-исторического сообщества на определенном этапе его развития» [Касевич: 77–78].

Метафоричность мышления, как обыденного, так и научного, отражается в языке. Она проявляется в лексической сочетаемости слов, их внутренней форме и этимологических связях. Этот феномен, впервые отмеченный И.А. Бодуэном де Куртенэ, получил название «языкового знания» [Бодуэн де Куртене: 79]. Слова, за которыми стоит не только понятийная информация, но и «языковое знание», называются концептами [Чернейко

2005: 65]. Как концепты моделируются не только слова обыденного языка, но и научные термины, поскольку они могут обозначать «идеализированные, абстрактные объекты, и способ рассуждения о них, аналогично обыденному мышлению и естественному языку, базируется на символизации, которая проявляется в имплицитной (через вторичные предикаты) и эксплицитной метафорах» [Чернейко 2007: 419].

Таким образом, научный метаязык не сводится к понятийному содержанию, но имеет и образную, метафорическую сторону, которая также требует изучения. В свете этого подход к словам метаязыка как к терминам, т. е. единицам сугубо рациональным, оказывается недостаточным, поскольку традиционное определение термина как слова, обозначающего научное понятие [Языкознание: 508], не предполагает рассмотрения внерациональных, сублогических компонентов, входящих в содержание метаязыковых единиц наравне с понятийной информацией. Целесообразным представляется ввести термин «металексема», образованный по аналогии с терминами «метаязык» и «метаречь», для обозначения лексических единиц метаязыка, рассматриваемых как концепты.

Понятие металексемы позволяет свести воедино логический и образный аспекты научного познания. Применительно к изучению метаязыка лингвистики это означает, что термины, плохо поддающиеся четкому определению, могут быть осмыслены на уровне, включающем их внерациональные представления, которые берут начало в обыденном познании. Например, слово может быть метафорически уподоблено живому существу, природному явлению, человеку, изделию и т. д. Как отмечает Л.О. Чернейко, «изучение метаязыковых метафор, скрывающих в своей глубине сублогические модели языка, взятого в его необозримой целостности, представляется чрезвычайно важным, поскольку позволяет обнаружить внерациональную основу, на которой строится наука о языке. Сублогические модели языка обнаруживают такое видение объекта исследования, то есть самого языка, которое во многом определяет направление и способ его анализа» [Чернейко 1997: 159]. *Литература*

Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. Т. 2. М., 1963.

Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика. М., 2004.

Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 2004.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.

Меркулов И.П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). Т. 2. М., 2006.

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.

Чернейко Л.О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 30. М., 2005.

Чернейко Л.О. Научный идиолект: метафизика и поэтика // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»: Труды и материалы. М., 2007.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 2000.

Diego Fernandez-Duque, Mark L. Johnson. Attention Metaphors: How Metaphors Guide the Cognitive Psychology of Attention // Cognitive Science. Vol. 23 (1), 1999.

**Аудитивный ономастический эксперимент как средство выявления
содержательной характеристики артионима**

Набиуллина Олеся Зайнуллаевна

Студентка Волгоградского государственного педагогического университета

им. А. С. Серафимовича, Волгоград

Проблематика, связанная с изучением периферийных разрядов имен собственных обратила на себя внимание исследователей лишь в конце XX в.. Существует значительное количество работ, связанных со структурно-семантическими особенностями заглавий художественных, научных, публицистических текстов, а также с соотношением заглавий с содержанием текста. Однако в лингвистической литературе практически отсутствуют работы, посвященные исследованию названий музыкальных произведений, составляющих одну из важных сторон культурной жизни общества. В этом заключается **актуальность** данного исследования.

В лингвистической литературе имеется большое количество лингвистических и психолингвистических исследований, опирающихся на ассоциативный эксперимент как средство выявления культурных концептов и картины мира в целом. **Новизна** настоящего исследования состоит в использовании ассоциативного эксперимента для выявления функциональных особенностей названий музыкальных произведений.

Музыка – это один из видов искусства, который не всегда доступен неподготовленной в музыкальном плане аудитории. Это, прежде всего, связано с тем, что при восприятии музыкального произведения задействован только слуховой анализатор. Более доступным в этом отношении является зрительный ряд, представленный произведениями изобразительного искусства. Отсюда возникает потребность в выяснении сути, природы и особенностей восприятия не только собственно музыкальных произведений, но и именующих их артионимов.

Мы в своем исследовании применяем ассоциативный эксперимент с целью выявления влияния заголовочного комплекса, включающего название, имя автора и в некоторых случаях эпитафия, на процесс восприятия музыкальных произведений.

Участниками эксперимента выступили студенты ВГПУ в количестве 30 человек. В выборе количества информантов мы опирались на выводы А.С. Штерн, которая доказала оптимальность групп в 20–30 человек для проведения подобного эксперимента [Штерн: 69–72].

Данное исследование, длившееся с ноября 2006 по октябрь 2007 г., состояло из двух этапов. Констатирующий эксперимент позволил выявить, что название музыкального произведения, основанное на конкретном содержании того или иного литературного произведения, или заимствующее

его название, ассоциируется в сознании реципиентов именно с произведением литературы. Анализ результатов также обнаружил отсутствие связи между именем композитора и его творением.

Таким образом, результаты констатирующего эксперимента создали предпосылки для разработки цикла занятий, направленных на знакомство с творчеством композитора П.И. Чайковского и отдельными его произведениями. Выбор данного композитора обусловлен его широкой известностью и наибольшей узнаваемостью написанных им произведений. Нами была сформулирована гипотеза о том, что систематическая работа по формированию знаний о музыкальном произведении и его творце позволит расширить ассоциативное поле испытуемых, предположить, что реакции испытуемых будут связаны с содержанием и названием музыкального текста, именем и творчеством композитора.

Результаты формирующего эксперимента показали связь ассоциаций слушателей с именем композитора, названием музыкального произведения («Ромео и Джульетта» – 13,4%, «Щелкунчик» – 20,4%, «Танец Феи Драже» – 11,4%, «Вальс цветов» – 7,3%), его непосредственным содержанием, формой и жанром («Марш» – марш солдатиков, марш деревянных солдатиков, начало, клоуны, шуты, толпа народа танцует; «Танец Феи Драже» – пробуждение, новогодняя ночь, тайна, волшебство; «Вальс цветов» – много цветов, танец маленьких и красивых цветов), а также произведениями художественной литературы («Вальс цветов» – Г. Х. Андерсен «Цветы маленькой Иды», «Ромео и Джульетта» – «Война и мир», В. Шекспир «Ромео и Джульетта», «Спящая царевна» – сказка Э.Т.А. Гофмана).

Проводимая работа была целенаправленной, и вполне закономерно, что реакции испытуемых типичны. Несмотря на это, они представлены синтаксическими конструкциями с более сложным компонентным составом:

- 1) Сложными словосочетаниями (танец вальсирующих цветов, красота зимнего мира, танец маленьких и красивых цветов, грустные события в жизни);
- 2) Простыми и сложными предложениями (Толпа народа танцует. На душе необъятная грусть и тоска. Кажется, будто маленькие феи и эльфы кружатся в прекрасном танце. Чистая, большая и светлая любовь не умрет никогда, она будет жить вечно.).

Результаты данного эксперимента подтвердили гипотезу, позволив нам сделать вывод о том, что имя композитора и название музыкального произведения играют очень важную роль при его восприятии, а также выявить связь музыкальных произведений и их названий с другими духовными объектами и их названиями. Это очень важно, поскольку работа, направленная на знакомство с музыкальным произведением, его названием и творцом, не только расширяет ассоциативное поле испытуемых, но и способствует формированию лингвокультурологической базы личности и ее всестороннему развитию в целом.

Литература

Штерн А.Ю. Восприятие текста // Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. С. 69–72.

Языковые трансформации в Интернет-коммуникации

Плетнёва Дарья Владимировна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Уже несколько лет в Интернете динамично развивается особая культура общения. Родилась она, как полагают, в веб-блогах или блогах (сетевых дневниках, где любой желающий может высказать свои мысли (написать «креатив») или прокомментировать записи другого пользователя). Соответственно неизбежно было формирование особой формы повествования для сетевых дневников, как малой прозы для альманахов. В результате начал свое развитие совершенно новый пласт жаргонов русского языка. Нарекли его там же (в блогах) – олбанский язык, жаргон падонков, превед-лексика и др. Наука определяет это явление совершенно конкретным термином – эрратив. Что он обозначает и по каким принципам происходит формирование олбанского языка?

Предмет исследования – блоги, ЖЖ (живой журнал), Интернет-форумы, сайты знакомств, ICQ (сентябрь 2007 – февраль 2008 гг.). Объект анализа – письменная речь в пределах рунета и, как один из пунктов исследования (на предмет внедрения эрративов в обиход), устная речь преимущественно молодежи.

Цель исследования – показать, что безграмотность является не сутью «жаргона падонков», а ее возможным следствием. Существует мнение, что некоторые выражения и слова олбанского языка постепенно станут нормами литературного русского. В своей работе я попытаюсь проверить данную гипотезу и суммировать известные факты об этимологии новых слов и выражений.

В работе использованы следующие методы: а) мониторинг общественного мнения, сощопрос, б) наблюдение, в) классифицирование языкового материала (фонетические, графические, лексико-семантические, стилистические трансформации).

При формировании олбанского языка широко используется метод эрративов. Само слово эрратив произошло от латинского глагола *errare* – ошибаться. Но термин предполагает ошибку нарочитую, то есть заведомое искажение слов и выражений человеком, знакомым с нормами литературного языка. Он использовался и ранее при заимствовании иностранных слов. Например: Шанз Элизе – от французского *Champs Elysees*. По сути дела, это та же языковая калька. Вышеупомянутые слова образованы по принципу «как слышица так и пишца».

Выделяют два основных типа эрративов: первичные и вторичные. Первичный эрратив искажает письменную форму слова. Такие изменения порой отражаются и на фонетике. Но главное, чтобы слово оставалось узнаваемым. Например: красавчик – *красафчек*, яблоко – *йяблоко* и пр. Вторичные эрративы представляют собой сложное искажение предполагаемого первичного,

они часто труднопроизносимы. Например: красавчик – *красафчек* – *кросавчег*. Таким образом, мы получаем целую словообразовательную цепочку, разнообразную семантически. В данном случае слова отличаются эмоционально-экспрессивной окраской и областью употребления.

Эрративы, которые не ведут к семантическому изменению, называют лексикографическими. То есть от начальной формы слова они отличаются только написанием, в таких случаях даже фонетические формы изменяются незначительно, либо не изменяются вовсе. Например, «адский» – «*ацкий*».

Другая функция эрратива – замена обценной лексики. То есть некое завуалирование ненормативных слов и сочетаний. Например, считается, что слово «*суко*» не так грубо экспрессивно, как его начальная форма «сука». *Суко* («*Суконах*») – может выражать весь спектр отношений, от негативно-го («*Опять тут эти суки ...*») до позитивно-восторженного («*Жжюи, суко!!!*»). Также используется в качестве междометия, усиливающего значение, например: «*албанский, суко, сложный*».

Важнейшая функция «падонконизмов», как и любого другого жаргона, – обособление определенной субкультуры, внешнее ее проявление. В данном случае олбанский язык зарождается и распространяется в пределах рунета (хотя в последнее время нередко встречается и в устной речи, преимущественно у молодежи). Человек, не знакомый с так называемым жаргоном падонков, скорее всего его не поймет, поэтому в сети уже существуют специальные словари олбанского языка. Один из них размещен на сайте nigma.ru, в нем дается наиболее полное и доступное толкование большинства олбанских слов, выражений и даже аббревиатур.

Рассмотрим некоторые: *ППКС* – аббревиатура «Подписываюсь под каждым словом», т. е. не могу ничего добавить или сказать лучше, чем уже сказано. *ИМХО* – своеобразная пародия на ИМНО («In My Humble Opinion» – «По моему скромному мнению»). Аббревиатура расшифровывается как «*Имею Мнение – Х*й Оспоришь*». *АЖ/КЗ* – аббревиатура «*аффтат жжот, креатифф зачотный*». *Убей себя апстену* («*Убейсяапстену*») – низкая оценка оппонента (автора) и предложение покончить с жизнью из-за очевидной бессмысленности и вреда окружающим от его существования. Существует множество модификаций типа «*Убей себя тапкам*», «*Убейсяапкерам-фухо*», «*Укуси себя гадюкай*», «*Убейсяабугол*», «*Убей себя с расбега апстену вымазаную йадом*». *Павлины гавариш!* – восприятие отказа собеседника на просьбу о помощи. Происхождение из к/ф «Белое солнце пустыни», где товарищ Сухов стыдит Верещагина, когда тот отказался одолжить Сухову пулемет. *Кагдилла?* – эрратив «как дела?». *Диточка, а ти не лопнесс?* – выражение неприязни к «ботаникам», трудоголикам, а так же фанатикам и экстремистам; вероятный источник – реклама сока «Добрый!». *Ще десь?* – уточнение присутствия собеседника («ты еще здесь?», возможно, источником является украинизм). *Бугага!* («*Бугога*», «*Бгг*», «*Ггггг*», «*Гыгыгы*», «*Ыы-га-га-га*», «*Ыыыыыы*», «*Ржунимагу!*», латиница «*Bwa-ha-ha*») – выражение животного, гоме-

рического смеха (от укр. «Бу-га-га!»). По другим версиям: 1) копирование смеха одного из героев кинофильма «Гусарская баллада»; 2) «Лелика» А. Папанова; 3) у М.А. Булгакова в произведении «Мольер»: «Бру-га-га!!!». *Лытдыбр* – дневник, дневниковый пост, («дневник» на английской раскладке). Негативный отзыв, намекающий на неинтересность поста. В блогах, однако, не несет негативного оттенка и ставится в начале записи для указания на то, что далее последует описание какого-либо эпизода из жизни автора.

Данные мониторинга общественного мнения рунета о внедрении «каргона падонков» в устную речь показали, что наиболее популярными в разговорной речи стали слова: *ацкый, ниасилил, пилотка (девушка), ржунимагу, зачот, зачотный*. Некоторые слова уже образуют свои словообразовательные цепочки: *фтыкать* – читать, смотреть, понимать, дурью маяться; *профтыкать* – прозевать; *фтыкатель* – читатель.

Влияние развития семантики имени существительного *патриот* на его прагматику в современном русском языке

Поспелова Екатерина Геннадьевна

Университет Российской академии образования, Москва

В языке как самоорганизующейся системе между его уровнями постоянно происходит взаимодействие, благодаря чему система не только развивается в соответствии с собственными внутренними законами, но и постоянно подвергается влиянию внешней среды – социума. На примере имени существительного *патриот* мы рассмотрим процессы межуровневых взаимодействий: влияния развития семантики слова на его прагматику в современном русском языке.

Имя существительное *патриот* (греч. *patriotes* – земляк, соотечественник), согласно «Этимологическому словарю русского языка» М.Р. Фасмера, впервые упоминается в XVI в. и обозначает, согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, ‘любителя отечества, ревнителя о благе его’; это значение – основное и в современном языке. За пять веков *патриот* приобретает еще одно значение, отображенное Т.Ф. Ефремовой в «Новом словаре русского языка» (2000): ‘тот, кто предан чему-л., горячо любит что-л.’. Оба значения имеют положительную коннотацию. Однако в современном русском языке укрепляются тенденции к приобретению существительным *патриот* нового значения, которое нередко имеет негативную коннотацию. Рассмотрим причины, вызвавшие это.

Путь развития семантики существительного *патриот* проследим, рассмотрев его употребление в диахроническом аспекте. Наша методика заключается в следующем: из текстового материала, взятого из Корпуса [Национальный корпус...] и блогосферы, мы вычленили случаи употребления существительного *патриот* и классифицировали их одновременно по трем параметрам: тип синтаксической связи (1 – согласование, 2 – приложение, 3 – управление), общее значение внутри сочетания («Оценка лица» и т. д.) и время

употребления (к. XVIII в. – н. XXI в.). В работе примеры даются в авторской орфографии и пунктуации. Результаты отражены в таблице.

В таблицу не вошли такие случаи современного употребления существительного *патриот*, как: *город-п.*; УАЗ-3163 «Патриот», ночной клуб «Патриот».

Итак, со временем происходит увеличение семантического объема и расширение синтаксических связей, что приводит не только к расширению возможностей слова сочетаться с другими языковыми единицами и дальнейшему приобретению им новых смыслов и значений, но и ослаблению основного значения 'любитель отечества'. Поэтому, чтобы выявить новое значение, необходим контекст.

	Оценка лица	Национальность / гражданство	Место	Конфессия	Другие случаи	
1	Истинный п.	—	—	—	—	к. XVIII в.
2	—	—	—	—	—	
3	—	—	—	—	—	
1	Истинный п. благородный п. квасной п.	русский п.	—	—	—	XIX – н. XX вв.
2	прогрессист-п.	—	—	—	—	
3	—	—	—	—	—	
1	великий п. честный п.	русский п. советский п.	—	—	—	н. XX – к. XX в.
2	Искатель-п.	—	—	—	—	
3	—	—	п. села	—	п. автмоби- лизма	
1	Истинный п. великий п. «рублевый п.» профессиональный п.	русский п. российский п.	москов- ский п.	право- славный п.	—	к. XX – н. XXI в.
2	милитарист-п бизнесмен-п автор-п.	национал-п.	—	—	п.- автомоби- лист	
3	—	—	п. России п. страны	—	п. детства п. фонтанов п. вина	

Анализируя употребление существительного патриот в блогосфере, мы нашли следующие примеры: **Патриоты!** и здесь я говорю это слово без издевки и искренним уважением, ведь эти люди защищали свою страну; я не такой **патриот** этих фонтанов; Ранец был примечателен тем, что на нем была символика НАТО. меня даже мучила паранойя. Встречусь ли я с такими **патриотами**, которые воспримут мой ранец как измену Родине? Успешно избегая разных митингов, я сумел выжить в период ношения этого троянского пони.

Чтобы вычлениить новые смыслы, мы обратились к английскому языку. В нем русское *патриот* переводится тремя существительными, четко различающими смысловые оттенки. Случаи употребления существительного *пат-*

риот сопоставили с аналогичными употреблениями в английском языке и выявили в нем следующие значения:

Патриот	русский патриот	American Patriot	patriot
Сторонник	патриот той корпорации, которая нам платит	supporter of the Center for Security Policy	supporter
Фанат	патриот российской команды; милитарист-патриот	Football booster ; booster of militarism	Booster

Итак, существительное *патриот* в сочетании со словом, относящимся к военной тематике, приобретает значение ‘фанат, ярый сторонник деструктивных действий’ и негативную коннотацию.

Появление новых молодежных движений привело к необходимости наименования их представителей. Путем словосложения были образованы наименования лиц – *национал-п.и милитарист-п.*; процесс словосложения привел к конкретизации значения этих слов: ‘представитель движения’. Фоновые знания, почерпнутые из истории, а также пресуппозиции коммуникантов, наделяющих эти наименования личными смыслами, влияют на их прагматику. В разговорной речи часто происходит усечение наименований до определяемого компонента *патриот*, который затем употребляется в текстах: *Не, я понимаю любовь к Родине, но орать «Я патриот! Дайте мне только америкоса!»*. Как видно из примера, в данном случае существительное *патриот* употребляется в значении ‘фанат’ и приобретает негативную коннотацию.

Появление в имени существительном *патриот* нового значения с устойчивой негативной коннотацией приводит к еще большему ослаблению основного значения ‘любителю отечества’. В качестве альтернативы данному процессу служит частотность ассоциативных связей, актуализирующих определенные значения или смыслы в семантическом объеме существительного *патриот*. Однако появление и функционирование этих связей зависит уже от экстралингвистических факторов.

Словообразовательный тип «С+-ИН(а)» как единство потенциального и реализованного

Проскура Анастасия Викторовна

Аспирантка Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия

Пристальное внимание современных русистов начинает привлекать изучение инвентаря, организации, функционирования словообразовательной системы в типолого-семантическом и когнитивном аспектах на материале диалектного языка. Типологическое описание диалектного словообразования – новый и достаточно перспективный путь исследования, позволяющий наиболее полно охарактеризовать словообразовательную систему в синхронии как динамически развивающуюся языковую систему, в которой выделяются обязательные и необязательные элементы. Именно выявление диалектных различий, или подвижных вариативных звеньев, в словообразовании дает возмож-

ность представить его единицы (простые, комплексные) сквозь призму соотношения и взаимодействия реализованного и потенциального.

Попытка обнаружить превращение возможного в действительное приводит к необходимости использования понятия языковой потенции, реализацией которой по сути и оказывается актуализация словообразовательного потенциала, характеризующего «становление и развитие способности (словообразовательной) системы через диалектическую взаимосвязь возможности и действительности» [Каде: 12]. Актуализация словообразовательного потенциала, представляющего своеобразное средство «развертывания» системной информации, осуществляется в границах словообразовательного типа (далее – СТ), рассматриваемого нами в контексте функционирования в диалектных зонах русского языка. Каждая из них накладывает ограничения на формирование его смысловой многомерности, задает основные направления процессов смыслообразования, определяющих специфику его семантического рисунка.

Используя методику сопоставительного описания словообразования русских говоров, разработанную Л.А. Араевой [Араева] (первоначально представленную Р.И. Аванесовым при сопоставительной характеристике фонетики русских говоров [Аванесов], впоследствии опробованную на материале диалектной морфологии С.В. Бромлей и Л.Н. Булатовой [Бромлей, Булатова]), и методику когнитивного анализа словообразовательного яруса языка, мы на материале СТ «С+-ИН(а)» пытаемся выявить закономерности, логику реализации или нереализации системных потенциалов его инвариантной структуры при ее свертывании в конкретных диалектных зонах. В качестве основания для сопоставления на уровне изучаемого СТ в аспекте его функционирования в русских народных говорах нами выбран план содержания, представленный сетью взаимосвязанных словообразовательно-позициональных значений (СПЗ) и лексико-словообразовательных значений (ЛСЗ), в совокупности демонстрирующих разные этапы познавательной деятельности диалектоносителей.

Проведенный анализ показывает, что СТ «С+-ИН(а)» целесообразно рассматривать как систему, динамически развивающуюся за счет актуализации заложенного в ней словообразовательного потенциала посредством функционирования в русских народных говорах. На уровне метаязыковой структуры СТ являет собой потенциальную модель, элементы которой с определенной степенью полноты реализуются / не реализуются в той или иной диалектной зоне.

В актуальном плане при реализации системного потенциала исследуемого СТ в разных диалектных зонах посредством мотиваторов (мотивирующего пространства), дериватов, ЛСЗ и СПЗ наблюдается достаточно специфичная для каждой диалектной зоны картина. Функционирование СТ в том или ином диалектном пространстве осуществляется за счет регулирования процесса

смыслогенеза, выбора направлений его протекания из общего потенциального запаса возможностей, заложенных в системе.

Полученные данные об актуализации аспектов семантики мотивирующих единиц ядерной тематической группы «представители животного мира: звери, птицы (домашние/дикие), насекомые» потенциальной модели в смысловой структуре дериватов позволяют говорить о разном смысловом объеме описываемого типа в диалектных зонах. Показателем степени осмысленности животных в качестве участников ситуаций является количество функционирующих дериватов, семантическая специализация которых заключается в ограничении ракурсов видения животных путем отнесения их в определенные системы отношений с иными компонентами ситуаций: в севернорусских говорах дериваты составляют 25,7% от общего числа дериватов в пределах типа-макромодели; в южнорусских говорах – 14,5%; в среднерусских – 9,5%; в уральских говорах – 18,2%; в среднеобских говорах – 9,1%; в западносибирских говорах – 14,1%; в восточносибирских говорах – 16,2%.

Смысловые сферы СТ («мясо, шкура, шерсть животных», «изгородь для животных» и др.) оформляются через сеть взаимосвязанных СПЗ, реализация которых в диалектных зонах подчиняется логике поэтапного развертывания культурно значимых событий. Среди СПЗ на основе их реализации/нереализации можно выделить несколько групп: 1) СПЗ, представленные во всех диалектных зонах (ядерные, типовые): «артефакт – результат по средству изготовления»; 2) СПЗ, реализованные не во всех диалектных зонах («артефакт – средство по объекту назначения», «артефакт – результат по способу воздействия объекта», «артефакт – место по функционально значимому объекту»; «натурфакт – место по объекту», «натурфакт – результат деятельности объекта» и др.); 3) СПЗ, реализованные только в одной диалектной зоне (индивидуальные): «натурфакт – часть целого».

Вышесказанное убеждает нас в том, что СТ, функционирующий в определенной диалектной зоне, стремится приобрести собственный смысловой профиль за счет актуализации системного потенциала, своеобразно его реализуя.

Литература

- Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.
Араева Л.А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Кемерово, 1994.
Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
Каде Т.Х. Словообразовательный потенциал суффиксальных типов русских существительных: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Майкоп, 1993.

**Приемы актуализации семантических компонентов в тексте
(на примере номенклатурных названий)**

Садохова Марина Владимировна

Аспирантка Мурманского государственного педагогического университета, Мурманск

Современные подходы к изучению языка свидетельствуют о том, что внимание исследователей переключилось с системно-структурной организации языка на изучение проблем его функционирования. Это позволило расширить границы многих исследований. Современные концепции лексической семантики исходят из того, что значение включает в себя весь комплекс знаний об обозначаемом, в том числе потенциальные и ассоциативные признаки.

Объектом нашего исследования являются *номенклатурные названия*, которые в сочетании с термином составляют полное наименование товаров народного потребления, бытовой техники, парфюмерно-косметической продукции, лекарственных препаратов, продуктов питания, одежды, обуви, транспорта и т. д., например: автомобиль «Москвич», печенье «Ореховое лукошко», велосипед «Орленок», пиво «Балтика», колбаса «Останкинская», конфеты «Ласточка». В некоторых случаях в состав полного официального наименования может входить два номенклатурных знака – производственная и потребительская номенклатура, например: ВАЗ-2101 «Жигули».

Как известно, при раскрытии значения номенклатурных названий невозможно построить определение через ближайший род и видовое отличие. Для таких понятий строится не дефиниция, а описание, т. е. указание класса предметов и перечисление ряда признаков, например: *ЖИГУЛЬ. Легковой автомобиль волжского автозавода* [БТС: 305]. Словарные статьи в энциклопедических словарях отличаются подробным описанием технических данных автомобиля и наличием изображения предмета.

Наблюдение значительного количества контекстов употребления номенклатурных названий показывает, что число семантических компонентов, участвующих в актуализации в тексте, намного превосходит число компонентов, выделенных и зафиксированных в словарной дефиниции толкового словаря. Контекстуальный анализ языкового материала позволяет вычленивать признаки, отражающие представления о реалии и раскрывающие ее ценность как знака культуры. При этом используется не только описание, но и другие приемы актуализации – характеристика, сравнение и различение.

1. *Описание* – перечисление ряда признаков предмета (существенных и несущественных), которые более или менее полно раскрывают значение. Как правило, описание представлено в виде согласованных и несогласованных определений и содержит следующие признаки: цвет, форма, размеры, материал изготовления, вес, сфера применения и др. Например: *Дяди из парфюмерной промышленности тоже попусту не ломали себе голову, знай себе выпускали «Красную Москву» с неистребимо сильным*

запахом для женщин и не менее ядреный одеколон «Шипр» для мужчин [Черная: 114]; *На родительское собрание он приезжал на милицейском «уазике» с зарешеченными окнами, словно по экстренному вызову – хватать злоумышленника* [Ермаков: 13]; *От кованых сноповездных ворот к входу надо было идти мимо выстроившихся в ряд глянцево-черных «волг», возивших ораву замов, завов и членов редколлегии* [Поляков: 74].

2. Характеристика – указание признаков, раскрывающих отношение к предмету, дающих оценку (положительную или отрицательную). Например: Таня подошла к окну, взяла из раскрытой пачки, лежащей рядом с розами, «беломорину», достала из сумочки флакончик «Эола» – польского освежителя для рта – и прыснула в мундштук папиросы. Так она поступала всякий раз, когда под рукой не было приличных сигарет [Вересов 2002: 261]; Но в последнее время Борю потянуло на респектабельность – жену новую привел, «Волгу» черную купил [Костырко: 156].

3. Сравнение – уподобление одного предмета другому по какому-либо признаку. В результате сравнения устанавливаются общие свойства, присущие предметам, при этом часто используются сравнительные обороты. Например: *Маэстро Думитреску был ко всему безучастен, терпелив, как мул, безотказен, как часы «Павел Буре»...* [Вересов 2003: 26]. Признак может не называться, однако сравнение помогает выявить его: *Сначала мне показалось, что я вижу гигантскую табуретку, выкрашенную сумасшедшим хозяином в клетку, темно-вишневые участки кузова чередовались с оранжевыми, но потом я сообразила: это же «Ока», продукт отечественного автомобилестроения. Так называемый народный автомобиль* [Донцова: 24]. В результате сравнения актуализируются такие признаки автомобиля, как «непривлекательный», «неудобный», «вызывающий отрицательные эмоции».

4. Различение – установление различия между предметами по какому-либо признаку. Например: Городской рыбак в первое же лето привез семью: жену да мальчонку. Был он каким-то начальником, при шофере и казенных автомобилях: то белая «Волга» его привозила, то вездеход «УАЗ», судя по погоде [Екимов: 85]. В данном случае актуализируется общий признак «служебный автомобиль», однако с точки зрения способности преодолевать препятствия автомобили различаются. В предложении это выражается разделительным союзом то... то и указанием условия, которое определяет выбор автомобиля (судя по погоде). «УАЗ» использовался, когда дороги размывало или заносило снегом в зависимости от времени года.

Следует отметить, что перечисленные приемы актуализации признаков реалии могут использоваться в тексте одновременно, тесно переплетаясь друг с другом. Например: *Но вот кончается асфальт, а вместе с ним и разговоры, ибо предельная физическая и нервная собранность требуется не только от водителя, но и от пассажиров – так швыряют нас из угла в угол эти огромные разбитые тракторами колеи, пласты размокией глины, из которых, кажется, никакая машина не выберется, трактор не вывезет, а наши «уазик»*

вывозит – ревет, буксует, бьется, но вывозит... Спасибо создателям «УАЗа» – экую безотказную машину построили [Румер-Зараев: 140]. Актуализируются признаки «трясая езда», «средство передвижения между населенными пунктами, в сельской местности, по бездорожью». При помощи противительного союза *а* выражается противопоставление «УАЗа» другим видам транспорта по признаку «высокая проходимость». Кроме того, такие признаки, как «надежный» и «вызывающий восхищение и чувство благодарности», свидетельствуют о положительной оценке автомобиля.

Литература

[БТС] – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2004.

Вересов Д. Черный ворон. М., 2002.

Вересов Д. Избранник Ворона. М., 2003.

Донцова Д.А. Муха в самолете: Роман. М., 2005.

Екимов Б. На хуторе // Новый мир. 2002. № 5. С. 55–92.

Ермаков О. Холст // Новый мир. 2005. № 3. С. 7–72.

Костырко С. Ореховские / Спальный район // Урал. 2005. № 11. С. 144–158.

Поляков Ю. Грибной царь // Наш современник. 2005. № 9. С. 48–153.

Румер-Зараев М. Anno domini – лето господне // Дружба народов. 2006. № 1. С. 136–168.

Черная Л. Моя бондиада // Звезда. 2005. № 3. С. 112–131.

Речевой жанр благодарности в научной коммуникации

Самойлова Ирина Валерьевна

Аспирантка Пермского государственного университета, Пермь

Научная коммуникация, как любое другое взаимодействие людей, предполагает владение этикетными речевыми жанрами. Предметом нашего исследования стали тексты статей и монографий в аспекте использования одного из таких жанров – благодарности.

Благодарность находится на периферии области, представленной речевыми жанрами, использованными в текстах научного стиля. Во-первых, частотность его использования по сравнению с другими жанрами достаточно невелика. Во-вторых, сам факт его присутствия в тексте не является стилистически значимым.

Данный жанр входит в группу этикетных жанров и, на первый взгляд, не заслуживает внимания при анализе научных текстов, поскольку не фиксирует эпистемической информации. Это подтверждается словами специалистов в области исследования этикетных жанров: «При восприятии ритуальных высказываний, несущих этикетные смыслы, интерпретативная деятельность ослаблена, поскольку в таких жанрах почти не бывает важной информации» [Горелов: 97]. Отчасти это происходит потому, что этикетные жанры обладают явно выраженной шаблонной структурой, которая знакома каждому носителю языка.

Известно, что при использовании системы этикета в коммуникации наличие знака находится в жесткой оппозиции к его отсутствию, а отсутствие знака является значимым и понимается однозначно. Однако письменный научный текст не предполагает обязательного использования

научный текст не предполагает обязательного использования этикетных жанров, и, следовательно, этой жесткой оппозиции в данном случае не существует. Можно говорить об их факультативности и употреблении в зависимости от коммуникативного намерения автора. Сам факт присутствия благодарности в тексте является незаурядным, и, вероятно, позволит сделать некоторые выводы о речевой индивидуальности ученого.

Особого внимания заслуживает описание оснований для благодарности. Сфера общения в данном случае имеет немаловажное значение. Благодарность в рамках научного стиля – это реакция на действие, напрямую или опосредованно связанное с процессом получения и фиксации знания. Действие производится определенными лицами, фамилии которых названы в тексте. Поэтому можно говорить об адресном характере благодарности. Адресат может быть упомянут только в связи со следованием этикету, но возможна и иная ситуация, когда это кажется необходимым автору текста.

Для этого жанра характерно закрепление за определенными участками в композиции текста. Обычно благодарность помещается во вступлении, содержащем дополнительную информацию и предшествующем основному повествованию, или в заключительной части работы. Такое расположение подтверждает дополнительный характер этого речевого жанра. В то же время сам факт его использования может быть интерпретирован при описании языковой личности ученого. Благодарность вносит фатический, эмотивный компонент в научное повествование (обратим внимание на то, что это чувство признательности, словесно выраженное). В зависимости от используемых средств эмоциональность можно назвать имплицитной (в этом случае благодарность представлена достаточно формально и лаконично) и эксплицитной (отмечается индивидуальный подход к жанру, достаточно развернутому, может присутствовать обоснование для благодарности). Несмотря на изначальную направленность на проявление определенного чувства, благодарность приобретает те особенности, которые накладывает научный стиль: она должна строиться в соответствии с научным этикетом.

Данный речевой жанр используется чаще всего в рамках монографий и гораздо реже в статьях. Если попытаться определить характер таких статей, то следует заметить, что они эксплицируют итоги, содержат обобщения, результаты исследования (их сам автор воспринимает как важные, особо значимые, вследствие чего подчеркивает факт влияния на их появление других людей).

По замечанию исследователей речевых жанров, благодарность используется при стремлении к эмоциональному контакту с адресатом, хотя в научном стиле этот жанр приобретает несколько формальный характер. В качестве адресата чаще всего выступают коллеги, оказавшие помощь в процессе порождения и фиксации нового знания: «Автор благодарен Я.Б. Зельдовичу, Л.М. Озерному... за ряд ценных замечаний, сделанных ими при чтении рукописи, и М.Л. Лидову за информацию и обсуждение проблемы учета возмущений при спутничных измерениях» [Гинзбург 1967: 117]; «В заключении

пользуюсь возможностью поблагодарить всех, с кем советовался по тем или иным затронутым вопросам и кто сообщал критические замечания о рукописи (не называю имен, чтобы не возложить на других, хотя бы и косвенно, ответственность за недостатки статьи)» [Гинзбург 1999: 439].

Данные примеры достаточно легко идентифицировать как малый речевой жанр благодарности, поскольку эксплицирован ключевой глагол, свидетельствующий о целеустановке автора, – *благодарить* (*поблагодарить*). При этом, как обычно, называются те действия, которые выступили поводом для признательности (замечания, обмен информацией, советы, сообщение критических замечаний). В то же время наблюдаются разные варианты номинации объектов благодарности. В первом случае она персональная, (названы имена и фамилии), во втором – обобщенная (используются местоимения: определительное *все* и относительное *кто*, не вносящие конкретности). При этом если первый вариант является достаточно типичным примером этикетного жанра, то во втором содержится оригинальный авторский подход к мотивировке своих действий. Благодаря этому высказывание становится не просто формальным проявлением вежливости, а подлинным актом заботы и внимания по отношению к оказавшим помощь ученому. Таким образом, исследователь усложняет структуру данного жанра, вводя объяснение в виде достаточно распространенной вставной конструкции. В этом случае перед нами достаточно яркое проявление стремления к индивидуализации: автор не просто отступает от существующих образцов, а демонстрирует владение жанрами, но в достаточно своеобразной форме – с необходимыми трансформациями.

Литература

- Гинзбург В.Л. Какие проблемы физики и астрофизики представляются сейчас особенно важными и интересными? // Успехи физических наук. 1999. Т. 169. № 4. С. 16–180, 439.
- Гинзбург В.Л. Космические исследования и теория относительности // Эйнштейновский сборник. М., 1967. С. 80–121.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 2004.

**Употребление и значение русских существительных,
обозначающих пол и возраст, в XIX и XX вв.**

Скибина Варвара Николаевна

Студентка Государственного университета – Высшей школы экономики, Москва

Задача данного исследования – проследить историю употребления русских слов, обозначающих пол и возраст (например, *женщина*, *девушка*, *мужчина*, *юноша* и т. д.), учитывая их контекстуальное значение и выявляя закономерности их употребления в данный временной период.

Анализируются тексты XIX–XX вв. разных стилей и жанров, ведется учет частоты употребления этих существительных в определенных значениях:

Пола и возраста, референтное (*В селении том жила красная девушка, Акулина Тимофеевна*. [Сомов О.М., «Оборотень» (1829)]),

Пола и возраста, генерическое (*Одно не хорошо: за девушками слишком любит гоняться*. [Пушкин А.С., «Барышня-крестьянка» (1830)]),

Социального статуса (*Знаешь, как я жила в девушках?* [Островский А.Н., «Гроза» (1860)]),

Рода занятий (*Уж не Настенька ли, моя знакомая, не девушка ли барышни вашей?* [Пушкин А.С., «Барышня-крестьянка» (1830)]).

Подбор материалов и их статистический анализ производится с помощью Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). В заданных подкорпусах ведется поиск соответствующих лексем по периодам, равным примерно тридцати годам, начиная с 1800 года и заканчивая нашим временем. Параллельно ведется наблюдение за характерными для этих слов определениями и другими значимыми контекстами. Выявляются особенности употребления лексем в каждый временной период, фиксируются изменения в значении слов.

На основе исследования получено несколько выводов. Так, например, в XX в. частота употребления этих слов с референтным контекстуальным значением снизилась по сравнению с XIX в. Соотношение генерических и конкретно-референтных употреблений анализируемых слов к концу XX в. изменилось в пользу генерических. Сравните:

Середина XIX в., конкретно-референтное употребление:

Молодая девушка, та самая, которую я мельком видел в саду, вошла в комнату. [Тургенев И.С. «Мой сосед Радилов» (1847)]

Конец XX в., генерическое употребление:

Женщина может и не доносить, а жандарм не доносить не может. [Юрий Давыдов. «Синие тюльпаны» (1988–1989)]

В литературе XX в. также замечены новые способы употребления данных существительных. Сравните:

Первая половина XIX в., «девушка» – крепостная крестьянка, служанка:

Он помог барышне и ее девушке усесться и уложить узлы и шкатулку, взял вожжи, и лошади полетели. [Пушкин А.С. «Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Метель» (1830)]

Первая половина XIX в., «девушка» – незамужняя, «свободная»:

Между тем он дал препоручение своей племяннице-девушке, чтоб она у меня спросила, с удовольствием ли я бы пошла за него и не противен ли он мне. [Лабзина А.Е. «Воспоминания» (1810)]

Вторая половина XX в. Значение противоположно рассмотренному выше. «Девушка» – та, у которой есть «молодой человек».

И моя девушка меня бросила – ушла и живет теперь с милиционером. [Олег Глазов. «Заговорщик» (2000)]

Для некоторых слов прослеживается изменение эмоциональной окраски, как, например, в случае со словом *девка*. Сравните:

Первая половина XIX в., «девка» – крепостная крестьянка:

Но Алексей, прождав ее напрасно, мог идти отыскивать в селе дочь Василия кузнеца, настоящую Акулину, толстую, рябую девку, и таким образом догадаться об ее легкомысленной проказе. [Пушкин А.С. «Барышня-крестьянка» (1830)]

Конец XX в. – начало XXI в. «Девка» – человек женского пола (девушка, женщина), вызывающий недовольство, раздражение говорящего:

Светка дрянь, девка грязная, большого мнения что-то о себе стала, обойдемся без ее сахара, пусть помучается... [Олег Павлов. «Карагандинские девятины, или Повесть последних дней» // «Октябрь». 2001. № 8].

Таким образом, в данном исследовании уделяется внимание многим аспектам употребления существительных, обозначающих пол и возраст. Помимо основного значения (пол и возраст), в каждую эпоху эти слова имеют ряд других употреблений, которые являются отражениями эпох, исторических периодов, народных настроений.

Языковые особенности литературных игр в Рунете (на примере игры «Танкетки»)

Смольякова Мария Александровна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Интернет, оказывая огромное влияние на жизнь общества и отражая все стороны современной действительности, порождает новые формы бытования письменного текста, в том числе и художественные. Такой новой формой является литературная игра.

По сути, литературная игра в Интернете – это языковая игра, перенесенная в новые условия существования и отличающаяся некоторыми характерными особенностями.

Возможно, для литературных игр современный литературный Интернет является идеальной средой бытования. Специфика Интернета заключается в том, что взаимоотношения автора и его читателя становятся более близкими, в результате чего появляются новые формы коллективного творчества. Литературные игры – яркий пример такого инновационного жанра. Здесь полностью нивелируются компетенции «писателя» и «читателя».

При обсуждении данного явления следует учитывать особый статус художественного текста в Рунете. Активная и многообразная литературная жизнь Рунета возрождает практически утраченные сегодня формы письменного общения, свойственные художественному дискурсу предыдущих эпох. Здесь творческим литературным проблемам уделяется много внимания: их обсуждают на сайтах сетевых конкурсов, на форумах и в гостевых книгах литературных сайтов. А для такой формы творческого общения, каковой являются литературные игры, Интернет, видимо, является единственно возможной коммуникационной сферой.

Большой интерес для анализа представляет литературная игра «Танкетки» (<http://www.litera.ru/slova/26/>), которая основана на классическом японском жанре

танка (отсюда и «обрусевшее» название). Танка означает по-японски «короткая песня» и состоит (в классическом виде) из 5+7+5+7+7 слогов. Принцип написания танкеток – сочетание «медитации» и «ритуала» (по-другому, формы и содержания), как и в классической танка. Путем подбора и эксперимента создатель данной интернет-забавы А. Верницкий выбрал оптимальное, с его точки зрения, количество слогов и строк: шесть слогов и две строки. Слоги могут располагаться по строкам следующим образом: либо три в каждой строке, либо два в первой строке и четыре во второй. Больше 5 слов в танкетке быть не должно. Между строками обязательно должна присутствовать смысловая связь, которая также подчинена определенным правилам.

Несмотря на свой объем, этот сверхкраткий поэтический жанр может быть достаточно выразителен за счет специфики своих языковых средств. Поскольку танкетка состоит из двух строк, то основной прием, используемый авторами, – семантико-эмотивная антитеза этих строк. Первая строка выражает некоторый образ, а при прочтении второй строки возникает другой образ, который не вполне совпадает или совсем не совпадает с образом, «заявленным» в первой строке. Например:

Старость
в Эстонии

Образ, присутствующий в первой строке, изменяется при прочтении второй строки; использован прием звукописи: трижды повторено звуко сочетание «ст», усиливающее ощущение тихого угасания.

В танкетках последовательно используется прием лексико-семантического парадокса. Он заключен в совместимости несовместимого, т. е. в игровом нарушении семантической сочетаемости различных значений лексем. Например:

Обними
Теплый Стан

Здесь главным средством художественной выразительности становится каламбур – в танкетке обыгрывается омонимия словосочетания *теплый стан* (1. часть тела; 2. район Москвы). Написание словосочетания с прописных букв указывает, казалось бы, на топоним, но семантическая неожиданность пропозиционального смысла такого высказывания (естественно, что в прямом значении *обнять Теплый Стан* невозможно) как бы подталкивает к другому прочтению, и тогда это написание создает иронический, пародийно возвышенный образ.

Еще одна стилистическая особенность танкеток – использование возможностей графического представления текста, например:

я река
и теку

Здесь зрительная форма второй строки (количество букв и расположение) полностью повторяет форму первой строки, однако у них разное лексическое наполнение. Не только содержание, но и визуальный образ танкетки выражает зна-

менитую мысль о невозможности дважды войти в одну и ту же реку (несмотря на то, что «форма» реки неизменна, ее «содержание», т. е. вода, уже другое).

Образ реки, потока, метафорически соотносимый с ходом времени и течением жизни, может воспроизводиться и в других танкетках. В приведенной ниже танкетке во второй строке каждый слог отделен пробелом, что создает некую иллюзию движения воды. Для усиления этого эффекта автор располагает начало второй строки с отступом, что также воспроизводит ощущение движения.

сносит

те че ни ем

При написании танкеток в качестве средств создания образа могут использоваться и другие приемы, такие как анаграммы, эвфония, омофония и паронимия, переосмысление формальных и семантических границ слова.

Специфичен и состав лексем, входящих в танкетки: в них преобладают имена существительные и личные формы глаголов. Важную роль в создании образов играют имена собственные, так как именно они могут заключать в себе существенный коннотативный компонент значения, что позволяет реализовать в минимальном контексте семантическую емкость. Авторы при создании образов играют с многозначностью слова, и это дает возможность смысловых интерпретаций. Практически полное отсутствие эпитетов создает специфические модели метафорических переносов. При этом знаки препинания в таком микро-тексте становятся избыточными.

Игра «Танкетки» чрезвычайно популярна в Рунете. Несмотря на свой сверхкороткий объем (а может быть, и благодаря ему), тексты, созданные по законам данного жанра, являются отражением существенных сторон сетевой текстуальности – многозначность, провоцируемая предельным лаконизмом, ироничность и самоироничность, игровое отношение к слову, включение в процесс смыслопорождения богатого арсенала метаграммных и параграммных средств.

**Ассоциативный эксперимент
как метод выявления эффективности эргонима в городской среде**

Трапезникова Анна Алексеевна

Аспирантка Института филологии и языковой коммуникации

Сибирского федерального университета, Красноярск

Эргонимия – совокупность собственных имен деловых объединений людей, в том числе предприятий и т. д. – формирует неповторимый языковой облик города. Главным условием эффективного функционирования эргонима в городской среде является тождество замысла номинатора и восприятия онима носителем языка, определение наличия которого предполагает обращение к показателям ономастического сознания адресата: рефлексивам, оценочным реакциям горожан на наименования и ассоциативным полям, которые являются продуктом цепочечного ассоциативного эксперимента (см. об этом [Трапезникова]). Структура поля выстраивается путем естественной семантической классифика-

ции входящих в поле ассоциатов и составляется из нескольких (как правило, 7+2) семантических зон. Например, ассоциативное поле названия туристической фирмы «Руссо туристо» представлено следующими семантическими зонами: «русский турист», «итальянцы», «кинокомедия», «путешествия» и др.

С целью определения эффективности наименования нами была разработана процедура оценки эргонима через сопоставление общего числа семантических зон ассоциативного поля, образуемых частотными реакциями, и количества одиночных ассоциаций, а также через анализ рефлексивов и отказов от предоставления реакции на слово-стимул. Для апробации обозначенной методики нами был проведен эксперимент, в ходе которого опрошено более двух тысяч респондентов в возрасте от 14 до 60 лет обеих гендерных групп, в качестве слов-стимулов использовались более 200 эргонимов, на которые получено около 17 тыс. ассоциативных реакций.

Семантические зоны ассоциативного поля свидетельствует о том, к какой области деятельности в ономастическом сознании респондента тяготеет эргоним, соотносятся ли реакции с действительным профилем фирмы, для какого другого предприятия это название было бы более удачным. Например, состав ассоциативного поля наименования салона красоты «Бигуди» состоит из следующих семантических зон: «*кудри, локоны, прическа*» – 38% от общего количества ассоциаций, «*мама, женщина, теща, бабушка, жена, девушка*» – 26%, «*парикмахерская, салон красоты*» – 22%, «*приспособление для завивки волос*» – 16%, «*волосы*» – 10%, «*музыкальная группа*» – 8%, «*красота*» – 4%, «*праздник*» – 4%, что позволяет нам сделать вывод о соответствии названия профилю фирмы.

В отличие от частотных ассоциаций, образующих семантические зоны, одиночные ассоциаты отражают уникальные реакции респондентов. Все одиночные ассоциации мы подразделяем на положительные и отрицательные. Положительные создают благоприятный образ предприятия, указывают на его высокий статус, отрицательные свидетельствуют об обратном. Так, например, к положительным ассоциативным реакциям на название бара «Веелог» мы отнесли следующие: «*охотник*», «*камин*», «*теплая одежда*», «*русское*» и др., к отрицательным – «*забегаловка, подпольный ночной притон*».

Зачастую среди ассоциативных реакций присутствуют рефлексивы, которые более полно отражают отношение горожанина к предлагаемому стимулу. Например, название образовательного центра «Правовой всеобуч» спровоцировало такое высказывание: «*Всеобуч звучит как ругательное слово*».

Отказ от предоставления реакции на стимул свидетельствует о том, что название было либо вовсе не воспринято респондентом, оставило его равнодушным, либо вызвало негативную реакцию, которую горожанин не посчитал нужным выразить эксплицитно. В ходе эксперимента максимальное количество отказов было предоставлено на следующие эргонимы: названия кейтеринговой компании «Уверенность сервис 2+», агентства недвижимости «Апогей-плюс», рекламного агентства «Ура-фабрик!», производителя бизнес-сувениров «А плюс К» и др.

Таким образом, эффективным в городской среде мы считаем наименование, соответствующее следующим критериям:

1) Небольшое количество семантических зон ассоциативного поля и, следовательно, невысокий ассоциативный потенциал онима (например, эргоним «Компьютер-Холл» возможен только для фирмы, деятельность которой связана с продажей компьютеров);

2) Одна или несколько семантических зон соотносятся с профилем деятельности компании: например, эргоним «GoodВин» имеет семантические зоны «кафе, ресторан», «дорогие вина», а также не соотносимая с деятельностью предприятия – «персонаж книги»;

3) В одиночных ассоциациях, которые нельзя отнести ни к одному из семантических полей, должны доминировать положительные;

4) Не должно быть отказов респондентов от предоставления реакции.

Рассмотрим примеры экспертной оценки двух наименований: «Liker», признанного нами эффективным, и «Юнитрейд», не отвечающего заданным критериям.

Название предприятия	Количество семантических зон	Количество одиночных ассоциаций	Количество отказов
«Liker» (бар)	3	9	-
«Юнитрейд» (фирма-производитель железобетонных конструкций)	7	20	8

Семантические зоны ассоциативного поля эргонима «Liker» можно обозначить следующим образом: «кафе, бар, ресторан» – 29,62% от общего числа реакций, «алкогольный напиток» – 22,21% и «производство и продажа алкоголя» – 25,92%. Небольшое количество семантических зон позволяет говорить о фактически однозначном восприятии горожанами данного онима (ср., реакции на эргоним «Юнитрейд»: «путешествия», «торговля», «молодежь», «спортивный клуб», «авиакомпания», «бензин», «деньги», среди которых ни одной, соотносящейся с деятельностью фирмы). В свою очередь, количество одиночных ассоциаций – 9 (ср., «Юнитрейд» – 20), среди них положительные: «салон модной одежды», «автозаправка с хорошим бензином», «шоколад с наполнителем» и др., одна отрицательная: «не помню, что было вчера». В ходе эксперимента был зафиксирован один рефлексив: «Очень удачное название», отказов от предоставления реакций не отмечено.

Использование цепочечного ассоциативного эксперимента и интерпретация его результатов по предложенному алгоритму позволяет исследовать эффективность эргонима с большой долей объективности. Привлечение данного метода на стадии выбора имядателем потенциального онима поможет избежать явных коммуникативных неудач, связанных с восприятием эргонима горожанами и его отражением в ономастическом сознании.

Литература

Трапезникова А.А. Эргонимическая номинация в контексте лингвоэкологии города (на материале г. Красноярска) / Вестник КрасГУ. Гуманитарная серия № 6/1. Красноярск, 2006. С. 372-375.

Об истории слова *пошлый* и его дериватов до середины XIX в.

Хохряков Вадим Вадимович

Студент Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург

В.В. Виноградов писал: «В истории некоторых слов отражается смена основных культурных эпох русской истории. В экспрессии слова бывает запечатлена оценка старого историко-бытового уклада и мировоззрения» [Виноградов: 531]. Слово *пошлый* – яркий тому пример.

Мы попытались проследить за функционированием слова *пошлый* и его дериватов в различных идиостилях вплоть до 1850 года. Всего в поле нашего зрения попали 26 авторов и более 150 словоупотреблений. Источниками материалов послужили, главным образом, Национальный корпус русского языка и Большая словарная картотека ИЛИ РАН.

В древнерусском языке прилагательное *пошлый* (от глагола *пойти*) еще не обладало негативно-оценочным элементом значения. И.И. Срезневский выделяет у слова *пошлый* следующие значения: ‘старинный, исконный’ («А мыгы ны держати давнии пошлыи, а непошлыхъ мыговъ и пошлинь не замышляти»); ‘искони принадлежащий’; ‘прежний, обычный’. В грамоте 1470–1471 гг. «двор на пошлом месте» означает «двор на прежнем месте».

В 1735 г. В.К. Третьяковский говорит о русской речи: «Соблаговолите <...> из неслаткия, зделать ея хотя несколько *пошлою* и приятною». Однако в целом в XVIII в. слово *пошлый* уходит в глубокий словарный пассив и становится почти не употребимо в литературном языке. В конце XVIII в. появляется устойчивое словосочетание *пошлый дурак*. Здесь *пошлый* еще в значении ‘настоящий, сущий’ (эти значения мы обнаруживаем у слова *пошлый* в народных говорах). Распространение ругательства *пошлый дурак* во многом катализирует будущую негативно-оценочную экспрессию слова *пошлый*.

В активное употребление слово *пошлый* входит со второй трети XIX в. Ведущий процесс, характеризующий развитие слова в это время – расширение лексической сочетаемости. Храня в себе память об употреблении в составе ругательства *пошлый дурак*, слово *пошлый*, получившее негативно-оценочную экспрессию, определяет сначала преимущественно результаты вербальной активности человека («пошлая фраза», «пошлый разговор» и т. д.). Но работает механизм метонимической экстраполяции: слово *пошлый* с негативно-оценочным значением осуществляет экспансию на все новые и новые смежные области. От результатов вербальной активности к результатам различного рода творческой активности, а затем и к субъектам этой активности. От «пошлых разговоров» – к «пошлым стишкам», «пошлым фарсам», «пошлomu мотиву польки», а за-

тем – к «пошлой физиономии» и «пошлой жизни». Расширение круга лексической сочетаемости, расширение значения слова *пошлый*, во многом обуславливает усиление его негативно-оценочной экспрессии. Если «пошлые слова», и даже «пошлая физиономия» – это еще не так страшно, то «пошлая жизнь», абсолютизирующая свойство пошлого – это уже очень страшно.

В 40-е годы XIX в. слово *пошлый* входит в широчайший обиход. Судьбоносным событием в истории слова стало его освоение литературной и художественной критикой. Здесь слово *пошлый* впервые становятся одним из ключевых и наиболее частотных. Именно в критике слово *пошлый* и его дериваты получают новый импульс развития. Нетривиальные словоупотребления В.Г. Белинского и Н.В. Гоголя (особенно в «Выбранных местах из переписки с друзьями») в значительной степени раскрепощают слово *пошлый* и его дериваты, извлекают их из-под гнета узкой лексической сочетаемости, развивая их способность образовывать широкие парадигматические и синтагматические связи. Однако что касается дериватов слова *пошлый*, большинство из них – *пошляк, пошлячка, пошлянка, пошлец, пошлятина, пошлеть, опошлеть, испошлить, испошлиться, опошлить, опошлиться, опошливать, опошливаться, опошляться, опошлять, опошляться, опошление, опошливание*, – появятся лишь во 2-й половине XIX в.

В 1-й пол. XIX в. мы наблюдаем постепенное отмирание устойчивого словосочетания *пошлый дурак* и появление слова *пошлость*. И если имена все-таки отражают представления, то глядя на язык с высоты исторической перспективы, мы видим: на смену представлению о персонифицированном недостатке (о пошлом дураке) приходит представление о внеличном, онтологическом зле (о пошлости). Существительное *пошлость* с предметным значением еще не выходит за предел частных номинаций. (Кавалерист-девица Дурова восклицает: «Балы, танцы, волокитства, музыка... о боже! какие пошлости, какие скучные занятия!»). Но существительное *пошлость* с абстрактным значением (например, «пошлость пошлых людей» у Гоголя) – это уже обозначение целой области в мире ментального, это имя самостоятельного представления, и оформление этого представления в слове *пошлость* – важный факт в истории языка и культуры.

История слова *пошлый* и его дериватов провоцирует на интерпретацию. Каждый из исследователей, в чье поле зрения попадает история слова *пошлый*, пытается истолковать смысл того вектора динамики, в соответствии с которым менялись и развивались значения слова. В.В. Виноградов писал: «В конце XVII в. – начале XVIII в. – в связи с переоценкой старины, древнерусских традиций, слово *пошлый* приобретает отрицательный оттенок» [Виноградов: 531]. Исследователю, по-видимому, были неизвестны словоупотребления В.К. Тредиаковского, содержащие положительные коннотации («из несладкия сделать ея хотя немного пошлою и приятною» и т. д.) В качестве иллюстрации своего положения В.В. Виноградов приводит фрагмент из рапорта В.К. Тредиаковского («Здесь семинаристы имеют пошлые познания в латинском языке»), истолковывая слово *пошлый* в соответствии со значением, выделенным в Словаре 1847 г.: «низкий качеством, весьма обыкновенный, маловажный».

Периодизация В.В. Виноградова оказывается неточна. Появление у слова «пошлый» негативно-оценочного оттенка значения не является немедленной реакцией на переоценку старого жизненного уклада в петровское время. Несомненно, история слова *пошлый*, по меткому выражению А.А. Потебни, «знаменует разрыв с допетровским преданием» [Потебня: 237]. Но язык в данном случае реагирует на множество факторов одновременно. Это и внутриязыковые факторы (распространение устойчивого словосочетания *пошлый дурак*, катализирующего негативно-оценочную экспрессию слова *пошлый*), и общекультурные факторы (классицистическое и романтическое мировидение). Важным фактором также, по-видимому, является межкультурное и межъязыковое взаимодействие.

В «истории пошлости» еще много неясного, много вопросов, и ответы на ряд из них, несомненно, лежат на путях сравнительного языкознания. Касается это и истории слова, и типологии развития лексического значения. Так, например, немецкое слово *gemein* демонстрирует семантическую эволюцию, во многом сходную с эволюцией слова *пошлый* [Фасмер].

Литература

- Виноградов В.В. История слов. М., 1994.
Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958.
Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965–2007.
Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847.
Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986–1987.

**Проблема диахронического изучения языковой картины мира
(на материале существительных ЛСГ «стихия»)**

Цивилева Алина Викторовна

Аспирантка Волгоградского государственного университета, Волгоград

(Исследование проводится в рамках гранта № 07-04-20401 а/В при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области.)

В современной лингвистике существует множество подходов к исследованию языковой картины мира (далее – ЯКМ), среди которых одним из перспективных является изучение этого феномена в рамках диахронического аспекта.

Сопоставительное исследование особенностей функционирования существительных ЛСГ «стихия», репрезентирующих фрагмент ЯКМ, на материале региональной прессы 1938–1943 гг. (Сталинградская правда, далее – СП) и 1998–2003 гг. (Волгоградская правда, далее – ВП) определяет актуальность синхронно-диахронного изучения русской языковой картины мира на лексическом уровне, позволяет говорить о ее исторической изменчивости.

Согласно лексикографическим источникам, базовым именем рассматриваемой ЛСГ является *стихия* – ‘явление природы, обладающее разрушительной силой, которой человек не может противостоять или покоряет ее с большим трудом’ [БТСРС: 117].

При функционировании в текстах региональных СМИ значение лексемы *стихия* получает дополнительные оттенки на уровне лексико-грамматической сочетаемости и под влиянием факторов внеязыковой действительности: 'невозможность предсказать направление распространения стихии' (*Стихия не обошла и Камышин* – ВП: 21.06.2000); 'стремление человека остановить действие стихии любым путем' (<...> *они снова атаковали огненную стихию, пока, наконец, пожар не был ликвидирован* – СП: 18.04.1938); 'подчинение человека стихии' (после гибели парохода «Челюскин» члены его экипажа оказались на льдине в плену у полярной *стихии* – СП: 12.12.1939).

Конкретизация семантики базового имени также происходит за счет употребления в текстах СМИ отдельных членов ЛСГ «стихия»:

1. потенциальная угроза для человека: 'стремление человека избежать столкновения со стихией' (<...> *полеты через полярные районы более безопасны, чем через районы южнее острова Рудольфа, где существуют штормы* – СП: 5.05.1939); 'стихийное бедствие, предотвращение которого требует больших материальных затрат' (*На борьбу с оползнями намечено израсходовать около полмиллиона рублей* – СП: 1.02.1938);

2. начало стихийного бедствия: 'внезапное появление, независимость от особенностей течения жизни человека' (*Пожары не знают ни праздников ни выходных* – ВП: 22.03.2000);

3. особенности распространения: 'широкий охват территории' (<...> продолжает **наводнение**, охватывающее большую территорию в низовьях реки Бэйхэ – СП: 23.08.1939);

4. последствия стихии: 'разрушение' (В результате **землетрясения** <...> был полностью разрушен <...> крупнейший завод – ВП: 25.12.2002; <...> в результате этого **землетрясения** разрушено большое количество городов – СП: 28.01.1939); 'смерть' (<...> рыбак <...> погиб во время **шторма** – ВП: 29.07.1999); 'материальный ущерб' (<...> 10-балльный **шторм** принес большие убытки. В море унесено много ловцкой сбруи – СП: 15.04.1938).

Особого рассмотрения требует лексема *пожар*. Если причиной бедствий, обозначаемых другими компонентами ЛСГ «стихия», являются процессы, происходящие в неживой природе, то к возникновению пожара может привести действие как природного, так и человеческого фактора. Эта особенность проявляется при функционировании данной лексической единицы в текстах СМИ. Источниками пожара могут быть удар молнии (*Причиной пожара <...> стал удар молнии* – ВП: 21.06.2000), оставленный без присмотра костер (<...> **пожар** распространился от стилизованного мангала – мы обнаружили пару обугленных кирпичей и груды консервных банок – ВП: 24.07.2002), искра трактора (<...> **пожар** произошел от искры проезжавшего мимо трактора – ВП: 15.07.1999) и др.

В текстах времен Второй мировой войны указывается на то, что чаще всего пожары возникают вследствие взрывов и бомбардировки (*В результате бомбардировки в городе возникло много пожаров* – СП: 25.04.1943).

Раскрытие особенностей прямых значений служат переносные, позволяющие выявить потенциальные семы, определить релевантные для носителя языка признаки.

В современных СМИ, в отличие от прессы середины XX в., слово *стихия* функционирует во всех переносных значениях, зафиксированных в словарях. Другие члены ЛСГ «стихия» реализуют метафорические значения в газетных текстах не только 1998-2003 гг., но и 1938-1943 гг. При этом основаниями для переноса служат следующие компоненты, выделяемые в структуре базового имени ЛСГ: 'опасность' (<...> *партия большевиков <...> в момент величайшей опасности <...> встретила военную грозу единой, как никогда, сплоченной, сильной, авторитетной* – СП: 20.01.1942); 'направление движения' (*С полчиным – камнями в руках задержаны на днях двое подростков, устранивших «камнепад» с моста через Камышинку на головы дачников* – ВП: 20.07.1999); 'сильная степень воздействия на человека' (<...> *посыпался огненный шквал бронейных снарядов* – СП: 13.01.1943); 'разрушительная сила' (<...> *усилить в слушателе или читателе ненависть и презрение к тому, что должно исчезнуть в буре революционной борьбы* – СП: 14.04.1940).

В некоторых текстах в основе семантической мотивации переносных значений лежит несколько признаков: 'невозможность остановить стихию' + 'широкий охват территории' (*Наше <...> общество попало в лавину западной кино-, видео- и печатной продукции* – ВП: 16.07.1999); 'опасность' + 'большая масса' (*Вот на пригорке показалась лавина белой конницы* – СП: 18.11.1939).

Таким образом, существительные ЛСГ «стихия» при функционировании в современных и советских СМИ отражают представления человека о некоторых природных явлениях как о разрушительной силе, которой очень трудно противостоять. Различия отмечаются на уровне дополнительных семантических оттенков главного значения и употребления компонентов данной ЛСГ в роли метафоры. В текстах СМИ рубежа XX–XXI вв. при образовании переносных значений реализуются различные потенциальные семы прямых значений слов, обозначающих стихийные бедствия, метафора охватывает экономическую, политическую и социальную сферы. Для материалов СМИ 1938-1943 гг. характерно употребление существительных ЛСГ «стихия» в переносном значении главным образом в текстах, посвященных военным и революционным событиям.

Литература

[БТСРС] – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Бабенко Л.Г. М., 2005.

Особенности лексического заимствования из китайского языка в русский

Ши Ся

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В докладе сформулированы 3 особенности заимствования лексики из китайского языка в русский:

- 1) Ограниченность заимствования при интенсивности контактов;
- 2) Тематическая обусловленность заимствований (их сосредоточенность в определенных сферах культурного интереса);
- 3) Оценочная окрашенность многих заимствованных слов; для новых заимствований, не входящих в тематические среды из 2), – отрицательная.

Ограниченность числа китаизмов в современном русском языке обусловлена противонаправленным действием двух основных факторов заимствования, по Л.П. Крысину «иноязычное слово в контексте современной общественной жизни». [Крысин]: наличие контакта языка-реципиента с языком-источником и расположенность к заимствованию.

«Иноязычное может ассоциироваться с идеологически чуждым, непатриотичным, даже враждебным» [там же]. В современном русском языковом сознании отношение к заимствованиям неоднозначное – как ко всем в целом, так и в зависимости от языка-источника. Если англицизмы, точнее американизмы, для тех носителей языка, которые ориентированы в основном на принятие заимствований, являются престижными, достойными усвоения и приобретения в русский язык, то заимствования из китайского языка в бытовой, общественной, технической сфере ограничиваются не только приоритетом русских, но и отрицательным отношением к самой идее заимствовать что-либо у китайцев.

Несмотря на то, что число лексических заимствований из китайского языка в русский невелико, на составе и судьбе этих заимствований мы можем проследить важные лингвокультурные процессы:

- 1) Наличие давней взаимосвязи в политической жизни России и Китая, аналогичность некоторых процессов заставляет русских активно прибегать к китайским общественно-политическим терминам (заимствования *хунвэйбин* и *дацзыбао* калька «культурная революция», нарицательное использование имени Мао) для характеристики ситуации в России и странах СНГ;

- 2) Большая часть лексических заимствований из китайского языка локализуется в сфере культуры (духовной и физической), причем связана с модными культурными тенденциями – *ушу*, *цигун*, *кунгфу*, *фэн-шуй* и т. п.

- 3) Третья группа заимствований, которая могла бы быть многочисленной, если бы не названные нами выше препятствующие факторы – кухонно-гастрономическая лексика (например: *вок*, *тофу*, *хуо-го*).

- 4) Наконец, источником и сферой лексического заимствования служит китайская философия (*конфуцианство*, *даосизм*, *инь*, *ян*, *тай-ци*, *ба-гуа*).

Таким образом, современные заимствования из китайского языка локализируются не в сфере общего употребления (и – что особенно важно – не в рабочих сферах), а в сферах хобби, интересов отдельных групп людей. В результате можно констатировать, что, с одной стороны, большинство названных нами слов не имеет шансов на широкое распространение и их жизнь в языке очень зависит от того, насколько стабильна будет мода на то или иное явление, популярность того или иного занятия или идеи, заимствованных русскими у китайцев. Но, с другой стороны, для тех, кто увлекается *фэн-шуй*, *ушу*, китайской философией и т. п.,

заимствованные номинации и понятия, за ними стоящие, образуют важный компонент картины мира. Такие слова как *инь, ян, дао, фэн-шуй*, у говорящих, использующих их в сфере своих культурных интересов, отражают особенности мировоззрения данных носителей языка, обогащенного восприятием китайской культуры.

Литература

Крысин Л.П. Русский язык конца XX века. М., 1996 / Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни М., 1996. С. 142-161.

Вербализация концепта «любовь» в рассказах А.П. Чехова

Якоби Татьяна Васильевна

*Студентка Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия*

Известно, что художественная манера А.П. Чехова уникальна и своеобразна. Именно Чехов всесторонне обследовал русскую жизнь и установил, что основной ее болезнью является всеобщее разъединение, разобщение людей. Тема одиночества человека становится лейтмотивом всего творчества писателя. А главное оружие против одиночества – это понимание, уважение и любовь близких людей. Любовь – единственный способ понять другого человека в его глубочайшей сущности.

Данная работа посвящена изучению образа-концепта «Любовь» в трех произведениях А.П. Чехова («Дама с собачкой», «Любовь», «О любви»). Именно из-за специфичности стиля писателя и были выбраны его произведения для анализа.

Концепт является объектом изучения когнитивной лингвистики (*cognitio* – от лат. *думая*). «Появление этой науки в конце XX в. связано с необходимостью изучения языка с учетом его участия в познавательной деятельности человека. В центре внимания стоят такие когнитивные способности, как восприятие, усвоение и обработка языка, а также приобретение, представление и использование знаний» [Кравченко].

Концепты – это не любые понятия, а лишь наиболее сложные и важные из них, без которых трудно представить данную культуру. Иерархия концептов восстанавливается по двум критериям: частотности ключевых тем и разветвлении вокруг них разветвленных семантических полей. Ассоциации составляют основу реконструкции семантического поля, создаваемого вокруг ключевого слова темы, концепта. В данном случае таким словом будет «любовь».

В настоящем исследовании рассматривается концепт «Любовь», который в творчестве А.П. Чехова маркирует одну из важнейших для писателя сфер – сферу эмоциональную, являющуюся основой внутреннего мира творческой личности, следовательно, центром исследования является языковая личность писателя. Понимание любви героями рассказа можно спроецировать на восприятие и оценку этого чувства А.П. Чеховым. Рассмотрим способы вербализации концепта «Любовь» в индивидуальной языковой картине мира писателя.

«Любовь» является гиперсемой поля, т. е. семантическим компонентом высшего порядка, организующим вокруг себя семантически развернутое поле. В исследуемых произведениях было обнаружено множество единиц, связанных с гиперсемой как семантически, так и ассоциативно.

При анализе произведений были использованы следующие методы и приемы: описательный метод (реализуется в приемах наблюдения, сопоставления, обобщения, интерпретации), общелингвистический метод (идентификация и классификация), полевой метод (применяется для построения семантических полей лексемы «любовь»), прием сплошной выборки. Начальным этапом в исследовании было выяснение значения самой родовой семы при помощи словарей. Далее были выбраны слова, связанные с гиперсемой лексически и ассоциативно.

На основе анализа рассказов А.П. Чехова было составлено семантическое поле лексемы «любовь». В околоядерную зону лексико-семантического поля (ЛСП) входят слова, связанные парадигматическими и деривационными отношениями, а на периферии находятся слова, связанные ассоциативно.

Путем анализа текстов было доказано, что любовь – это комплексная эмоция, которая включает в качестве составляющих ее частных, эмотивных смыслов эмоции печали, горя, тоски, вины и т. д. На периферии находятся семы, которые позволяют писателю показать свое индивидуально – авторское видение мира, за счет обогащения оттенками основных эмотивных смыслов. Сильное чувство любви дано в противопоставлении слезам, боли, горю, страданиям, именно в любви обретают герои душевную полноту.

На основе анализа словарных статей словарей (Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, Словарь русского языка (МАС), словарь современного русского литературного языка (БАС), Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова) были обнаружены следующие лексико-семантические варианты (ЛСВ) имени поля:

ЛСВ1 – чувство глубокой привязанности к кому-либо, чему-либо.

ЛСВ2 – чувство сердечной склонности, влечение к лицу другого пола

ЛСВ3 – внутренняя склонность, тяготение, внутреннее пристрастие к чему-либо или кому-либо.

Остановимся на околоядерной зоне ЛСП «любовь», которую образуют лексические единицы, вступающие в синонимические отношения в рамках контекста рассказов А.П. Чехова:

1. Лексемы, соотносимые с понятием любовь, входящие в контекстуально-синонимический ряд (иллюзия, привычка, увлечение, обожание, чувство, привязанность);

2. Лексемы, сопровождающие понятие любовь (сомнение, прощение, обман, ревность, грех, слезы, тайна, образ любимой);

3. Лексемы, обозначающие этапы любви (встреча, свидание, уединение, разлука);

4. Лексемы, обозначающие состояния, испытываемые во время любви (страдание, сострадание, воспоминание, счастье, ожидание).

Своеобразие концепта «Любовь» усиливается особенностями творческого почерка А.П. Чехова. У писателя перипетии чувств между героями показаны объективно, без прямых авторских оценок, о чувствах героев мы узнаем из диалогов, то есть через речь, а не поступки. Внутреннее состояние персонажей Чехов изображает, не показывая цепь переходов чувства, и все это сопровождается особой музыкальностью, которая создается при помощи повторов, причем могут повторяться, как отдельные слова, так и целые фрагменты произведений, а иногда и части слова.

Таким образом, на основе анализа трех рассказов А.П. Чехова было выявлено достаточно лексем, образующих семантическое поле концепта «Любовь». Писатель выделил следующие прототипические признаки анализируемого концепта: любовь – глубокое чувство, которое предполагает взаимные, определенные отношения между людьми. Такие содержательные признаки представлены и в словарях, поэтому можно сказать, что представление о любви совпадает с общеязыковым. Но кроме этих признаков было обнаружено и индивидуальное восприятие концепта «Любовь»: страсть, счастье, страдание, иллюзия, ожидание, тайна, ревность, встреча и т. д. На основе анализа рассказов А.П. Чехова было выявлено, что концепт «Любовь» пересекается с целой группой других концептов – «страх», «тоска», «грех», «грусть», «страдание», «счастье» и другие, через общий им структурный принцип – «круговорот общения» двух человеческих существ.

В качестве вывода следует сказать, что только при помощи обращения к языку можно понять суть других когнитивных способностей (восприятия, мышления, усвоения), то есть язык оказывается важнейшим объектом когнитивной науки.

Литература

Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология // Известия академии наук. Серия литературы и языка, № 5.
Чехов А.П. Избранное. О Любви. М., 1987.

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Прошедшее время несовершенного вида в языке Онежских былин и славянский имперфект

Гашина Мария Валерьевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Характерной особенностью языка русских былин является использование форм несовершенного вида (НСВ) прошедшего времени при обозначении нового действия, продвигающего повествование, а не в традиционном для современного русского языка значении фонового действия, например [Онежские былины: 396]:

И заходил-то ен в конюшню белодубову

И брал себи коня не седлана,

А й не седлана брал да не ежжана,
И уж ен уздицю-ту надевал тесмяную,
И седельшко пóлагал черкальское,
Подпруги кчал да из семи шелков,
И не ради красы да молодецкойей,
Ради крепости да богатырскойей.

Д.С. Лихачев интерпретирует подобные формы в связи с проблемой «замедления / ускорения» художественного времени былины и считает, что формы НСВ прошедшего времени, как и формы настоящего исторического выполняют прежде всего изобразительную функцию, которая связана «со стремлением условно приравнять время исполнения былины ко времени действия в ней» [Лихачев: 234]. Аналогичным образом функционально сближает формы НСВ прошедшего времени и настоящего исторического и Б.А. Успенский, но его в большей степени интересует «точка зрения» повествователя: употребление названных форм маркирует перемещение автора (здесь – исполнителя) в систему временных координат его героя, поэтому в подобных случаях имеет место «синхронная авторская позиция» [Успенский: 97]. Однако проблема происхождения подобных форм в фольклорных текстах сегодня до конца не исследована.

Исследуя систему времен старославянского языка, И.К. Бунина пишет, что форма имперфекта могла употребляться «для обозначения действий, составляющих одно из последующих звеньев в цепи событий данного периода прошлого» [Бунина: 107]. По данным исследователей, и в восточнославянских памятниках – как в книжных житиях, так и в летописях – отмечается аналогичное значение имперфекта.

В церковно-славянских житийных текстах в нарративе формы имперфекта могут обозначать цепь последовательных, завершённых действий, М.Н. Шевелева называет подобное употребление «выделительной функцией имперфекта». Отмечается также, что такое значение может приобретать и одиночная форма имперфекта [Шевелева: 42].

Согласно исследованиям П.В. Петрухина, для летописного нарратива также характерно употребление имперфекта для обозначения новых событий в нарративной последовательности; имперфект в этой функции он называет консекутивным. Следуя за аористом, причастием или дательным самостоятельным, имперфект способен продвигать повествование, таким образом сближаясь по функции с аористом [Петрухин: 223–224]. Однако остается открытым вопрос, могли ли формы несовершенного вида прошедшего времени употребляться в консекутивном значении в разговорном восточнославянском языке или древнерусские книжники ориентировались только на образцовые тексты, входящие к кирилло-мефодиевской традиции.

Соответствующее употребление известно и в некоторых славянских языках. В современном болгарском языке длительное действие может быть обозначено формой НСВ имперфекта только в том случае, если оно не составляет нового этапа в продвижении повествования. Но на более раннем этапе развития язы-

ка имперфектом могло быть обозначено длительное и при этом завершённое действие, продвигающее повествование [Маслов: 237–238]. В сербохорватском языке оппозиция «аорист/имперфект» менее последовательна и по-разному представлена в диалектах, но в части диалектов употребление имперфекта также возможно для обозначения последовательных, завершённых действий [Маслов: 241–242]. Наконец, в чешском языке, где утратилось противопоставление аориста и имперфекта, длительное действие, представляющее собой новый этап в повествовании, может быть обозначено с помощью претерита НСВ, т. е. ровно так же, как в русских былинах.

Все это позволяет предполагать связь аналогичной функции древнего славянского имперфекта и НСВ прошедшего времени в былинном нарративе.

Очевидно, что былина как жанр устного творчества может быть ориентирована только на не книжную языковую традицию. Соответственно, былинное употребление НСВ прошедшего времени для обозначения последовательных, завершённых по своей объективной природе действий имеет, видимо, очень древние корни и может быть наследником аналогичного употребления имперфекта в более ранние эпохи. Это предположение подтверждается перечисленными выше фактами употребления имперфекта с указанным значением в летописном и житийном нарративе, а также данными других славянских языков.

Литература

- Бунина И.К. Система времен старославянского глагола. М., 1959.
Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии // Избранные труды: Очерки по аспектологии. Общее языкознание. М., 2004.
Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. М.; Л., 1949.
Петрухин П.В. Syntaxis verbi. Консекутивный имперфект в ранних восточнославянских летописях // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
Успенский Б.А. Семиотика искусства: Поэтика композиции. Семиотика иконы. Статьи об искусстве. М., 2005.
Шевелева М.Н. Состояние грамматической нормы употребления видовременных форм глагола в книжно-литературном языке Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XV–XVI вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986.

Некоторые тенденции развития судебной лексики в памятниках деловой письменности русского языка XI–XVII вв.

Глазова Ольга Александровна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Совокупность лексических средств, служивших для выражения судебных понятий в русском языке XI–XVII вв., включала в себя чрезвычайно богатый и разнообразный набор слов и выражений, различные элементы которого занимали различное место в лексической системе общенародного языка. Степень систематической специализации их была неравномерной и неодинаковой.

В составе судебной лексики можно констатировать неустойчивость значений и употреблений слов, ощутимые связи собственно терминологических

значений со значениями других лексико-семантических групп, связи небольшого количества терминов (в основном глаголов) с общенародными, бытовыми значениями слов. Терминологические отношения слов друг с другом достаточно неопределенны в древнерусский период развития лексики, поэтому в этих условиях говорить об особой системе, судебной терминологии в древнерусском языке затруднительно. Это скорее только складывающееся терминологическое единство. Но употребление различных лексических единиц не является механическим, бессистемным и случайным, а представляют собой определенную систему, в которой были и колебания, и вариативность, и синонимия, и недостаточность в определенных названиях. Но все это было характерно и для древнерусского языка в целом, а не только для судебной отрасли словарного состава языка.

Сложившаяся к первой половине XVII в. совокупность юридической лексики прошла сложный путь развития. Развитие судебной лексики русского языка с XI до первой половины XVII в. выражалось, прежде всего, в пополнении состава группы новыми лексическими элементами. Много слов за этот период получают специальное значение и вовлекается в сферу употребления деловой письменности. Эти приобретения складываются из лексических образований, сразу входивших в состав судебной терминологии, и из слов, известных в языке в других значениях и получивших в судебной сфере словоупотребления новые значения и оттенки. Так, в древнерусский период с конкретным юридическим значением входят в употребление слова *казнь* (в X–XI вв. имело значение ‘покаяние; мука, мучение’), *обида* (в XI в. ‘ссора, вражда’), *вор* (‘обманщик, смутьян’ до нач. XVII в.) и мн. др.

Многие слова и терминологические сочетания вышли из активного словоупотребления или полностью были утрачены языком, заменены новыми наименованиями или стали обозначать совершенно другие явления и понятия. Вышли из активного употребления терминологические обозначения многих судебных должностей: *князь*, *бояре*, *посадьникъ*, *наместникъ*, *волость*, *дьякъ*, *вирникъ*, *мятельникъ*, *тысяцкий*, *приказчикъ*, *староста*, *детский*, *тиунъ*, *отрокъ*, *мечникъ*, *емець*, *доводчик*, *пристав*, *недельщик*, *подвойский*, *бирич*, *целовальник*. Поскольку изменились меры наказания, из группы наименования судебных процессов вышли термины и терминологические сочетания *сажати у дыбу*, *бити кнутъем*, *железо*, *поток*, *разграбление*, из наименований преступных действий – *разбой с поличным*, *разбойничьи дела*, *душегубство*, *бесчестье*, *волхование*, *ворожити*. Изменения затронули и глубинные стороны семантической системы судебной терминологии.

Анализ процессов, протекавших в судебной лексике с XI по XVIII в., дает возможность выделить несколько микросистем, понятия которых подвергались терминологизации. Это прежде всего: а) название судебной должности и административные лица, исполняющие определенные судебные функции в этой должности. Например, существовала должность *пристав*, судебные функции в этой должности могли исполнять *детский*, *мечникъ*; *емецем* могли быть

отрок, мечник, детский; б) название общего, родового понятия и его виды: *казнити > бити кнутъем, сажати у дыбу, испытание железом; вина > убити > зарезати; обида > лаяти, речи непригожие, поклепати, лгати.*

Исследователь юридической лексики древнерусского периода встречается с синонимией в отдельных лексико-семантических группах и их микросистемах, с вариативностью морфологического состава лексики, а в отдельных случаях и с многозначностью юридических терминов. Правда, в судебной терминологии даже в древнерусский период это не является закономерностью, т. к. юридическая лексика является очень специализированной и отграничена от лексики общенародного языка.

В процессе развития юридической лексики русского языка XI–XVII вв. действовали две противоположные тенденции – терминологизация и детерминологизация.

Процесс выработки терминологии, его первые шаги сопровождаются широким использованием синтаксических приемов выражения специальных понятий: терминологические словосочетания, конструктивно-обусловленные значения, содержание контекста, характеристики судебных процессов и преступных действий. Все это хорошо прослеживается на всех категориях юридической лексики, особенно сильно проявляется в лексике глагольной. Большинство глагольной лексики в качестве обязательного условия для реализации судебного значения требует сочетаемости с именами, имеющими юридические значения: *бити кнутъем, сажати у погреб, сажати у дыбу, посадити в тюрьму*. Некоторые словосочетания требуют наличия строго определенного контекста, например, сочетание речи *непригожие* в следующем контексте: *ростовский кирпичник Любимка Репкин... непригожие речи про государя говорил* (Дело об освобождении из тюрьмы ростовского кирпичника Любима Репкина, осужденного за оскорбление царя, 1627 г.).

Первым шагом к детерминологизации слова следует считать выход его за узкие рамки специального употребления. Детерминологизация слова, потеря им признаков, присущих специальной, судебной лексике, связана, прежде всего, с потерей специализации понятия, когда этим понятием овладевают широкие круги говорящих на том или ином языке.

Основу русской юридической лексики, по данным памятников деловой письменности XI–XVII вв., составляли слова и словосочетания, обладающие узкой специализацией и в основном отграниченные от живого народного языка. Семантическая структура русской юридической лексики выражала формирующуюся систему юридических понятий. В основном, как показывает исследование, словарный фонд юридической лексики формируется в древнерусском языке с XI в., получает свое наибольшее распространение в XIII–XIV вв., затем уже отдельные слова приобретают и развивают дополнительное значение и, в итоге, уже к XV в. появляется довольно большое количество терминов, которые станут достоянием русского языка. Хотя, как свидетельствуют языковые данные и исторические разыскания, формирование целого ряда основ-

ных юридических терминов относится к значительно более старшей поре – к XVII в. и более позднему времени.

Особенности формообразования глаголов типа *колоть, тереть* в истории русского языка

Долгова Дарья Андреевна

Студентка Волгоградского государственного университета, Волгоград

(Исследование проведено в рамках гранта «Лексические доминанты описания языковой картины мира (на материале памятников древнерусской и старорусской письменности)», подержанного Волгоградским государственным университетом, проект №51–2008–а/ВолГУ).

М.В. Ломоносов является создателем первой печатной русской научной грамматики на родном языке, одного из важнейших по значимости в истории русской филологии научных трудов. В разделах, посвященных русскому глаголу, ученый несколько раз упоминает о глаголах типа *колоть, молоть, бороть, тереть, мереть, переть* и др. [Ломоносов: § 283, 284, 288, 304, 339]. Ломоносов специально не отмечает особенности формообразования данных языковых единиц, но сама классификация материала приводит к выводу об их наличии. Характеризуя образование форм прошедшего времени, ученый пишет, что «*колю* имеет *кололъ; борю, бороль; порю, пороль; деру, драль; мру, меръ; тру, теръ; жру, жраль* и т. д.» Говоря о «происхождении» инфинитивов, ученый отмечает, что «*мру* имеет *мереть; тру, тереть; деру, драть*», и не дает комментариев. В параграфах, посвященных страд. причастиям, отмечается, что все страд. прош. прич. от глаголов прош. вр. на *-ль* имеют суф. *-нь*, кроме ряда глаголов, среди которых *колю, колаль, колоть; борю, бороль, бороть; тру, терть* и под. Таким образом, называя в «Российской грамматике» глаголы типа *колоть*, М.В. Ломоносов дает понять, что эта группа своеобразна, не поддается типизации, подобна изолированному классу.

В современном русском языке такие глаголы, как *колоть, молоть, бороть(ся), пороть, мереть, простереть, жрать, тереть*, и под. являются глаголами I спряжения, СВ и НСВ. Несмотря на общность в фонемном составе основ (наличие сочетания гласных с плавными согласными), у глаголов наблюдаются различия в образовании инфинитивов, страд. причастий, деепричастий; наблюдается взаимодействие парадигм разных глаголов [Зализняк: 109]. Рассматриваемые единицы, как правило, относят к разным формальным классам и подклассам [Бромлей: 67–84; Русская грамматика: 647–682].

Своеобразие рассмотренных глаголов может быть объяснено, если обратиться к их истории. Несмотря на существующее в научной литературе историческое описание этих единиц ([Историческая грамматика], [Лопушанская]), они еще не достаточно исследованы; невыявленными остаются тенденции их развития, причины появления формообразовательных особенностей.

В своем исследовании мы опираемся на предложенную С.П. Лопушанской формальную классификацию глаголов, которая учитывает соотношение прете-

ритальной (O2) и презентной (O1) формообразующих основ по признаку их равенства–неравенства в праславянском, древнерусском и современном русском языках, и позволяет объяснить перегруппировку продуктивных и непродуктивных формообразовательных типов в структуре русского глагола. I класс по данной классификации составляют глаголы, у которых и в праславянском, и в древнерусском, и в современном русском языках установлено равенство глагольных основ (*нес-ти/нес-у*); II класс – глаголы, для которых неравенство основ характерно и в праславянском, и в древнерусском, и в современном русском языках (*зъва-ти/зов-у*); III класс – глаголы, у которых в праславянском O2 и O1 были равны, а в древнерусском языке вследствие фонематических изменений стали различаться: (*не-ти/ној-у*, *кля-ти/кльн-у*, *тере-ти/тьр-у*); IV класс – глаголы нетематического спряжения, у которых соотношение O2 и O1 изменялось в рамках их неравенства. Глаголы типа *колоть*, *тереть* являются глаголами III класса.

В своей работе мы опираемся на материал Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. Морфологический анализ является одним из аспектов предпринятого комплексного исследования данной глагольной группы.

Наличие дифтонга и дифтонгических сочетаний в корневых морфемах праславянских глаголов III класса явилось одной из важнейших причин особенностей их формообразования. В корнях глаголов типа *колоть*, *тереть* были дифтонгические сочетания гласных с плавными. В раннем праславянском языке две основы глаголов были равны, как у глаголов I класса, поэтому они использовали общие с этим классом формообразовательные модели. Затем, в позднем праславянском, вследствие преобразования дифтонгических сочетаний под действием тенденции к построению слога по восходящей звучности, основы стали различаться, что обусловило образование форм по моделям глаголов II класса, у которых изначально основы были неравны. Этим объясняется вариативность моделей формообразования глаголов III класса в древнерусском языке. Так, в памятниках отмечены формы аориста 3 л. мн. (*но*)*мр-оша* (от O₁, как у глаголов I класса) и *мре-ша* (от O₂, как у глаголов II класса) глагола (*но*)*мър-у*, (*но*)*мре-ти*, страд. прич. прош. *измел-ень* (от O₁) и *измоло-тъ* (от O₂) глагола *измел-ю*, *измоло-ти*; (*за*)*кол-ень* (от O₁) и *коло-тъ* (от O₂) глагола (*за*)*кол-ю*, (*за*)*коло-ти* и др.; при этом используются и разные грамматические аффиксы. Картина осложнялась конкуренцией полногласного и неполногласного вариантов претеритальной основы, с которыми соотносилась одна и та же презентная основа (O₂ *заколо-ти* и *закла-ти* – O₁ *закол-ю*; O₂ *мере-ти* и *мре-ти* – O₁ *мър-у*).

В истории данных глаголов возобладала тенденция к унификации глагольных парадигм: из двух вариантов O₂, как правило, сохранился полногласный; в страд. прич. прош. времени закрепился суффикс *-т-* как показатель глаголов III класса и т. д.. Тенденция к дифференциации двух формообразующих основ способствовала преимущественному закреплению претеритальных форм за O₂, а презентных – за O₁. Тем не менее в русском языке у некоторых глаголов сохраняются вариантные формы деепричастий прош.

времени сов. вида: *умереть* – *умерши* (др.-рус. О1 *умьр-*) и *умерев* (О2); *растереть* – *растерши* (др.-рус. О1 *растьр-*) и *растерев* (О2) и др.

Литература

- Бромлей С.В.* Принципы классификации глагола в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1965. № 5. С. 67–84.
- Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1987.
- Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
- Ломоносов М.В.* Сочинения Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М.И. Сухомлинова. Издание императорской академии наук. Т. 4. СПб., 1898.
- Лопушанская С.П.* Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. Казань, 1975.
- Лопушанская С.П.* Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград, 1990.
- Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. М., 1980.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 1–7. М., 1988–2006.

Об одной конструкции с союзом *а* в летописях XV–XVI вв.

Зубкова Анна Владимировна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В докладе рассматривается одна конструкция, выявленная в ходе анализа синтаксиса причастий прошедшего времени в псковских летописях: Псковской II летописи по Синодальному списку к. XV в. (Пск. II) и Псковской III летописи по Строевскому списку II пол. XVI в. (Пск. III) [Псковские летописи].

Как известно, в древнерусском языке действительные причастия прошедшего времени обладали значительно большей самостоятельностью по сравнению с современным состоянием и могли функционировать как самостоятельные сказуемые отдельных первичных предложений. Степень зависимости предложений со сказуемым-причастием от предложений, сказуемое которых выражено личной формой глагола, могла варьироваться (от статуса, подобного статусу современного придаточного предложения, до равноправного употребления); в частности, они могли относительно свободно включаться в конструкции, построенные по принципу цепочечного нанизывания. Употребление такого рода достаточно широко представлено в исследованных текстах:

(1) а князь Витовти (так!) събравъ силы многы прииде преже к Вышегороду июля 18 день и по томъ к Порховоу и новгородци съ владыкою Еуфимиемъ привезше дары многы и добиша чолом пятьюнадесять тысящъ роублей и стоявъ под Порховом неделю и отъиде июля въ 28 день. В лѣто 6937. [Пск. II: 193об.];

(2) того же лѣта князь литовскеи Свитригаило изымалъ митрополита Герасима оу Смоленскоу и оковавъ его твердыми желѣзы и спровади его у Видебскъ а за толкоу вину что вшелъ на него переветъ и князь Жидомонтъ державъ его 4 месеци и потерялъ его у Видебскоу огнемъ его съжеже июля 28 а то ведает самъ Христос промежи ими о том [Пск. III: 75–75об.].

Среди примеров указанного рода встретился ряд контекстов, которые объединяются в особую группу как на основе своей формальной организации, так и на основе специфического значения, выделяющего первичное предложение со сказуемым-причастием из ряда предложений, составляющих нарративную цепочку:

(3) В лѣто 6927. Владыка Семеон приеха въ Псковъ октября въ 16 и пребывъ во Пскове 3 недели отъеха не зборовавъ *а пскович дѣтеи своихъ всѣхъ бла-гословивъ*. Тогда... [Пск. II: 187];

(4) и онъ ... всехъ силою с собою за рубли заведъ да въ всѣхъ и кони отымаль и самѣхъ ограбилъ толко ихъ мало не нашихъ отпустилъ ко Пскову а самъ поехалъ к Москве *а забывъ добра Псковского и хрестыного целованиа*. Тоя же весне... [Пск. III: 150];

(5) и они не поидоша на Немци да прочь поехала из Пскова *а не оучивше ничего же добра* и почаша по волости грабити и... [Пск. III: 200].

Для таких контекстов характерны постпозиция предложения с причастным сказуемым по отношению к тому предложению, с которым оно соотносится, и присоединение его при помощи союза *а*. Значение этих предложений в наиболее общем виде можно описать как значение регресса, отхода от основной линии повествования, возврата к более ранним событиям.

Аналогичные (как по форме, так и по значению) конструкции зафиксированы в псковских летописях и среди примеров предикативного употребления страдательных причастий прошедшего времени:

(6) и приведе сына своего Андрѣя *а еще бѣ не крещень*. И тогда... [Пск. II: 172об.];

(7) и Тарбас городокъ здался и Роуя тогда же и Полчевъ городокъ покиноувъ Нѣмци выбегли и тотъ взяли же *а всѣхъ с Вельяномъ пять городковъ взято того лѣта...* [Пск. III: 224].

Употребление такого рода не являлось, по всей видимости, специфичным только для предложений со сказуемым, выраженным причастной формой: согласно устному сообщению М.Н. Шевелевой, оно возможно и для *л*-форм, причем только в поздних летописях:

(8) В лѣто 7064-го. Сентября приходиша из Выбора Свѣя к Орѣшкоу в бусахъ с нарядомъ чрез перемирные лѣта *а стояли 2 недели* и царь... [Пск. III: 216];

(9) и возвратися на Москву царь и великий князь с побѣдою хваля Бога и Пречистую Матерь Его и со всѣмъ воинствомъ здравъ *а стоялъ под Казанью 2 мѣсяца* а с Черемисою с лоуговою после войны было много... [Пск. III: 215].

Как уже было сказано, употребления такого рода характеризуются одинаковой формальной организацией и сходным значением. Во всех рассмотренных случаях мы имеем дело с конструкцией, в которой соответствующее первичное предложение присоединяется при помощи союза *а* и, как правило, является завершающим элементом на данном отрез-

ке нарративной цепочки (т. е. в относительно завершённом фрагменте текста, повествующем о каком-либо событии).

Эти конструкции объединяются и общим значением. Во всех приведённых контекстах имеет место отход от основной линии поступательного развития событий. Как можно заметить, дополнительная информация, вводимая в них предложением указанного типа, не просто прерывает последовательный ход развертывания повествования, отсылая к более ранним событиям, а еще и своеобразным образом «подводит итог» ситуации, описанной в предшествующей нарративной цепочке; при этом имеется еще, как кажется, и некоторый усилительный оттенок значения, ср.: «[владька] уехал, не соборовав, а псковичей все-таки благословил» (3); «...они не пошли против немцев и поехали прочь из Пскова, а ничего хорошего [для псковичей] так и не сделали» (5).

Значение и условия функционирования данной конструкции, однако, несомненно, нуждаются в уточнении. Так, усилительный оттенок значения, по всей видимости, не является обязательным (ср. его отсутствие в контекстах (6), (7)). Возможно, не является строго обязательной и конечная позиция соответствующего первичного предложения в рамках рассматриваемого отрезка нарративной цепочки (ср. контекст (5)). Неясным также представляется вопрос о том, имелись ли какие-либо морфологические ограничения на способ выражения сказуемого в структурах такого рода (и, таким образом, вопрос о том, была ли эта конструкция маркированной или нейтральной с точки зрения книжности/некнижности). Для ответа на эти вопросы и выявления всех особенностей значения и употребления указанной конструкции требуется отдельное исследование на более широком материале.

Литература

Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М., 2000.

Корреляция интенционального и структурно-стилистического параметров древнерусского эпистолярного текста

Зуева Ольга Владимировна

Аспирантка Белорусского государственного университета, Минск, Белоруссия

Положение эпистолярных источников в системе памятников древнерусской письменности (в широком понимании периода как донационального, XI–XVII вв.) можно назвать уникальным: тексты, представленные во всех сферах и регистрах общения, различающиеся содержательными и в силу этого лингвостилистическими характеристиками, тем не менее, образуют единый жанр. Его конституирует совокупность следующих присущих всякому письму признаков: 1. функция межличностного общения; 2. необлигаторность; 3. организация текстовой структуры (формуляра) последовательностью смысловых блоков, эксплицируемых предикативными единицами разной степени устойчивости, инвариантными в плане коммуникативной семантики (приветствие, констатация получения письма адресата, комментариев адресанта по поводу своего письма и др. – всего 11 основных блоков); 4. этикетность используемых автором языко-

вых средств. В зависимости от соотношения социальных статусов коммуникантов и содержания общения мы выделяем три типа писем: частные (виды: бытовые, деловые, фатические, духовные), официальные (служебно-деловые, фатические, духовные) и частные официальные (бытовые, деловые, фатические).

В результате анализа формуляра более чем 800 эпистолярных текстов XI–XVII вв. было установлено, что тип и вид письма коррелируют с типом его структурной организации (набор и следование смысловых блоков) в ее устойчивом языковом наполнении, причем основные закономерности, обнаруженные в древнейших текстах, сохраняются в памятниках поздней допетровской эпохи. К примеру, в структуре частных учительных посланий большой концептуальной значимостью обладают выказывания, репрезентирующие блок «комментарий по поводу своего письма» и сообщающие о причине обращения (клише *впрошаль еси насть, убоаяся суда божиа*), источнике и объеме информации (клише *дръзнух писати вкратце от божественных правил*) и др. Бытовому письму блок практически неизвестен, фиксируется начиная с XVII в. в ином лексическом наполнении и стилистическом регистре (*я о том писал покороче сево* [Галактионов: 63]). Для бытовой переписки наиболее релевантны блоки «призыв писать» и «сообщение о себе», что демонстрируют уже берестяные грамоты XI–XII вв.: *присъте* (пришлите) *ми грамотицу сторови ли есте*, № 424 [Зализняк: 272], *по здоровоу есмы*, Город. № 1 [Зализняк: 274]. Ни в одном из 75 проанализированных духовных писем XI–XVII вв. блок «сообщение о себе» не отмечен; этикетные призывы писать окказиональны, появляются только в старорусских текстах. Официальные служебные письма характеризуются введением меньшего числа этикетных блоков (как правило, формуляр ограничивается презентацией коммуникантов, констатацией получения письма адресата, изложением каузирующей интенции и прощением), меньшим диапазоном варьирования лексического выражения и большей композиционной жесткостью.

Вместе с тем корреляция «тип (содержание) письма – стандартная структура письма – стандартное наполнение структуры» не абсолютна. Во-первых, многие блоки обнаруживают одинаковую узувальность либо окказиональность для нескольких видов писем. Общность структуры может компенсироваться различием текстовой формулы, ср. наполнение блока «благодарность за письмо» в источниках XVI в.: *глаголю честности твоей благодарения бесконечная за труд твой; за все мя святыми писанми посещаеши и кручину облегчаеши* [Памятники 1984: 504], письмо ученика духовному учителю; *Что меня о своемъ здоровье и о Иванове сыновне здоровье безъ вести не держиши, ино то делаеши гораздожъ* [Письма: 4], бытовое письмо царя жене; *мы на твоемъ жалованье челомъ бьемъ, на просвещенныхъ словесехъ* [Акты: 296], царское фатическое письмо духовным властям. Значительное число формул, отметим, используется вне зависимости от типа письма (*челомъ бью, прислать (еси) грамоту, молю Бога о твоемъ здравии и спасении* и др.). Во-вторых, введение того или иного фрагмента этикетного содержания и способ его языковой презентации в ряде текстов не столько обусловлены объективно существующим эпистолярным

канонном, сколько определяются ситуативным «фактором адресанта». Под последним мы понимаем влияние социокультурного статуса и личной индивидуальности автора на структуру и стилистику текста. В средневековых письмах отражен преимущественно первый фактор. Напр., многие официальные агитационные и просительные письма, адресованные от церковных властей светским, содержат формулы характеристики своего письма, релевантные для частных духовных посланий (см.: № 62 и др. [Акты: 110–112]). Частные письма монархов XVI–XVII вв. членам своих семей открываются приветствием вида *отъ X-а Y-у*, типичным для грамот, и не имеют прощания, что также свойственно распорядительным актам (№№ 1–5 [Письма: 3–5]). Преломление индивидуального начала обнаруживается реже: наиболее ярким примером являются письма прот. Аввакума (в послании Симеону [Памятники 1988: 557–558]) выдержана форма учительного «ответа на вопрошание», однако нарушена ожидаемая стилистическая образцовая норма и переосмыслены основные текстообразующие формулы). Синтез традиций официального и частного письма демонстрирует деловая переписка царя Михаила Федоровича с патр. Филаретом, содержащая блоки, типичные для бытового или фатического общения (№№ 19, 26, 77 и др. [Письма]). Введение их, окказиональное для официального письма, может быть объяснено только специфичностью коммуникативной ситуации: корреспонденты одновременно выступают и как родственники (сын и отец), и как лица высшей властной иерархии, в связи с чем происходит смешение моделей речевого поведения, отражаемое в структуре текста.

Материалы эпистолярных памятников средневековой Руси показывают, что корреляция структуры и содержательно-интенциональной типологии писем возникла либо была усвоена уже в древнейшую эпоху. Констатация узального употребления формулы в данном виде письма не допускает отрицания возможности ее окказионального включения в любой другой вид эпистолярного текста. Установленное явление свидетельствует о принципиальной проницаемости границ текстов внутри эпистолярного жанра. Модификация структуры письма и (или) ее языкового наполнения обусловлены частной интенцией автора, его постоянным, не зависящим от данного акта коммуникации социокультурным статусом и, значительно реже, проявлением индивидуальной языковой личности.

Литература

- [Акты] – Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией: В 5 т. М., 1841. Т. 1.
- Галактионов И.В. Ранняя переписка А.Л. Ордина-Нащокина (1642–1645 гг.). Саратов, 1968.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- [Памятники 1984] – Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984.
- [Памятники 1988] – Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга 1. М., 1988.
- [Письма] – Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные археографической комиссией. М., 1848

Редакторская работа над проповедью в Синодальной типографии в середине XVIII в.

Кислова Екатерина Игоревна

К.ф.н., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

На материале архивного дела Синодальной типографии (РГАДА, ф. 381, оп. 1, № 589) мы рассмотрим подготовку к публикации проповеди Симона Тодорского на день восшествия на престол Елизаветы Петровны 1747 г.

Проповедь Симона Тодорского, архиепископа Псковского и Нарвского, на годовщину восшествия Елизаветы Петровны на престол была произнесена 25 ноября 1747 г. в Санкт-Петербурге. По указу императрицы от 3 апреля 1742 г., все проповеди, произнесенные в ее присутствии, «а также из других наиболее замечательные», публиковались: основная часть издавалась Московской Синодальной типографией «в церковнославянской орфографии», отдельные проповеди печатались гражданским шрифтом в типографии при Академии наук в Санкт-Петербурге. Сохранившееся архивное дело позволяет проследить работу над текстом, которая проводилась в Синодальной типографии перед набором.

Итак, 3 февраля 1748 г. «Слово на день восшествия на престол» Симона Тодорского было получено в Синодальной типографии, после чего оно было исправлено «во орфографии и напечатании», т. е. переписано в стандартную церковнославянскую орфографию. Рукопись самого Тодорского написана с использованием отдельных элементов церковнославянской графики и орфографии, однако для публикации церковнославянским шрифтом («воскресенскою азбукою») требовалась унификация. Например, Тодорский использовал «неканонические» сокращения под титлой (*нигь* вместо *наигь*), наряду с юсом малым и йотированным *а* последовательно употреблял букву *я*, смешивал о-широкое и ѿ, использовал арабские цифры вместо буквенных обозначений, не всегда расставлял знаки ударения и придыхания. Подобную орфографию можно назвать «бытовой церковнославянской»: она характерна не только для представителей церкви, но и для многих образованных людей середины XVIII в. Например, именно так ведутся рабочие записи в самой Синодальной типографии.

Кроме того, рукопись Тодорского содержала небольшое количество написаний, отражающих украинское происхождение автора, а также разговорное произношение, нехарактерное для высокого «проповеднического стиля» (например, произношение *о* после мягких шипящих – *въ чомь*). Все это необходимо было исправить.

Кроме переписывания текста из «бытовой церковнославянской» орфографии в «строгую церковнославянскую» и связанных с этим упорядочиванием написаний под титлами, употреблений дублетных букв и т. д., проповедь подвергалась и собственно орфографической правке. Такая правка выносилась киноварными чернилами на поля и обсуждалась в Синодальной конторе в присутствии

вии «Его преосвященства и честнейших отцов архимандритов», после чего еще раз переписанный набело текст с одобренными Синодальной конторой поправками, вынесенными киноварью на поля, был отослан с сопроводительным письмом директора типографии Ивана Муринова в Санкт-Петербург, обер-секретарю Св. Синода Якову Леванидову, который должен был предъявить предложенные поправки автору: «всепокорнейше прошу Его Преосвященству объявить и изволит ли так утвердить...». Для удобства внесенные поправки были также выписаны таблицей: в одной колонке – вариант Тодорского, в другом – внесенная правка (всего 33 пункта).

Часть поправок Тодорский принял, от части отказался (эти киноварные пометки стерты в возвращенном экземпляре проповеди). Однако в печатном экземпляре находятся все предложенные поправки. Яков Леванидов сообщает в сопроводительном письме: «Его Преосвященству казал, изволил опробовать, печатать оную с тем, как в ней киноварная приписка значит, которую для того при сем сообща, остаюся с почтением...». В самом списке Тодорский сперва весьма выборочно сохраняет предложенную правку, стирая киноварные приписки, однако ближе к концу текста, как будто устав или махнув рукой, оставляет предложенную правку без изменений. Видимо, к середине текста автор принял решение согласиться со всеми сразу поправками Синодальной конторы.

Осуществленная правка может быть разбита на несколько типов:

1. Пунктуационная: три исследованных списка проповеди (рукопись и две синодальные копии, снятых разными писцами), а также печатный текст имеют существенные расхождения в расстановке запятых, употреблении двоеточия, вопросительного и восклицательного знака, точки с запятой. Однако эта правка не отмечалась на полях и осуществлялась, очевидно, в процессе переписывания или набора. Она не требовала обсуждения и одобрения Синодальной конторы.

2. Графико-орфографическая: рукопись Тодорского четко противопоставляется здесь тетрадям Синодальной типографии:

а) Расстановка титл, ударений, надстрочных знаков – эта правка в основном также не требовала обсуждения. Синодальные списки представляют собой классическую, «строгую» церковнославянскую орфографию, рукопись Тодорского – «бытовую».

б) Употребление графических дублетов: *e*-широкое и *e*-узкое в синодальных тетрадях употребляются не последовательно, Тодорский не различает их вообще; употребление *o*-широкого и *ω* различаются во всех трех тетрадях, однако исправление одного знака на другой также не требует обсуждения.

в) Употребление дублетных букв (*o*-узкое и *ω*, *i-v-u*, *φ-θ*). Замена *i* на *u* и наоборот не требовала обсуждения; замены, связанные с *v*, а также парами *ω-o*, *φ-θ* выносились на поля и обсуждались. Например, написание имени *Голияфъ* через ферт исправляется справщиками на вариант с фитой, эта правка обсуждается на заседании Синодальной конторы и входит в печатный вариант.

2. Орфографическая и грамматическая правка: в первую очередь обсуждалась на заседании Синодальной конторы:

а) Исправление окончаний прилагательных ж.р. вин.п. мн.ч. *-iu/-ьiu* на *-ia/-ья*: Тодорский последовательно отказывается от этой правки Синодальной конторы, однако сохраняет правку *-ей/-ой* на *-ia/-ья* в род. п.

б) Исправление форм сравнительной степени с суффиксом *-яе* на *-ѣе* (Тодорский соглашается с этой правкой).

в) Правка падежных окончаний отдельных существительных: Д. п. *Моисеовъ* исправлено на *Моисею* (Тодорский отказывается от этой правки), Д. п. *Монархинъ* исправляется на *Монархини* (Тодорский сохраняет эту правку).

г) Тодорский последовательно употребляет форму *произышел*: в одном случае справщики просто исправляют ее на *произошел*, в другом – предлагают грамматическую правку: замену формы на *-л* на аорист *произыде* (Тодорский соглашается с этой правкой). Однако это единственный пример правки значимых глагольных форм в тексте.

3. Орфографико-фонетическая правка:

Отражая произношение, Тодорский периодически пишет *о* после непарных шипящих и *ч*: *чомъ, происходящомъ* и т. д. Справщики последовательно исправляют *о* на *е*: *чемъ, происходящемъ*. В начале текста Тодорский стирает эту правку, однако ближе к концу последовательно сохраняет ее.

4. Лексическая правка:

Справщики убирают отдельные украинизмы: *з всего же* → *со всего же*, *об уповании* → *о уповании*, *урази* → *порази*. В начале текста Тодорский убирает эту правку, ближе к концу сохраняет. Эта правка касается только предлогов и приставок.

Таким образом, сохранившиеся в архиве РГАДА тетради позволяют увидеть, каким именно образом происходила подготовка к публикации гомилетического текста в середине XVIII в., каких именно аспектов она касалась. Без учета производимой в Синодальной типографии правки невозможно с максимальной достоверностью судить о принципах авторского языка в подобных текстах. Кроме того, эти тетради позволяют проанализировать статус и иерархию отдельных орфографических элементов в сознании носителей языка середины XVIII в.

Состав и функционирование неместоименных определятельных наречий в Вологодско-Пермской летописи

Комышкова Анна Дмитриевна

Магистрант Нижегородского государственного педагогического университета,
Нижний Новгород

Расширение лексического состава неместоименных наречий представляет собой основное направление исторического развития наречия как части речи. Исследование состава и функционирования неместоименных определятельных наречий проведено на материале Вологодско-Пермской летописи, доведенной до 1538 г. Среди неместоименных определятельных наречий можно

выделить семантические разряды: наречия образа и способа действия, количественные, совместности.

Среди наречий образа и способа действия – большое число качественных наречий, имеющих формы словоизменения, способных изменяться по степеням сравнения. Эти наречия сохраняют живую словообразовательную связь с именами прилагательными, поэтому происхождение их наиболее прозрачно. Чаще всего они представляют застывшую краткую форму среднего рода единственного числа прилагательных, т. е. оканчиваются на -о: *дивно, чудно, лѣно, необычно, скверно, прямо* (в значении ‘верно, честно’: *служити государю и его дѣтем прямо* [Вол.-Перм.: 293]), *бѣстрашно, велегласно, напрасно* (т. е. ‘внезапно, неожиданно’) и множество тому подобных. Большинство из этих наречий сохранили суффикс прилагательных -н-, т. е. образованы от производных прилагательных: *Яко же пси мнози суетно поучаютца на тя* [129]; *посла к великому князю посла таино* [129]; *сядем тихо и безмятежно поживем* [126]; *прииде напрасно изгоном на Орду* [176] и т. д..

Иногда в тексте встречаются компаративы с суффиксами -ѣе- и -е-: наряду со *скоро* – *скорѣе*, *борзо* – *борзѣе*, *горко* – *горѣе*, *легко* – *легче*, *легчае* а также *лутше* [лутче, луче], *быстрѣе*: *притече скоро к отцу его духовному* [194] – *пойдите скорѣе*, *князь отходит* [194]; *Всеволод же поиде борзо к Володимерю* [55] – *пойди, княже, борзѣе* [87]; и *плакася горко* [108] – но и *горѣе* того *начаша беситися* [235]; *творяху бо себе бояре легко* [88] – но и *легче* *жалуя* [230], и потом же *легчае* *бысть ему* [158]; *луче бы ны есть приати* [67]; и *бысть быстрѣе* *путнаго шествиа* [285].

В тексте Вологодско-Пермской летописи встречаются наречия, оканчивающиеся на -ѣ: *добрѣ*, *злѣ*, *особѣ*, *честнѣ*. Форма этих наречий указывает на их происхождение: скорее всего, это застывшая форма местного падежа именных прилагательных. Функционируют они в тексте точно так же, как и адвербиализированные формы именительного/винительного падежа: *Добрѣ бо о таких рече Давидъ* [86]; *прияша его честнѣ* [232]; *месяць особѣ стояць* [50]; *победи Нѣмецъ и злѣ их иссече* [96].

Особую группу среди наречий образа и способа действия составляют качественные наречия на -и / -ы, такие как *царски*, *скотскии*, *мужескы*, *дѣтскы*. Наречия такого типа восходят, скорее всего, к творительному падежу множественного числа кратких прилагательных на -ьскъ, средством выражения которого и было окончание -ы (-и) [Мейе: 378]. Застывшие формы творительного падежа сохраняют сравнительно-уподобительное значение: *живуци скотскии* [Вол.-Перм.: 12], т. е. ‘как скоты’; *мужскы воспротивися ему* [173]; *свѣтяся царски* [35]; *седѣ на столѣ... Мстислав, еще сы дѣтскы* [48].

Кроме качественных наречий, образованных от имен прилагательных, в тексте встречаются наречия образа и способа действия, неспособные изменяться по степеням сравнения. К ним относятся слова, происходящие как от имен прилагательных, так и от других частей речи. Адвербиализированные формы имен прилагательных представляют собой наречия *единако*, *разно* (*раздно*) *мысле-*

но, единомыслено, супротивно, неподвижно: и разидошася разно [31]; одинако вопиашу [231]; супротивно стоит твоему царству [157]; И единомыслено из дубравы выехашиа [142]; мыслено сказаеть [108] и т. д.

Наречия, соотносящиеся с другими частями речи: вборзѣ (вборзе), внезапу, вкратцѣ, вслух, миром, добром, всеу, ниць, отаи: пребывати вборзе [48]; внезапу сниде агтель [79]; скажем вкратцѣ [79]; чтите вслух людем [171]; И начаста жити миром [42]; иди добром [49]; яко всеу трудишася без божья повелѣниа [78]; паде ниць [41]; отаи призва Путшу [32].

Слова с модальным значением *поистинне, воистинну* функционируют в тексте как наречия образа и способа действия: *воистинну поведаша* [86]; *то поистиннѣ болѣу нас будет* [143].

Количественные наречия или наречия меры и степени отражают количественные характеристики действия. К этому разряду относятся наречия *мало* и *много* и их производные *немало, нимало, помалу, попремногу*: *бьен будет много* [134]; *надломи ногу мало* [36]; *потужи о них немало* [233]; *он же нимало отречеся* [183]; *начат помалу отступати* [151]; *попремногу смути всю Орду* [176]. Наречие *мало* может также выражать значение 'едва, еле, чуть': *князь же великии мало удержася от слез* [132]. В значении 'чуть' *мало* может быть союзом: *мало выхашиа с побоище, на ѣхашиа великого князя* [143].

И наконец, слова **много** и **мало** выражают временное значение: *много моля его со слезами* [84]; *и пребывѣ ту мало* [с.89].

Несколько синонимичных наречий выражают значение степени и могут переводиться как «очень»: **добрѣ, зело (зѣло), вельми (велми)**. Например, *воистинну добрѣ неблажен путь* [108]; *тужашеся вельми* [30]; *печалью оболчена суца зело* [34].

К количественным наречиям также относятся слова **паче, болѣ, пуци**: согреших пред тобою паче всѣх человекъ [128]; бысть горѣе давнаго и пуци прежнего [283]; но и еще болѣе воздах ему [128].

В сходных значениях употребляются наречия **едва (одва), еле (иле, оле)**: *с вѣликою болѣзнию едва вста* [106]; *одва одолевши Греци* [18]; *оле живы* [11]; *иле живу ему суцу* [106].

К количественным наречиям также относятся слова, образованные от счетных слов, оканчивающиеся на -жды: **дважды, многожды**. Например, *и исходит дважды днем* [108]; *того многожды бывши* [146]. Количественные характеристики действия выражают также наречия **безчислено, дополна, довольно**: *воевали безчислено* [318]; *дополна иду на них ратию* [233]; *роздати повелѣ на всѣх тѣх милостыню довольно* [248].

Наконец, наречия совместности выражают значение совместного осуществления действия. К этой группе относятся наречия **вмѣсто, вмѣсте [вместе]** – варианты одного наречия; наречия с корнем -куп-, выражающим идею совместности, **купно, вкупе [вкупѣ]**, а также наречие **уне**. Например, *срок был им соитися вмѣсто на усть Шекьсны* [204]; *Та же на обѣд поиде купно*

с митрополитом [212]; еже жити брати вкупѣ [37]; уне бы ми с тобою умрети [36].

Литература

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись / Под ред. М.Н. Тихомирова. М.; Л., 1959.

Организация сложного предложения с инфинитивной безличной конструкцией при глаголах речи и глаголах со значением ‘решить’, ‘дать обязательство’ в древнерусских летописях

Краюшкин Игорь Евгеньевич

Аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В настоящей работе рассматривается употребление безличных конструкций, главным членом которых является инфинитив (инфинитивные безличные конструкции – ИБК), в составе сложного предложения. Нас будут интересовать случаи, когда ИБК функционирует при глаголах речи и мысли (*рещи, мьнѣти*) и глаголах со значением ‘решить, договориться’, ‘дать обязательство’ (таких как *цѣловати крѣсть, утвердидитися крѣстнымъ цѣлованиемъ, къ крѣсту водити, утвердидитися* ‘решить, постановить’, *урядидитися* ‘договориться, условиться’, *извѣститися, цѣловати святую богородицю, сдуматися* ‘решить после совещания’ и нек. др.) в качестве придаточного изъяснительного, либо в качестве первичного предложения, связанного с предшествующей предикативной единицей бессоюзно.

Исследование проведено на материале Киевской летописи XII – нач. XIII в. (КЛ), Новгородской I летописи старшего XII – первая пол. XIV в. (I НЛ ст) и младшего изводов XII – первая пол. XV в. (I НЛ мл), Суздальской летописи XII–XIII вв. (СЛ) и III Псковской летописи XV в., список XVI в (ПЛ).

ИБК во многих случаях передают прямую речь, либо текст устных договоров, в силу чего к ним применим термин *цитированный текст*.

В современном русском литературном языке граница между прямой и косвенной речью проводится достаточно четко. Относительно древнего состояния такое разграничение установить зачастую невозможно. Как показано в работах [Ломтев], [Гиппиус], процесс формирования косвенной речи был долгим и завершился поздно. В связи с этим в летописях встречаются структуры промежуточного типа, которые соединяют в себе формальные черты прямой и косвенной речи.

Можно выделить несколько типовых моделей организации предложения с ИБК, вводящей цитированный текст, при рассматриваемых глаголах. Тип I: собственно придаточное предложение, которое вводится при помощи союза (цитированный текст, включенный в нарративный режим интерпретации), Тип II: собственно прямая речь, введенная бес-

союзно (цитированный текст в речевом режиме интерпретации), Тип III: прямая речь, введенная при помощи союза (промежуточный тип).

Как показывают данные памятников, наиболее распространенными являются сложные предложения Типа I. Предложения типа II менее распространены. Формально не представляя собой сложноподчиненного предложения (в силу отсутствия подчинительного союза), они, тем не менее, близки к ним семантически. При этом группа предложений с бессоюзным введением ИБК неоднородна. Можно говорить о двух группах примеров: 1) случаи введения в нарратив собственно прямой речи, т. е. фрагмента текста в речевом режиме без маркирования его статуса внешними средствами: *отец твой рекъ былъ въсѣсти на коне на воину съ въздвиженія и крестъ цѣловалъ* [I НЛ ст.: 112 об.] – ‘Отец твой сказал: «Отправиться (мне) в поход на Воздвижение», – и крест целовал’, 2) случаи с опущением союза при придаточном изъяснительном; по сравнению с соответствующими предложениями с придаточными такие конструкции являются вторичными: *стославъ же да ему и крестъ къ нему цѣлова магати ему* [КЛ: 201] – ‘Святослав ему желаемое отдал и целовал крест помогать ему’.

Наконец, Тип III представлен всего одним примером: *устремившася боеви мняще яко не стояти олговичемъ противу нашей силы* [КЛ: 110 об.] – ‘воины устремились вперед, думая: (что) «Не устоять Ольговичам против нашей силы»’. На то, что следующее за союзом первичное предложение является фрагментом прямой речи, указывает употребление в нем местоимения 1-го лица *нашей*, нарушающего правила изменения личной перспективы при переводе прямой речи в косвенную.

Основные разновидности моделей введения ИБК в состав сложного предложения при помощи союзов таковы:

яко+инфинитив: и прислашася полотьчане къ стославу олговичю с любовью *яко имѣти отцмъ собѣ и ходити в послушаньи его* и на то же целоваша хрсть его [КЛ: 161];

како+инфинитив: потом же володимирцы утвердившеся с ростиславичема крстьнымъ цѣлованиемъ *како не створити има никакого зла городу* [КЛ: 210 об.];

оже+инфинитив: и на томъ цѣловаше вси кияне хрсть и с дѣтми *оже подь игоремъ не льстити* [КЛ: 119];

что+инфинитив: на том перемирьѣ пописаны грамоты и печати приклады *что тое перемирье держати крѣпко в ту 5 лѣт* [ПЛ: 148].

Статистические данные, характеризующие распространенность каждой из моделей, приведены в Таблице.

	КЛ	I НЛ ст	I НЛ мл	СЛ	ПЛ
яко+инф	49	8	19	3	2
како+инф	13	6	9	2	1
оже+инф	6	-	-	-	-

что+инф	-	-	-	-	17
бессоюзн.	9	3	4	1	2

Для ранних памятников характерно преобладание конструкций *яко*+инфинитив и *како*+инфинитив, причем первая является более частотной. В поздней ЗПЛ они, напротив, представлены единичными примерами. Конструкции *яко*+инфинитив и *како*+инфинитив противопоставлены друг другу как содержащие книжный (*яко*) и некнижный (*како*) союзы [Зализняк]. Отношения между конструкциями строятся на основании механизма пересчета.

Конструкция *оже*+инфинитив характерна лишь для КЛ, в которой представлена небольшим количеством примеров.

В поздней ЗПЛ преобладают конструкции с некнижным союзом *что*, вытесняющим все другие средства введения инфинитивного изъяснительного придаточного предложения. Конструкция *что*+инфинитив зафиксирована только в ЗПЛ и в ранних памятниках не встречается. Таким образом, конструкции *яко/како*+инфинитив и *что*+инфинитив находятся в дополнительном распределении и относятся к различным временным срезам.

Литература

Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В.Л. Янин, А.А. Зализняк, А.А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 годов). М., 2004.

Зализняк А.А. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования, 1980. М., 1981.

Ломтев Т.П. Исторический синтаксис русского языка. М., 1956.

**Мена звуков [е]/[и] под ударением
в некоторых архангельских говорах XVII века**

Меркулова Анастасия Александровна

Студентка Московского государственного университета им М.В. Ломоносова, Москва

В памятниках XVII в. из Важского Богословского монастыря (РГАДА, ф. 1460), который находился на территории бывшего Шенкурского уезда, мы находим отражение замены буквы **и** на **ѣ** и **е** под ударением между мягкими согласными:

и→**ѣ**: Пѣне^шки, пѣнежскому, Пѣне^шку (река «Пинежка»);

и→**е**: Пенѣ^скою

В исследовании В. Мансикки говорится, что в начале XX в. в говоре отмечались примеры перехода [е] в [и] между мягкими: *артиль, щиль, килья*. Исследователь пишет, что в данной позиции часто произносился переходный звук [и^с]/[е^ш] [Мансикка: 97].

Упоминается также, что в Шенкурском говоре был и обратный переход [и] в [е] и перед мягкими и перед твердыми согласными: *кадрель, луцена* («лучина»), *Маря, мундер, левень, лемон*. Но, по замечанию В. Мансикки, этот обратный переход был не очень распространен в говоре [Мансикка: 98].

В рукописи солдатского песенника, созданной в 1905 г., И.Б. Качинская обнаружила замену буквы **и** на **е** под ударением перед буквами, обозначающи-

ми как мягкие, так и твердые согласные: *сетцу* (при том, что есть написание *ситцы*), *матеренской (печяли)*, гостениць («гостинец») [Качинская: 23].

Во время экспедиции 2007 г. в Шенкурский р-н Архангельской обл. мы неоднократно отмечали наличие мены <е>/<и> под ударением перед мягкими и перед твердыми согласными, например: [шш'ыл'], [с лучёной сид'эли] (с лучиной).

В рукописях XVII в. из Антониева Сийского монастыря (располагался к югу от Холмогор), самая поздняя из которых датирована 1640 г. (РГАДА, ф. 1196), также обнаружены примеры замены буквы **и** на **ѣ** и **е** и под ударением:

и→**ѣ** перед мягким: пѣнеге[6-7,15] (река Пинега);

и→**е**: *васил'ески* (перед твердым), *каде'нищу* (перед мягким).

Рассматривая различные архангельские говоры, О.Г. Гецова выделяет «диалектные различия, в отношении которых не установлены точные ареалы их распространения» [Гецова: 171]. Среди таких явлений О.Г. Гецова отмечает «чередование *e/i* перед твердыми и между мягкими в ударном слоге», она подчеркивает, что мы имеем дело с «непозиционной меной, где *e* из древнего **e*, не **ѣ**»: [в'эхор'/в'ихор' (вихрь), выш'иват'/выш'эиват' (вышивать), в'эхот'/в'ихот' (тряпка), в'ир'х, дв'ир', шш'ил', шш'илка] [Гецова: 173]. Исследователь также очерчивает приблизительный ареал распространения этого явления; по ее заключению туда входят, среди прочих, говоры Шенкурского и Холмогорского районов [Гецова: 156].

В 50-х гг. XX в. Е.В. Сорокина зафиксировала мену [e]/[и] под ударением в говорах Новгородской области. Она связывает это явление с качеством ***ѣ** в говорах и отмечает, что «изменение первоначального [e] в [и] перед мягкими согласными» произошло раньше, нежели перед твердыми [Сорокина: 346].

В 1902 г., исследуя записи говора села Зимняя Золотица, Л.Л. Васильев обнаружил в них примеры замены «древнего *e* ... на *и*» [Васильев: 8]. Исследователь предположил, что первоначально подобная замена осуществлялась в слогах без ударения перед мягкими согласными, когда звук [e] «приносится очень близко к звуку [и], а иногда даже и переходит в него», под ударением же эта замена возникала из-за того, что «сами говорящие иногда восстанавливали его неправильно, если слово употреблялось с ударением на разных слогах (*миз'еньцика/мезин'чика*)» [Там же].

Подробнее всего вопрос о мене [e]/[и] в северных говорах разрабатывался В.В. Виноградовым. Он заключил, что изменениям подверглось всякое [e] перед мягким согласным (*динь, пичь* (гл.), *пий, водолий*). Этот переход, по мнению исследователя, проходил в северо-восточных говорах не ранее второй половины XII в. и не позже начала XIV в. В.В. Виноградов также отмечает, что [e] переходил в [и] через стадию [ie], т. е. звука, близкого к [ѣ], однако не тождественного ему. В целом, этот переход стал возможен потому, что ***ѣ** как особый звук во время перехода [e] в [и] еще не утратился в говоре [Виноградов: 370–404].

Итак, первичным следует считать переход [e] в [и] между мягкими согласными – именно это, по мнению исследователей, соответствует логично-

му развитию языка. Соответственно замену [и] на [е] можно считать более поздней и гиперкорректной.

Что касается объяснений причины отражения в рукописных памятниках (и XVII в., и начала XX в.) именно последней, гиперкорректной замены, то возможно, это связано с тем, что писавшие знали о характерном для их говора произношении [и] там, где в других диалектах звучит [е] (имеется в виду как произношение [и] на месте исконного *ѣ между мягкими согласными, так и [и] на месте [е] перед мягкими и твердыми согласными) и знали также, что такое произношение противоречит норме, поэтому стремились не отражать этого на письме. А так как в говоре к XVII в. уже, вероятно, были оба варианта мены ([е]→[и] и [и]→[е]), то писцы могли выбирать тот вариант, который, по их мнению, меньше всего противоречил орфографической норме, т. е. замену [е] на [и] они просто научались не отражать на письме.

Итак, в некоторых архангельских говорах до сих пор сохраняются следы древнего явления, которое находит отражение и в рукописных памятниках XVII в.

Литература

- Васильев Л.Л.* Язык Беломорских былин // Известия ОРЯЗ. 1902. Т. 7. Кн. 4.
Виноградов В.В. Исследования в области фонетики северно-русского наречия. М., 1923.
Гецова О.Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. 7. Русские диалекты: история и современность. М., 1997.
Качинская И.Б. Лингвистический комментарий к рукописи солдатского песенника 1905 года. [В печати.]
Мансика В. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии // Известия ОРЯЗ. 1912. Т. 17. Кн. 2. С. 97–98.
Сорокина Е.В. Судьба старого ѣ под ударением в говорах Новгородской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1959. Т. 134.

**«Азбуковник» В.И. Григоровича как источник
для изучения разговорного языка Московской Руси XVII века**

Михалева Ольга Валерьевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Вопрос о статусе разговорного языка Московской Руси является одним из самых спорных в лингвистике. Записи иностранцев являются ценным материалом для его исследования.

Книга «Азбуковник XVII века», принадлежащая собранию русского слависта В.И. Григоровича, – прекрасный образец записи иностранным купцом русского живого разговорного языка, она может представлять интерес для изучения методики подачи материала в преподавании русского языка иностранцам, а также имеет ценность для историков. Для толкований в азбуковниках использовались многие языки: греческий, древнееврейский, латинский, языки Древнего Востока и словенских земель, а также западноевропейские языки, что говорит о многочисленных источниках, которыми могли служить материалы печатных книг и старых рукописей, а также записи с «голоса». В «Азбу-

ковнике» Григоровича помещены: «Азбук польской грамоте», «Азбук аглинской земли» и «Барабанской земли азбук».

В английской азбуке даны скорописные буквы, большие и малые, приведенные и далее в различных графических вариантах. Над каждой литерой английского алфавита надписано ее наименование русскими буквами, довольно точно передающее английское произношение XVII в. (*a, bi, ci, d*). Вслед за азбукой идут слоги: *ba, da, fa* и т. д. сопровождаемые русскими надстрочными написаниями: *ба, да, фа* и т. д.

Тот же принцип положен в основу начальных упражнений по «барабанскому языку». Таким образом, начальные страницы интересующего нас раздела азбуковника составлены по тому же порядку, по которому у нас велось обучение книжному славянскому языку. Оно начиналось с азбуки, затем шли «слози двописьменнии, от согласных начинаемии, слози триписьменные», отдельные слова, изречения для упражнения в чтении, и т. д.

Очевидно, что нидерландская часть доминирует: английские примеры скуднее и в словарной и в фразеологической части, в написаниях отдельных слов встречаются неясные места. Очевидно, иноземец был выходцем из Нидерландов, знавший английский язык.

В ту пору при изучении иностранных языков, преследовавшем сугубо практические цели, грамматике придавали второстепенное значение. Древнейшим способом изучения был словарный способ, заключающийся в заучивании иностранных слов с их значением на каждую букву алфавита. В более позднее время привилась другая система изучения иностранного языка – заучивание слов по смысловым группам.

На листах рукописи приведено довольно много слов, перемежаемых записями фраз и отрывками разговоров. Здесь указаны – с русскими соответствиями – слова, относящиеся к иноземной торговле, к предметам иностранного ввоза, терминология мер и весов, денежных единиц и т. д. Этот словарик представляет несомненный интерес: некоторые находящиеся в нем слова являются редкими или необычными, для других подобранные к ним иностранные параллели проясняют те значения, с какими они употреблялись в XVII в.

В особенности затруднительными для истолкования представляются английские фразы. Вероятно, иностранец знал разговорный английский язык, но не был достаточно тверд в английской орфографии; этим, может быть, можно объяснить то, что он предпочел не вносить английские фразы своею рукой, а предоставил это собеседнику. В рукописи вслед за английской азбукой и прописью начат был английский счет от одного до десяти; все числительные, приведенные в строках, даны только в русской транскрипции; взглядываясь в них, мы легко заметим очень типичные именно для выходца из Нидерландов отклонения от английских орфоэпических норм «ахть» ближе к ндл. *acht*, чем к англ. *eight*.

Исследование показывает, что «Азбуковник» В.И. Григоровича не только являет собой яркий источник для изучения народно-разговорного языка

XVII в., но и демонстрирует первые лингводидактические попытки организации материала в двуязычных пособиях по русскому языку как иностранному.

Особенности системы глагольных времен «Жития Василия Нового» в обработке Софрония Врачанского

Мраморнова Оксана Геннадьевна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

«Житие Василия Нового» – переводной памятник византийской агиографии X в. Он известен на Руси в двух переводах: первый славянский перевод XI в. и второй славянский перевод XIV в. В XVII в. текст первого русского перевода обработал святитель Димитрий Ростовский, значительно сократив его. Редакцию Димитрия Ростовского переработал Софроний Врачанский на рубеже XVIII–XIX вв., немного изменив и без того сокращенный текст святителя.

Текст «Жития Василия Нового» (далее ЖВН) в обработке Димитрия Ростовского и Софрония Врачанского исследуется по книге С.Г. Вилинского [Вилинский: 854–973]. ЖВН в обработке Софрония Врачанского лингвистически не изучено, поэтому очень важно исследовать все его языковые особенности. Целью настоящей работы является изучение системы глагольных времен.

Софроний Врачанский был деятелем болгарской культуры и литературы, следовательно, он перевел текст ЖВН в варианте Димитрия Ростовского на родной язык, немного изменив его. Важно отметить, что в болгарских текстах такого жанра на протяжении всего повествования обычно используется т. н. пересказывательное наклонение, которое выражается глаголами 3 л. ед. и мн. ч. в форме перфекта. Обычно такие формы называются несвидетельскими (в отличие от аориста и имперфекта, которые являются свидетельскими), т. е. рассказчик повествует о чем-то, чему не был свидетелем, но действие является достоверным. В ЖВН Софрония несвидетельские формы отсутствуют. Даже употребляемые формы сложного прошедшего времени – перфект и плюсквамперфект – выполняют в тексте свою обычную грамматическую функцию. Таким образом, в тексте Софрония встречаются все формы прошедшего времени: аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект, в то время, как св. Димитрий Ростовский в своем варианте использует преимущественно форму аориста для всех лиц ед. и мн. ч. и для 2 и 3 л. ед. ч. форму имперфекта.

В ЖВН Софрония можно выделить несколько случаев употребления глагольных форм:

1. Аорист. Данная форма глагола является преобладающей, т. к. она чаще всего употребляется в исследуемом тексте. Важно отметить, что в варианте Софрония окончание аориста *-хомъ* для 1 л. мн. ч. (которое присутствует во всех аористных формах у Димитрия Ростовского) изменилось в *-хмѣ*. Переход из *-хомъ* > *-хмы* > *-хмѣ* происходил по модели развития окончаний 1 л. мн. ч. наст. вр. (ср. *-мь* > *-мы* > *-мѣ*). Для 3 л. мн. ч. окончание *-ша* не встречается, оно последовательно заменилось окончанием *-ха*, которое является общим для

аориста и имперфекта в современном болгарском языке. Аорист образован от глаголов совершенного вида и присутствует в основном в тех контекстах, где описываются мучения, испытываемые Св. Василием, а также там, где описываются мытарства, увиденные старицей Феодорой. Вероятно, форма аориста была выбрана автором не случайно, благодаря ей Софроний говорит о достоверности произошедшего и как бы пытается при помощи этой *свидетельской* формы создать нравственно-поучительное чтение, которое он всегда пытался дать своему народу.

2. Имперфект. О данной форме глагола судить сложнее, т. к. уже в ново-болгарский период (с XIV в.) основы аориста и имперфекта были почти выравнены. И характерной особенностью современного болгарского языка является полное выравнивание форм аориста и имперфекта в 1 л. ед. ч. и всех формах мн. ч. Важной особенностью этого времени является то, что в исследуемом тексте некоторые формы имперфекта образованы от вторичных несовершенных глаголов наст. времени: *молваха* (3 л. мн. ч.) вм. *молеха*; *обезглавляше* (2, 3 л. ед. ч.) вм. *обезглавляше* и др. О том, имперфектными ли являются остальные глагольные формы, можно судить лишь по тому, что они образованы от глаголов несовершенного вида.

3. Перфект и плюсквамперфект. Это самая малочисленная группа прошедших времен, встречающаяся в тексте ЖВН. На протяжении развития языка эти формы не претерпели особых изменений. Общей характерной особенностью этих форм является лишь то, что они утратили родовые окончания во мн. ч. В исследуемом тексте данные формы прошедшего времени обозначают действие в прошлом по отношению к настоящему моменту (перфект) и по отношению к прошлому моменту (плюсквамперфект): *с'мь гладень нахранила ... жадень напоила*; *с'мь добро сторила*; *большаго быхъ постьтила*. Если формы перфекта и плюсквамперфекта можно рассматривать как обычное сложное прошедшее время, то перфект, например, вполне может быть синонимичен аористу [Харалампиев: 162]. Как, впрочем, перфект, образованный от глаголов несовершенного вида, может быть синонимом имперфекта. Но, как показывает эволюция современного болгарского языка, развитие способности описывать ненаблюдаемые действия помешало болгарскому перфекту употребляться полностью как синоним аориста и имперфекта и постепенно вытеснить эти времена, как это произошло в некоторых славянских языках, в т. ч. русском [Харалампиев: 163].

4. На протяжении всего текста ЖВН в обработке Софрония наблюдается последовательная замена русских форм инфинитива *да*-конструкциями (т. е. *да* + форма личного глагола). Данная замена является еще одной особенностью системы глагольных форм. Это свидетельствует о том, что *да*-конструкции были для Софрония элементом книжной нормы.

Таким образом, ЖВН в обработке Софрония Врачанского представляет собой переработанный текст с наличием болгарских языковых особенностей,

которые зафиксированы в современном языке. И центральное место в этой переработке принадлежит глагольным формам.

Литература

Вилинский С.Г. Житие Василия Новаго в русской литературе. Часть II. Тексты и жития. Одесса, 1911.

Харалампиев И. Историческа граматика на българския език. Велико Търново, 2001.

Частицы как средство выражения субъективной оценки в сочинениях протопопа Аввакума

Муравьева Мария Владимировна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Аввакум – крупнейший деятель раннего старообрядчества, глава староверческой оппозиции и писатель, чьи сочинения (Житие, челобитные, письма, послания и др.) представляют не только литературный, исторический, но и лингвистический интерес. Сочинения Аввакума изучали многие ученые, но и в настоящее время этот материал остается недостаточно изученным. Аввакум писал на русском языке. Широкое употребление частиц является показателем живой разговорной речи и одним из средств выражения субъективной оценки.

Изучение частиц на материале произведений XVII в. имеет особую актуальность, так как, по словам В.В. Виноградова, без изучения категории в диахронии невозможно уяснение ее истинного современного состояния. В языке сочинений протопопа Аввакума характерно широкое употребление частиц. В его «Житии», челобитных, письмах и посланиях представлены модальные, союзные, отрицательные, вопросительные частицы, частицы, характеризующие действие по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности осуществления, формообразующие частицы, а также словообразующие форманты, традиционно относимые к частицам. Все частицы за исключением формообразующих и союзных, а также словообразовательных формант объединяются в субъективно-модальные частицы.

Субъективно-модальные частицы наиболее частотны в сочинениях протопопа Аввакума. Среди данной группы частиц одной из самых распространенных является частица *же* и ее варианты *ж* и *жо*. К группе субъективно-модальных частиц относятся также частицы *ведь* (*веть*), *убо*, *уже* / *уж* / *уш*, *еще*, *ну*, *даже*, *хотя*, *просто*, *только*, *токмо*, *разве*, *лишо*, *лише*, *да* и постпозитивная частица *-ко*.

В сочинениях протопопа Аввакума также представлены частицы *так*, *и*, *-таки*, отрицательные частицы *не* и *ни*, вопросительные частицы *ли* и *ль*, союзные частицы *тут* и *так*, а также частицы *было*, *пускай*, *да*, *дай*, *бы* и словообразовательные форманты *кое-*, *-нибудь*, *-то* и *-тово*, которые по традиции называются частицами. Часто для одновременного выражения нескольких смысловых «оттенков» Аввакум прибегает к сочетанию частиц. Таковы, например, сочетания: *да не*, *ну же*, *еще ль*, *уш-то*.

Широкое употребление частиц характерно для языка сочинений «мятежного протопопа», что объясняется повышенной эмоциональной экспрессивностью его текстов. В сочинениях Аввакума частицы вносят в высказывание различные экспрессивные оттенки, а также формируют ирреальные синтаксические наклонения и показывают смысловую связь частей сложного предложения.

Русская редакция Диатаксиса патриарха Филофея Коккина. Вопрос об авторстве митрополита Киприана

Панова Светлана Игоревна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В славянских землях Диатаксис патриарха Филофея Коккина известен в трех редакциях: Афонской, Евфимиевской и русской. Все они были созданы в XIV в. в результате распространения в славянских землях нового Иерусалимского Устава. Каждая из редакций обладает набором языковых особенностей, позволяющих говорить о различиях в переводческой технике и об относительной хронологии их появления. Одной из наиболее ранних и самых распространенных редакций можно считать Афонскую редакцию, известную в большом количестве рукописей сербского, болгарского и русского изводов. Вторая редакция преобладает в русской письменной традиции и в некоторых служебниках имеет атрибуцию митрополиту Киприану, поэтому считается русской. На отношение к русской письменной традиции свидетельствуют также некоторые ее лингвистические особенности. Третья редакция является результатом деятельности болгарского патриарха Евфимия Тырновского и известна на данный момент в двух рукописях – Зографском свитке [Зограф.1г.12 кон. XIV в.] и Зографском служебнике [НБКМ № 231 кон. XIV в.]. В Зографском свитке имеется прямая атрибуция Евфимию [Панова].

Вопрос об авторстве русской редакции Диатаксиса затрагивался в работах И.Д. Мансветова, который на основании приписки в одной из рукописей [ГИМ, Син. 601 XIV в.], свидетельствующей о собственноручном написании Диатаксиса митрополитом Киприаном, а также на основании биографических данных митрополита делает вывод о его участии в создании перевода [Мансветов]. Н.Ф. Красносельцев, изучивший славянские рукописи Ватиканской библиотеки и обнаруживший служебник-конволют Vat. Slav. 14, также содержащий Диатаксис патриарха Филофея, утверждал, что он был составлен в конце XIV в., и автором-составителем был митрополит Киприан [Красносельцев].

С другой стороны, А.М. Пентковский, изучавший список Vat. Slav. 14, а также списки Диатаксиса редакции Евфимия и ранней русской редакции Иерусалимского Устава, приписываемой митрополиту Алексию, отмечал, что редакция Диатаксиса в Vat. Slav. 14 имеет свои характерные особенности в описании некоторых моментов литургии, и предполагал, что и ранняя редакция Иерусалимского Устава, и русская редакция Диатаксиса были созданы на Руси и являются результатами деятельности московского митрополита Алексия. Однако проведенное исследование показало, что языковая норма, представлен-

ная в русском Иерусалимском уставе, во многом отличается от нормы русского Диатаксиса, что не позволяет связать эти тексты с одним и тем же создателем. Более того, представляется вероятным, что текст русской редакции Диатаксиса был составлен позже указанной редакции Иерусалимского Устава.

Данная работа посвящена изучению языковых особенностей произведений митрополита Киприана (его посланий, переводов Псалтыри, Лествицы) в сравнении с особенностями русской редакции Диатаксиса с целью сделать более определенные выводы по поводу возможной атрибуции этого текста митрополиту.

Так, на лексическом уровне прослеживается значительная преемственность в употреблении многих, в первую очередь литургических, терминов. Некоторые из них являются уникальными, помимо сочинений Киприана нигде не зафиксированными:

Русская редакция Диатаксиса	Послания митрополита Киприана
И аще оубо есть ту <u>святитель</u> въ церкви стоя. Приходить дьяконъ съ еуангелъемъ къ святителю.	Трапеза же святаа помывати въ великий четвертокъ, въ соборныхъ же церквахъ <u>святителю</u> , а меньшей чяди немощно сего деяти.
И приемъ <u>финикъ</u> собираетъ крошки около святаго блюда; и по семь дьяконъ приемлетъ оубо руками святое блюдо и <u>финикъ</u> .	По селомъ же, или инде где было, аще не будетъ <u>финика</u> , ино губу морскую добыти.
Ерей же исходить и раздаваетъ <u>дору</u> .	Ни святыхъ иконъ целовати, ниже кадити, ни <u>доры</u> имати, ниже хлеба Богородична, даже до наставшиа нощи.

На уровне синтаксических конструкций также наблюдаются сходства в тексте Диатаксиса и текстах посланий Киприана. Так, частотной является калькированная с греческого инфинитивная конструкция с субстантиватором *еже*, одинаково оформляются целевые и условные придаточные предложения:

Русская редакция Диатаксиса	Послания митрополита Киприана
1) По <u>еже сътворити</u> настоящему рекъше игуменуу. обычныхъ поклонъ входитъ в церковь; <u>дать ти глаголъ въ еже благовестити</u> силу многу; по <u>еже скончати</u> ерею.	1) <u>Отъ еже бо зрети</u> само и онамо, и <u>еже съ вниманиемъ послушати</u> гласы неподоюнья мръския, и <u>еже сматряти</u> лица женьскаа съ прележаниемъ и описавати та въ сердци и въ мысли своей, ражаются въ сердци иноку помысли сквернени; а еже во несоблажнении многихъ ради винъ бываетъ: <u>еже судити</u> искръняго, сиречь брата своего.
2) <u>аще ли же... тепла будетъ была</u> просфура не обращаетъ святыи агнецъ ниць яко да не оупуститъ воду.	2) <u>Аще мирянинъ будетъ умереть</u> молитву надъ нимъ прочтетъ духовный отецъ.
3) не обращаетъ святыи агнецъ ниць <u>яко да не оупуститъ</u> воду; собираетъ крошки около святаго блюда. тако и части все около святаго хлеба, <u>яко да въ съблюденни</u> и съхранени <u>будучь</u> , <u>яко да</u> некако что отъ нихъ <u>отпадетъ</u> .	3) но <u>отвращатися ихъ достоинтъ</u> , <u>яко да устыдевишия отидутъ</u> ; попустити достоинтъ таковымъ, за младость, <u>яко да не блудомъ</u> и скверностию <u>погыбнетъ</u> .

Таким образом, сходство употребляемых конструкций и, более того, наличие лексем, в частности уникальных литургических терминов, употребление которых характерно только для сочинений митрополита Киприана, свидетельствуют в пользу того, что атрибуция русской редакции Диатаксиса этому митрополиту имеет веские основания.

Литература

- Красносельцев Н.Ф.* Материалы для истории чинопоследования литургии святого Иоанна Златоустаго. Казань, 1889.
- Мансветов И.Д.* Церковный устав (типик): его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885.
- Панова С.И.* К проблеме происхождения русской редакции Диатаксиса патриарха Филофея Коккина. [В печати.]
- Пентковский А.М.* Из истории литургических преобразований в Русской Церкви в третьей четверти XIV столетия (литургические труды святителя Алексия, митрополита Киевского и всея Руси) // Символ. № 29. 1993. С. 217–219.

**Императив от основы буд-
в памятниках древнерусской письменности XII–XIV вв.**

Пенькова Яна Андреевна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Формы т. н. повелительного наклонения в русском языке всегда были объектом пристального внимания лингвистов. Императив в побудительном значении, как известно, привязан к конкретному акту коммуникации. Транспонированное употребление повелительных форм, не связанное с ситуацией прямого волеизъявления, несовместимо с прямым значением императива и способствует развитию у последнего ряда производных модальных значений.

В говорах употребляются модальные и служебные слова, а также аффиксы в составе местоимений, восходящие к формам от основы буд- [Словарь: 242–244]. В [Шевелева] описываются причины и механизмы перехода форм от указанной основы в служебные части речи. Одной из причин подобной эволюции является особое модально-аспектуальное значение основы буд- 'окажется' [Мустафина]. Кроме того, в русских говорах и в других славянских языках (сербском, чешском, украинском, белорусском) зафиксированы союзы и частицы, восходящие к формам императива от основы буд- [Потебня: 223].

Настоящая работа выполнена на материале деловых, летописных и житийных источников: Русской Правды по Синодальному списку (РП), грамот северо-западной и московской Руси XII–XIV вв. (ГВНП и ДДГ), Киевской (КЛ) и Галицко-волинской (ГВЛ) летописей по Ипатьевскому списку и Жития Андрея Юродивого (ЖАЮ). Данные исследованных текстов отчасти позволяют проследить возможные пути сближения императива буди с модально-служебными словами.

Императив от основы буд- зафиксирован в рассматриваемых памятниках в формах 2 и 3 л. ед. ч. в личных и безличных конструкциях. Все случаи употреб-

ления *буди* можно разделить на группы согласно значению интересующей нас формы.

1. *Буди* в императивном значении:

а) В собственно императивном значении: *ты ми буди въ отца место* 'ты мне будь (стань) вместо отца' [КЛ: 1149, 140];

б) В императивном значении с условным компонентом: *Онъ же ре^и сноу тако ти и гораздо готовъ боуди на переди иди* 'он же сказал: сын, так тебе и надо (сделать), если окажешься готов, иди впереди (раньше)' [КЛ: 126]; *буди похабъ мене дея и многа добра причастника тя сътворю* 'стань (окажись) юродивым ради меня, и сделаю тебя причастным многих благ' [ЖАЮ: 137–138].

В [Исаченко] показана близость императивных форм в условном сложно-подчиненном предложении к оптативным в независимом предложении. В приведенных примерах *буди* употребляется в синтаксически не обусловленных конструкциях и сохраняет значение побуждения. Отенок условности вносит контекст. Как кажется, подобные случаи употребления *буди* являются промежуточными между независимым в собственно императивном значении и синтаксически связанным в условном значении.

2. *Буди* в оптативном значении:

а) в собственно оптативном значении: *реки проклять ты боуди стоня и трясыся на земли* 'говоря: проклят ты будь, стоня и трясясь не земле' [ГВЛ: 254]; *Богъ буди за темъ и Святая Богородица* 'да будет за тем Бог и Святая Богородица' [№ 81 ГВНП];

б) В оптативном значении с оттенком долженствования (в формульной конструкции *не буди того (сего)* и в конструкции *буди* + инфинитив): *по праву ли се глотъ яко илия проркъ на колесници ездя гремить... стць ре^и не буди того* 'святой сказал: пусть не окажется так (не окажись/не случись так)' [ЖАЮ: 4332–4336]; *стць реч не буди ми того прияти тако члвчьска бо образа слнце не имело николиже* 'святой сказал: пусть не окажется, что я это принял таким (не случись мне это принять таким, т. е. согласиться с тем, что дело обстоит так)' [ЖАЮ: 5709–5710].

В оригинале ЖАЮ греческим соответствием *буди* в приведенных (б) и подобных контекстах является форма оптатива от глагола *ϋίνομαί* *рождаться, становиться, делаться*, что еще раз показывает, во-первых, историческую связь славянского императива с индоевропейским желательным наклонением, а во-вторых, особую модальность *окажется*, присущую основе *буд-*.

3. *Буди* в уступительном значении:

а) В собственно уступительном значении: *О ремьствънице. За ремьствъника... а за кормилца •ви• грвн и за кормилицю хотя си боуди холопъ или роба* 'О ремесленнице. За ремесленника... а за кормильца 12 гривен и за кормилицу, окажись она (хоть она окажется) или холопкой, или рабой/несмотря на то, окажется ли, что она холоп или раба' [РП: 4];

б) В функции разделительного союза: *А за все то взяти князю у Новагорода двенадцать тысячи серебра, буди Андрееве дети, буди Машко з детми,*

или Юрьи Калека и все талшицы [№ 11 ГВНП, 1316] ‘а за все то взять князю у Новгорода двенадцать тысяч серебра, будь то (окажись это) Андреевы дети, будь то (окажись то) Машко с детьми, или Юрий Калека и все заложники’.

Значение уступки у *буди* возникает, по-видимому, при наличии более чем одного подлежащего при интересующем нас глаголе и в контексте, в котором события главного предложения показаны как происходящие вопреки от событий в придаточном (ср. пр. (2.3.а): ‘окажется ли кормилица холопкой или рабой, все равно платить 12 гривен’). В подобных конструкциях синтаксическая связь между *буди* и именной группой может ослабевать, что приводит к потере согласования между указанными элементами (ср. *буди Андрееве дети*) и функциональному сближению императивной формы с разделительным союзом (ср. *буди Машко з детьми, или Юрьи*). Однако *буди* в (б) окончательно не теряет связь с глаголом, что проявляется в наличии модального значения ‘окажется’, вносимого основой, и дополнительного оттенка уступки, вносимого формой императива (ср. п. 2.3 а).

Данные памятников показывают, что в употреблении *буди* уже в древнерусский период выделяются контекстуальные модальные разновидности, развивающиеся на основе инвариантного значения основы *буд-* ‘окажется’ и, по-видимому, являющиеся производными от прямого императивного значения. Уже в древнерусский период намечается тенденция к сближению *буди* с разрядом служебных слов.

Литература

- Исаченко А.В. К вопросу об императиве в русском языке // Русский язык в школе. 1957. № 6.
- Мустафина Э.К. Способы выражения значения будущего времени в тексте Повести временных лет. Душанбе, 1984.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. М., 1977.
- Шевелева М.Н. Некнижные конструкции с формами глагола БЫТИ в Псковских летописях // Вереница литер: сборник статей к 60-летию В.М. Живова. М., 2006.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Житие Андрея Юродивого // Молдован А.М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Ипатьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Т. II.) М., 2001.
- Палеографический снимок текста Русской Правды по Новгородской кормчей книге XIII в. СПб., 1888.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 3. СПб., 2002.

Грамматическая норма письменного языка в представлении книжника XVII в.

Подшивалова Елена Александровна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

В частном собрании доц. МГУ Е.Ф. Васеко хранится рукописная книга XVII в., над которой работали не менее семи писцов. По существующей классификации [Костюхина и др.: 218–221] эта книга представляет собой сборник смешанного состава. В него вошли сочинение «Сын церковный», «Александр

рия», «Хождение Трифона Коробейникова», роспись сошного и вытного письма, родословие русских князей и первых царей Романовых и астрономическое сочинение, при этом «Александрия» и роспись списаны одной рукой.

Это достаточно редкий случай, когда в руках исследователя оказываются произведения настолько разных жанров, списанные одним человеком, поэтому представляется важным проследить, как реализовывались представления книжника о норме письменного языка при работе над этими текстами.

Оба текста достаточно объемны (66 и 40 листов соответственно), но они не дают равнозначного материала для исследования. Если «Александрия», текст, написанный на церковнославянском языке, – это непрерывная череда событий, и, следовательно, здесь масса глаголов в прошедшем времени, то роспись (сугубо деловой текст) – это перечень мер разной земли, что приводит к активному использованию прилагательных. Важно оговорить крайнюю лексическую ограниченность росписи.

Критерии книжности для текстов XVII в. выделены в научной литературе уже давно. Это система прошедших времен, причастия, звательная форма и формы двойственного числа, система адъективных флексий, обнаруживающих корреляцию $я-ѣ$, адъективное окончание $-аго/-ого$, форма показателя инфинитива, окончание личной формы глаголов 2 л. ед.ч. и ряд других. Однако в условиях отсутствия общепринятой грамматики единственным показателем маркированности формы является последовательность ее употребления в конкретном тексте [Гиппиус: 96]. В свете этих замечаний и будет рассмотрена морфологическая норма, представленная в «Александрии» и росписи сошного письма.

Если учесть содержание текстов, самыми показательными параметрами сопоставления оказываются флексии имен прилагательных и неличных местоимений род. п. ед. ч. и им.-вин. п. мн. ч. ж. р., вин. п. мн. ч. м. р., флексии род. п. ед. ч. м. и ср. р., а также инфинитивы.

Наиболее богатый материал характеризует употребление церковнославянских форм род.п. ед.ч. ж.р. на $-ья/-ия$, исконно древнерусских форм на $-ы ѣ/-и ѣ$ и их более поздних вариантов на $-ои/-еи$. В тексте «Александрии» соотношение этих форм составляет 41:8:0. В росписи же представлено обратное соотношение книжных и исконно древнерусских форм. Но здесь формы род. п. ед. ч. ж. р. на $-ы ѣ/-и ѣ$ не являются крайне левыми по терминологии А.А. Гиппиуса [Гиппиус: 99–100]; в отношении данного текста они занимают промежуточное положение на шкале книжности. Левый член оппозиции представлен разговорными формами на $-ои$, а итоговое соотношение выглядит как 3:78:37.

То же соотношение русских и книжных форм наблюдается в области употребления окончаний прилагательных род. п. ед. ч. м. и ср. р. В «Александрии» соотношение форм на $-аго$ и форм на $-ого$ составляет 60:15, в росписи же это соотношение представлено как 1:22. Можно говорить о том, что для писца этот параметр не относился к числу обязательных признаков книжного текста. Не считая того, что процент древнерусских форм в книж-

ном тексте достаточно велик, есть случаи, когда обе флексии оказываются в ряду однородных членов.

Третий признак, который может служить полноценным параметром сопоставления рассматриваемых текстов, – это форма инфинитива. Писец в этом вопросе был наиболее последователен, особенно при работе над «Александрией». Всего в этом тексте отмечено более 100 инфинитивов, и все они без исключения имеют показатель -ти. В росписи же нет 100%-ной выдержанности нормы, но абсолютное преобладание показателей инфинитива с отпавшей буквой гласного нельзя не заметить. Общее соотношение полных и редуцированных форм инфинитива составляет 8:36.

Система прошедших времен не может быть привлечена к анализу рассматриваемых текстов по причинам, названным выше. Заметим, что прошедшие времена в «Александрии» выстраиваются в сложную систему, включающую в себя формы аориста (1290), имперфекта (123), перфекта со связкой (58), л-формы (21) и формы плюсквамперфекта (12). В росписи было отмечено всего три контекста прошедшего времени, в каждом из которых для передачи идеи прошедшего времени используется л-форма.

Остальные признаки книжности рассматриваются только на примере «Александрии» (т. к. роспись не дает релевантных контекстов), и поэтому не могут служить материалом для сопоставления. Однако, несмотря на лексическую ограниченность делового текста, очевидно, что, писец осознал и пытался реализовать два типа нормы.

Проведенный анализ двух текстов, списанных одним писцом, показывает, что, хотя этот писец не был по-настоящему сведущим в вопросах грамматики, он все же имел представление о существовании различных типов текстов и их противопоставленности по грамматическим признакам и пытался реализовать эту противопоставленность в своей работе. Его неполная компетентность проявилась в слепом копировании тех элементов книжного текста, которые в XVII в. повсеместно подвергались замене (энклитические местоимения дат. п. и косвенные падежи местоимения *и, я, е*). Тем не менее, это лишний раз свидетельствует о том, что знал о существовании двух норм в рамках письменного узуса. Очевидно, что, работая над росписью, он придерживался другой нормы, отличной от нормы «Александрии» и более близкой его языковой компетенции и живой речи, хотя он и допускал единичные появления книжных форм на -ья и -аго.

Литература

- Гиппиус А.А. Система формальных признаков языка древнерусской письменности как предмет лингвистического изучения // Вопросы языкознания. 1989. № 2.
Костюхина Л.М. и др. Описание сборников // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей. М., 1973. Вып. 1. С. 218–221.

**Формы аориста с приращением в Рогожском летописце
в связи с текстологической структурой памятника**

Родионова Анна Владимировна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В настоящей работе рассматривается употребление форм аориста с приращением в Рогожском летописце (далее РЛ) в связи с его текстологической структурой.

Как показало исследование А.А. Пичхадзе [Пичхадзе: 129–146], выполненное на материале переводных памятников и ранних летописей, в восточнославянской диалектной зоне формы с приращением отсутствовали и употреблялись только в качестве индикаторов книжности. При этом разные глаголы показывают разную статистику употребляемости форм с приращением: «более-менее регулярно в летописях употребляются только формы *бысть* и *дасть*, от остальных глаголов формы аориста с приращением появляются лишь спорадически» [Пичхадзе: 134]. Применительно к РЛ наблюдение А.А. Пичхадзе о связи форм с приращением с книжными контекстами справедливо в отношении глаголов *снести*, *жити*, *зачати* и *пребыти*. С другой стороны, формы с приращением от глаголов *дати*, *яти*, их дериватов, а также от *начати* и *умрети* широко представлены как в церковнославянских цитатах и сюжетах из церковной истории, так и в основном повествовании, а потому их распределение по разным фрагментам текста представляется существенным текстологическим критерием.

В таблице представлено общее соотношение форм с приращением и конкурентных в разных текстологических слоях (подробнее о границах текста РЛ [Шахматов: 812–822], [Лурье: 22–23]). Форма *бысть* в подсчеты не включалась.

	Космографическое введение	А хронограф–6796	В 6796–6835	С 6836–6882	Д 6883–6920
Дати (6/2)	0/2	1/0	0/0	2/0	3/0
Предати (5/1)	0/0	1/0	1/0	2/0	1/1
Отдати (2/1)	0/0	1/0	0/0	0/0	1/1
Въдати (4/4)	0/1	1/0	0/0	2/0	1/3
Раздати (1/1)	0/0	0/1	0/0	1/0	0/0
Подати (2/0)	0/0	0/0	0/0	1/0	1/0
Яти (1/1)	0/0	0/0	0/0	0/1	1/0
Възяти (14/22)	1/0	11/2	1/1	1/8	0/11

<i>Прияти</i> (10/10)	1/0	1/0	1/0	4/2	3/8
Пояти (8/6)	3/0	1/0	1/0	2/3	1/3
Наяти (1/0)	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0
Заяти (1/0)	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0
Въсприяти (1/0)	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0
Снести (2/0)	2/0	0/0	0/0	0/0	0/0
<i>Начати</i> (12/27)	0/0	4/2	2/0	3/7	3/18
Зачати (1/0)	0/0	0/0	0/0	1/0	0/0
Распяти(ся) (1/1)	1/0	0/0	0/0	0/1	0/0
Пребыти (23/0)	0/0	2/0	1/0	3/0	17/0
Изъбыти (1/0)	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0
Събыти(ся) (2/0)	0/0	0/0	0/0	0/0	2/0
Жити (12/3)	12/3	0/0	0/0	0/0	0/0
Умрети (16/15)	12/0	4/5	0/1	0/5	0/4
Всего	32/6	30/10	7/2	22/27	35/49

Из таблицы видно, что общее количество форм с приращением по сравнению с конкурентными постепенно уменьшается. Однако разные лексемы по-разному представлены на разных участках текста. Так, дериваты глагола *быти*: *пребыть*, *изъбы(с)* и *събы(с)ся* наиболее употребляемы именно в части D, причем 8 примеров глагола *пребыть* приходится на 6885 год, под которым излагается история митополитов Алексея и Митяя.

Для дериватов глагола *яти* «всплеск» варианта с приращением приходится на часть A. Для нее характерны не употребляющиеся более в тексте формы *наятъ*, *заятъ*, *въсприятъ*; во фрагменте C отмечен ошибочный вариант *поястъ* [6873: 296 об], унифицированный по образцу *бысть* и *дасть*.

Форма *житъ* употребляется только в космографическом введении в формульных контекстах типа: «И *житъ* X *и летъ* и *умреть*». Форма *умрети* представлена в космографическом введении и части A; в последующих фрагментах текста сообщение о смерти в большинстве случаев выражалось аористом от глагола *преставитися*.

Глагол *начати* до фрагмента С употребляется только с приращением, а во фрагментах С и D вариант без приращения начинает доминировать. Синтаксического распределения форм *нача* и *начать* не обнаружено.

Глагол *дати* употребляется 8 раз, из них 6 раз – с приращением. Примеры с приращением есть во фрагментах А, С, D. Во фрагменте В эта лексема отсутствует. Соответственно, другой вариант встречается только в космографическом введении, и это унифицированный по тематическому типу вариант *даде*. Из дериватов глагола *дати* таким же образом унифицируются глаголы *въдати* и *раздати*: пример *въдаде* также фиксируется в космографическом введении [л. 249], *раздаде* – во фрагменте А [254об: 6370]. Древние варианты аориста без приращения используют глаголы *предати*, *о(т)дати*, *въдати* (*преда*, *вда*, *о(т)да*): все примеры (5 случаев) во фрагменте D.

Литература

[Рогожский летописец] – РГБ. Ф. 247. Рогожск. собр. № 253.

Лурье Я.С. Летописец Рогожский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Втор. пол. XIV–XVI в. Ч. 2. Л–Я. М., 1989.

Пичхадзе А.А. Южнославянские традиции в древнерусской письменности: приращение *-ть/-сть* в аористе // Вереница литер. М., 2006. С. 129–147.

Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.

**Жанрово-стилистическое функционирование
причастных конструкций в древнерусской гимнографии**

Рожкова Анфиса Владимировна

К.ф.н., Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

Синтаксическая роль причастия, а также формирование, развитие, употребление причастных конструкций в разножанровых древнеславянских памятниках письменности неоднократно рассматривалось как во фронтальных описаниях синтаксического строя, так и в специальных работах. До сих пор образцы древнерусской гимнографии не заняли какого-либо места в фактологической базе исследований. Последние создавались в рамках церковнославянского языка, сохраняющего тот «синтаксический профиль», который причастные обороты определяли в старославянском языке [Ружичка: 252].

Для синтаксиса рассматриваемых текстов характерно употребление как одиночного причастия, так и распространенных структур, в которых действительное причастие настоящего и прошедшего времени выступает с зависимыми словами. С одной стороны, такие конструкции могут выполнять роль развернутого определения, указывающего на признак, сопряженный с действием или состоянием прямого объекта, с другой – могут обозначать добавочное, дополнительное действие, сопутствующее основному, выраженному личным глаголом. В центре нашего внимания – причастные определительные структуры.

Действительное причастие как центральный компонент синтагмы имеет разное видо-временное оформление. В случае, когда причастие употреблено в форме настоящего времени, оно обозначает признак предмета или лица по дей-

ствию непрекращающемуся, постоянному. Этот панхронизм достаточно полно выступает при характеристике исполнителей, тех, кто прославляет: *град же и люди изми от всякого зла тебе поющих и превозносящихъ Христа вовѣки* [Пог. 434: 199об.]. Вневременной характер преобладает и при атрибутивно-процессуальной характеристике сакральных предметов, находящихся в одной хронологической плоскости с участниками литургии. Например, это мощи святого, обретению которого посвящены песнопения: *мощи различнаа исцѣленя истачающе вѣроуютъ ичимъ память его* [Пог. 434: 199–199об.].

Причастия второй группы, образованные от глагольных перфективных основ, используются только при атрибуции адресатов – Бога, Богородицы, святых. При этом актуализируется признак по действию, совершенному в прошлом, сопряженному с духовным прижизненным подвигом святого, что и является обоснованием для прославления, восхваления: *исповѣдавашиаго имя Иисусово предъ чловѣки, исповѣдуетъ тя Иисусъ предъ отцемъ своимъ на небеси <...>* [Минея: 297].

С другой стороны, при характеристике святых в рамках причастного оборота иногда происходит видо-временная трансформация признака, который определяется по действию, продолжающемуся и не прекращающемуся в момент речи. Выбор таких форм позволяет подчеркнуть значимость памяти о святом, преодолеть хронологический барьер между адресантами и воспеваемыми лицами: *кыми песньными добротами украсимъ пѣваемая Романа силу имущааго на страсти доблестьми* [Соф. 384: 72 об.].

Наполняемость причастной синтагмы, локализованная, как правило, после определяемого слова, составляет в среднем 3–5 членов. Последовательность их расположения в границах оборота строго не фиксирована, здесь наблюдается инверсия, которая выражается, в частности, в постановке причастия в середине и конце определительного ряда. Вероятно, подобное расположение стержневого слова конструкции объясняется ритмико-интонационным строением рассматриваемых текстов. Расширение определительного ряда происходит за счет распространения причастия и зависимых от него слов. Прилагательные внутри оборота выполняют роль эпитета, заключающего в себе художественно-образовательную и оценочную характеристику объекта: *къ вышнему житию вѣдущь смирениемъ и кротостю* [Пог. 434: 38]. При этом наблюдается постпозиция атрибута, несущего основную художественную и идейно-смысловую нагрузку. В структуре целого ряда причастных синтагм, заключающих в себе характеристику одного и того же сакрального адресата (или группы канонизированных лиц), можно выделить лексико-грамматические инварианты. Так, в описании Богородицы посредством причастной конструкции, самым устойчивым является действительное причастие прошедшего времени от глагола *родити* с характерными зависимыми словами, чаще всего поэтически номинирующими Христа в духе традиционной новозаветной символики: *рождѣшиа свѣтъ всему миру* [Пог. 434: 194].

Рассмотренные структуры несут существенную с точки зрения религиозного сознания информацию об объекте, способствуя созданию наиболее полного представления о нем. Стилистическая роль

полного представления о нем. Стилистическая роль определительного оборота заключается в его функционировании в качестве своеобразного развернутого эпитета, позволяющего полнее и ярче охарактеризовать объект, одновременно и подчеркнуть существенный атрибутивный признак, и восславить деятельное начало. Как правило, эта характеристика образно воссоздает духовный портрет святого. Тем самым определительная причастная конструкция участвует в реализации важной идейно-художественной задачи – возвышенной эстетизации образа канонизированного лица.

Литература

Ружичка Р. Греческие синтаксические заимствования в старославянском языке // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии: В 2 т. М., 1962. Т. 2. С. 251–252.

Миняя служебная. Авг. Московскаго 1807 года издания. (Киев): Во святой Киево-Печерской лавре, Сент. 1834.

[Пог. 434] – Трефолой (Сборник служб преимущественно русским святым). Сер. XVI в. [Соф. 384] – Стихирарь праздничный на крюках. 1156–1163 гг.

Источниковедческий анализ текстов древнерусских фальсификатов (на примере изучения «грамоты» Андрея Боголюбского 1159 г.)

Русакова Юлия Михайловна

Аспирантка Люблинского католического университета, Люблин, Польша

В современной историографии изучения процессов функционирования поддельных документов церковных институций одной из центральных проблем выступает необходимость исследования мотивов создания и использования текстов поддельной грамоты владими́ро-суздальского кн. Андрея Боголюбского (1159 г.). Научные интерпретации означенного вопроса позволяют выявить систему доказательств статуса ставропигии Киево-Печерского монастыря, а также методов реализации прав на указанный в фальсификате комплекс земельных владений.

Под термином фальсификат мы имеем в виду подделку существующего или несуществующего ранее документа, который признается современниками аутентичным. Подделка документа выявляется на основании анализа объектов дарования, способов засвидетельствования и других элементов. Таким образом, документ, который за внутренними и внешними признаками не отвечает своей эпохе, является произведением более позднего времени, а следовательно, – фальсификатом.

Дипломатическая достоверность этого фальсификата на современном этапе развития исторической науки не вызывает сомнений. Против подлинности текста свидетельствуют многочисленные анахронизмы, а также противоречия нормам делопроизводственного языка документов XII–XIII ст. Язык всех списков представляет смесь церковнославянского, украинского языков и польских диалектизмов XVI–XVII вв. Учитывая позднейшие текстовые наслоения, протограф документа невозможно отнести к XII–XIV вв. [Болховитинов]

Текст «грамоты» Андрея Боголюбского представлен в форме выписки из актов книг Константинопольской Патриархии. На основании изучения структуры списков «грамоты» 1159 г. выделены: 1) написанный от имени Константинопольского Патриарха Иеремии II Траноса (1572–1595 гг.) вступительный протокол, и 2) собственно фальсификат грамоты. В основной части документа представлена информация о пожаловании ряда привилегий (права ставропигии, именование «лавры» и статус архимандрии), а также отдельных земельных владений (в Киевском и Житомирском уездах Киевского воеводства).

Комплексное исследование фальсификата предусматривает проведение источниковедческого (палеографического, лингвистического и текстологического) анализа списков и является главным условием реконструкции истории текста. С помощью методов источниковедческой эвристики в архивных институтах и библиотечных коллекциях выявлено четырнадцать текстов конца XVII – середины XVIII вв. (на русском, украинском, польском языках). Происхождение такого значительного количества списков обусловлено процессами активного функционирования документа как источника для подтверждения прав собственности монастыря. На основании комплексного исследования текстов обосновано возникновение редакций и определена их последовательность

Изучение состава текстов документа позволило выдвинуть гипотезу о наличии двух редакций поддельной грамоты: Полной и Сокращенной (на основании критерия информативной насыщенности текстов). В *Полную редакцию* нами включено девять текстов, которые максимально приближены к Разрядному списку 1686 г. [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-з. Д. 10: 9–14]. Изменения в этой группе списков случайны. Вторая группа представлена единственным дефектным текстом – Акад-2 1720 г. [ИР НБУВ. Ф. 301. Д. 217/П: 428–433], содержащимся в рукописном сборнике документов на земельные владения Киево-Печерского монастыря – «Большой крепостной книге» 1720 г. [ИР НБУВ. Ф. 301. Д. 217/П]. В третью группу входит единственный текст [ИР НБУВ. Ф. 306. Д. 72, 1–7] – Лавр., который является генеалогически зависимым от Разряд. списка (1686 г.). Четвертая группа состоит из четырех написанных латиницей текстов (из архива Киевских униатских митрополитов), которые пребывают в генеалогической зависимости от списка Акад-1 [ИР НБУВ. Ф. 301. Д. 217/П: 91–109].

Сокращенная редакция также представлена единственным генеалогически зависимым текстом от списка Лавр.–2 1715–1729 гг. [ЦГИАК Украины. Ф. 128. Оп. 1–грам. Д. 1, 1–5]. Этот список содержит отличительную от всех других текстов информацию относительно границ владений Киево-Печерского монастыря. Результаты текстологического анализа засвидетельствовали первичность происхождения списков Полной редакции и их активное функционирование до пожара Лавры 1718 г. Отмечено стремление копиистов XVIII в. приблизить язык этих текстов к тогдашним нормам правописания (замена диалектного окончания на литературное, согласование падежей разных частей речи, исправления неправильных чтений текстового источника).

Анализ материалов судебных процессов показал, что указанные в «грамоте» земельные единицы выступали на протяжении XVI – середины XVII в. как традиционные владения Киево-Печерского монастыря. После присоединения Украины к Московскому государству наследниками прав на отмеченные в фальсификатах правобережные земельные владения обители стали Киевская (униатская) митрополия и светские владельцы. Заметим, что на месте владений киевских монастырей и Киевской православной митрополии, которые после 1686 г. сосредоточились на Левобережье, в пределах Правобережной Украины постепенно сформировались земельные комплексы католических и униатских церковных институций [Русакова].

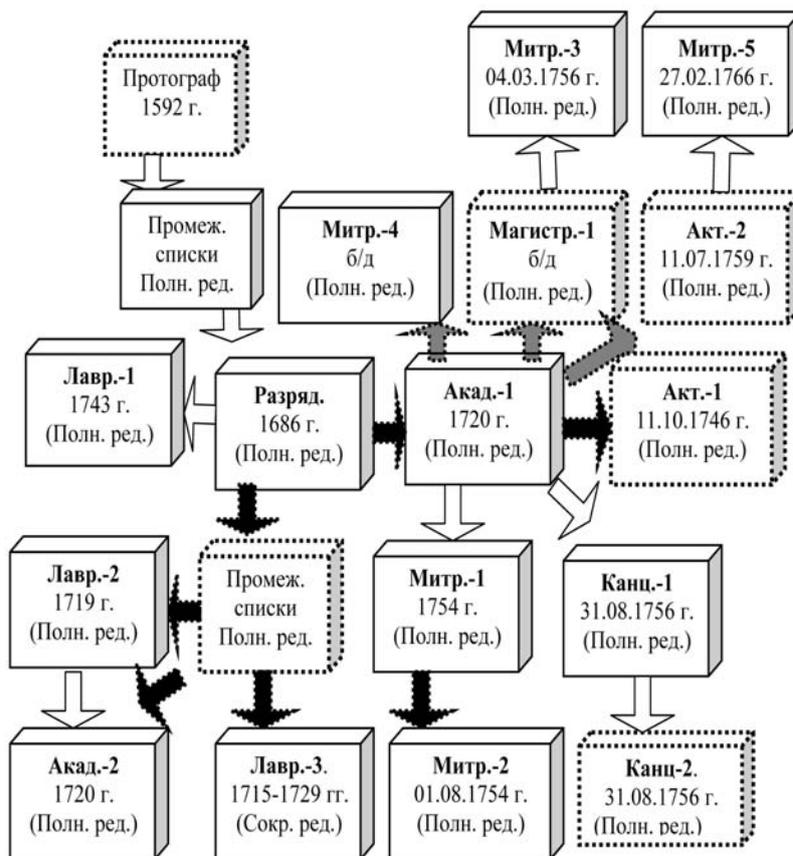
Результаты текстологического исследования обнаружены в стемме (схеме генеалогической зависимости списков). Отмеченная диаграмма, как система доказательств взаимосвязей между сохраненными текстами, позволяет осуществить историко-идеологическую оценку имеющихся в тексте изменений и реконструировать состав протографа.

Подводя итоги, отметим, что исторические манипуляции с источниками традиционно выступали инструментами идеологического влияния и появлялись вследствие определенных общественных процессов. Поскольку восприятие поддельных текстов социумом зависело прежде всего от развития археографических и исторических знаний, тексты фальсификата на протяжении веков функционировали как аутентичные. Возможность появления таких текстов в монастырской среде обусловлена, в первую очередь, стремлениям «заказчиков» получить определенные материальные выгоды, а так же защитить собственные земельные права. Фиксация поддельных документов Киево-Печерского монастыря в форме облят в актовых книгах судебно-административных учреждений гарантировало их общегосударственное признание и обеспечивало долгосрочное функционирование как аутентичных текстов.

Литература

- Евгений [Болховитинов], митр. Описание Киево-Печерской Лавры с присовокуплением разных грамот и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер. Киев, 1847.
- Русакова Ю. Фальшована грамота кн. Андрія Боголюбського 1159 р.: спроба комплексного аналізу списків документу // Просемінарій: Медієвістика. Історія Церкви, науки та культури. Вип. 6. Київ, 2007. С. 228–301.

Реконструкция истории текста «грамоты» Андрея Боголюбского
(1159 г.)

Условные обозначения:

 — текст несохранившегося списка.

 — возможные пути создания списка.

**Процессы словообразования прилагательных и существительных
в текстах «Вестей-Курантов» 1600–1639 гг.**

Седова Анна Евгеньевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Тексты газет, получившие название «Вести-Куранты» (далее ВК), являются памятником XVII в., в котором представлены переводы текстов, посвященных наиболее важным европейским событиям того времени.

В работе с помощью основных теоретических положений разработанных современными лингвистами, исследован определенный этап эволюции русского словообразования, рассмотрены и систематизированы морфонологические тенденции, возникающие при образовании относительных имен прилагательных (далее – прил.) и имен существительных (далее – сущ.) со значением «народность» преимущественно от собственных имен сущ., обозначающих географические наименования и являющихся заимствованными словами.

На основании материалов ВК была выделена определенная закономерность, которая состоит в том, что при образовании всех относительных прил. от сущ. используется суффиксальный способ словообразования. В абсолютном большинстве примеров прил. образуются при помощи суф. *-ск-* (свыше 90% случаев), но также единично встречается и суф. *-ов-* (2 примера: *Арньгеимъ* → *арньгеим-ов-ои*, *Ариугабуишъ* → *ариухабуиш-ов-ои*).

Все производные прил. в текстах ВК относятся к одному из двух словообразовательных типов, которые могут быть представлены схематично: 1) основа сущ. + суф. *-ск-*; 2) основа сущ. + суф. *-ов-*.

Внутри первого словообразовательного типа можно выделить три группы в зависимости от того, чем выражена производящая основа: 1) суф. *-ск-* + сущ., обозначающее собственно географическое наименование (*Прага* → *прагскои*); 2) суф. *-ск-* + сущ. со значением лица, народности, жителя какой-либо местности (*греки* → *греческои*); 3) двойная мотивация производящей основы (*Португаль* → *португалскои*, *Португалия* → *португалскои*).

Что касается производных сущ. со значением лица (житель, народность), то они образованы от сущ. в основном с помощью суф. *-ан(-ян-, -ен-)* для множественного числа и *-анин(-янин-, -енин-)* для единственного числа; также в текстах ВК были обнаружены примеры сущ. с суф. *-ец(-и-)* (2 раза – *амбурец*, *голландец*, 3 раза – *зеландцы*, *ирландцы*, *недерляндцы*) и *-як-* (1 раз – *поляк*).

Все производные сущ. относятся к одному из трех словообразовательных типов, которые могут быть представлены схематично: 1) основа сущ. + суф. *-ан(-ян-, -ен-)/-анин(-янин-, -енин-)*; 2) основа сущ. + суф. *-ец(-и-)*; 3) основа сущ. + суф. *-як-*.

В зависимости от того, чем выражена производящая основа, внутри первого словообразовательного типа можно выделить две основные группы: 1) суф. + сущ.

обозначающее географическое наименование (*Бургундъ* → *бургунд-енин-ъ*);
2) суф. + сущ. со значением лица, народности (*грек-и* → *греч-ен-я*).

В основном при суффиксальном образовании прил. и сущ. никаких сопутствующих процессов не выявляется, то есть происходит стандартное присоединение основы и суф.: *Александрей-а* → *александреи-ск-ои*; *Веницей-а* → *веницейн-е*.

Также в текстах можно выделить ряд примеров, в которых представлены такие процессы, как грамматически позиционные чередования, наложение, усечение и интерфиксация, а также ассимиляция и фонетические чередования:

1. Чередования. При образовании производных прил. и сущ. были выявлены следующие грамматически позиционные чередования: а) чередования согласных в морфах на морфемном шве: л'/л *Касель* → *касел-ск-ои*, р/р' *Амбуръ* → *амбур-ец-ъ*; б) чередования гласных «внутри» корневых морфов: гласный/нуль звука *Литв-а* → *литов-ск-ои*.

Также можно выделить чередования, связанные с определенной графической вариативностью, характерной для данных текстов: *Мекеленбургъ* → *мекеленбур-ск-ои* / *мекелбурх-ск-ои* / *мекелбург-ъск-ои*.

При наличии в текстах написания производящего сущ. с глухим согласным *к* перед гласным (*из Мекеленбурку*), в первом графическом варианте производного прил. утрачен конечный согласный производящей основы перед суффиксом *-ск-*. Написание *х* во втором варианте производного прил. определяется варьированием произносительных норм писцов, обусловленное появлением большого числа заимствований из немецкого языка. Звонкий согласный *г* перед суффиксом *-ск-* в основе прил. восстанавливается единично.

В случае *Зелант* → *зелан-ц-ы* на конце производящей основы представлен глухой звук «т», который в наибольшем числе примеров употребления сущ. находится в позиции перед гласным (*в Зеланте*). Нужно отметить, что в текстах есть единичный пример написания данного сущ., в котором согласный *т* утрачивается на конце слова перед паузой (*воиско вести а в Зелан*). Аналогичным образом в производной основе согласный *т* не сохраняется перед суф. *-ц-*, то есть происходит процесс выпадения одного согласного внутри группы согласных.

В этих чередованиях отражаются не только орфографические, но и фонетические особенности производящей и производной основ.

2. Наложение. В текстах ВК представлено собственно наложение как словообразовательный процесс: *Гдан(е)ск-ъ* → *Гданск + ск + ои.* → *гданск-ои*.

Однако не было обнаружено ни одного примера словообразования сущ., связанного с данным процессом.

3. Усечение: *Иипане-я* (*В Иипане-е*) → *иипан-ск-ои* (усечение *-еј-*); *Полш-а* → *пол-як-ъ* (усечение *-ш-*). Как видно из примеров, усечение производящих основ может сопровождаться чередованием твердого и мягкого согласного внутри корневых морфов: *н'/н* и, возможно, *л'/л'*.

4. Интерфиксация. В текстах ВК было обнаружено семь примеров словообразования прил., связанных с процессом интерфиксации. Наиболее продуктивным является интерфикс *-ен-*, который был использован при образовании четырех прил. (*Вестъфаль*→ *вестфаленский*, *Гравенгаг-а*→ *гравенгагенский*, *Палець*→ *пальценский*, *Улмъ*→ *ульменский*). Единично был использован интерфикс *-ан-* (*Африк-а*→ **<африкане>*→ *африк-ан-ск-ои*), *-о-* (*Лилль*→ *лил-о-ск-ои*). В текстах также имеется ряд примеров словообразования сущ., в которых единично встретились интерфиксы *-ит-* (*Неаполь*→ *неапол-ит-ан-е*), *-ер-* (*Улмъ*→ *Улм-ер-ан-а*), *-ч-* (*Шкот-ы*→ *шкот-ч-ен-я*).

5. Фонетические процессы (ассимиляция, чередования). Материал изучаемых текстов выявил случаи вариативного написания производных прил., процесс образования которых сопровождается такими фонетическими процессами, как ассимиляция, фонетические чередования: *Лаузниць*→ *лаузницк-ои/лаузнитск-ои/лоувзниццк-ои*.

Таким образом, можно сделать вывод, что уже в XVII в. при образовании производных сущ. и прил. суффиксальным способом, имелись те же процессы, сопровождающие образование новых слов, что и в современном языке.

Литература

Тарабасова Н.И., Демьянов В.Г., Сумкина А.И. Вести-Куранты. 1600–1639 гг. М., 1972

Отадъективные субстантиваты со значением лица в тексте Путятиной минеи

Турцова Евгения Дмитриевна

Студентка Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина, Казань

Словообразовательная система древнерусского языка, унаследованная из праславянского, претерпевает в XI–XII в. значительные изменения. Специализация каждого конкретного суффикса в сфере адъектива или субстантива, связанная с распадом синкретичного имени, приводит постепенно к четкому противопоставлению имен. Однако параллельно развивается и другая тенденция, связанная с семантическим словообразованием. Это, прежде всего, субстантивация адъективов как новый способ номинации предмета, лица и абстрактных понятий по некоему выделенному признаку. В данной работе мы остановимся на образованиях, мотивированных адъективами, главным образом на образованиях со значением лица. Эту лексическую группу интересно рассмотреть именно на материале текста минеи, так как в центре внимания здесь всегда оказывается духовное лицо, то есть при отсутствии событийности, вообще сюжета, смысловая сторона текста держится на выражении отношения к жизни святого, его личности.

Несмотря на то что святые являются центральными фигурами текста, автор часто абстрагируется от их конкретных поступков, давая целостную характеристику духовного лица. Таким образом, создается некий отвлеченный образец святости. Так, например, образования *блаженъ*, *достославьнь*, *преподобьнь* и др. называют совершенно разных лиц (*исакии*, *еладии*, *мокии*, *симеон* и др.)

и не имеют отнесенности к кому-то конкретному и к тому же выступают часто во множественном числе, то есть выражают некое обобщенное качество. Конкретно-личностные характеристики также встречаются в тексте (например, *богословеснь* – Иоанн Богослов), но редко и не могут создать четкой картины в связи со сравнительно небольшим объемом текста, если рассматривать его относительно определенных святых, то есть каждый канон отдельно.

Особую группу представляет собой лексика, обозначающая некие совокупности людей. Здесь можно выделить 2 вида образований: образования, коннотированные отрицательно (*безаконьнии, нечестивии*) и немаркированные (*земнии, немудрыи*). Маркированность непосредственно связана с лексической семантикой слов. Группу немаркированных образований составляет общность людей, как правило, противопоставлены святым, но без негативной оценки. Так, например, *немудрыи* в тексте не имеет отрицательной коннотации, однако благодаря игре слов – приему употребления рядом однокорневых слов (*figura etymologica*) автор очень четко выделяет святого как носителя божественного дара – мудрости – и отсутствия ее у простых людей: *богомудре еутухие жилами премудрыими словесъ твоихъ оудиви немудрыя* [125: 3–7].

Несколько особняком стоят образы Христа и Богородицы – способы номинации лица здесь довольно устойчивы, постоянны. Так, номинация Христа часто носит промежуточный характер, что, по-видимому, связано с его двойственной природой. С одной стороны присутствуют характеристики, совпадающие с характеристиками святых, даже в пределах одного контекста: *святымъ святаго (Христа) на святыхъ почивающааго свято родила еси* [67 об: 11–14]. С другой стороны, есть множество образований, употребляющихся в тексте только по отношению к Иисусу, они выделяют его как личность божественную и уникальную: *милосърдъ, милостивъ* и др.

Еще более четко эту каноничность способов номинации представляет в тексте образ Богородицы. В Путятиной минее отмечено 11 отадективных субстантивов, называющих Богоматерь. Причем 9 из них (*браконеискоуьсна, благая, богоневестная, пренепорочьная, пречистая, богоблагодатьная, богоблагодетьная, чистая*) используются в тексте только по отношению к ней, тогда как большинство субстантивов, называющих святых, как уже отмечалось, не имеет отнесенности к кому-либо конкретно. Это говорит как о том, что образ Марии в рассматриваемом тексте довольно статичен: автор, по-видимому, пользуется уже сложившимся каноном – набором эпитетов, относящихся к Богородице, не решаясь выйти за его рамки, так и об авторском стремлении сделать ее номинацию безошибочно узнаваемой. Вторая причина особенно актуальна, так как нередко Богородица появляется в богородичне без прямого указания на ее личность и изначально предстает как лицо, характеризующееся каким-либо признаком.

Следует также обратить внимание на жанрово-стилистическую принадлежность рассматриваемого памятника. Текст церковный, книжный и мало отражает разговорную речь. К тому же служебная минея – жанр гимнаграфичес-

кий, что объясняет образность, метафоричность текста, его насыщенность эпитетами, разноспособными и разнохарактеризующими номинаторами лица. В минее характеристика лица направлена главным образом на внутренние духовные качества святого либо божества. Это обуславливает количество субстантиватов в Путятиной минее, их связь с адъективностью. Причем со значением лица субстантиватов в тексте отмечено почти в 2 раза больше, чем суффиксальных образований, мотивированных прилагательными.

Обобщая сказанное, можно сделать некоторые предварительные выводы о функциональной значимости субстантиватов в тексте служебной минее:

1. Многие субстантиваты, закрепляясь за определенным лицом, создают своего рода канон и специализируются на употреблении лишь по отношению к этому лицу.

2. Отадъективные субстантиваты вступают в отношения синонимии с другими способами номинации лица: суффиксальными субстантивами и адъективно-субстантивными сочетаниями и часто оказываются предпочтительнее в тексте минее для обозначения лица.

3. Сложность отношений субстантиватов, адъективов и субстантивов отражает древнее состояние именной недифференцированности.

4. Гимнографическая установка писца реализуется, прежде всего, на лексическом уровне благодаря предпочтению маркированных субстантиватов нейтральным суффиксальным образованиям.

Выражение пространственных отношений предложно-падежными конструкциями в приказном языке XVII века

Хомяков Юрий Александрович

Аспирант Московского государственного университета им М.В. Ломоносова, Москва

Приказный язык был языком деловой переписки и нормативных актов. Дьяки (специально обученные писцы) занимались составлением административно-правовых документов. Предметом исследования послужили тексты, посвященные «ведовским процессам» XVII в. Эти тексты представляют собой «расспросные» речи «колдунов» и «ведьм». В памятниках часто встречаются предложно-падежные конструкции, выражающие пространственные отношения.

Пространственные отношения рассматриваются как обозначение местоположения предмета в пространстве, места, куда или откуда направлено перемещение предмета (связанное с достижением определенного локума или отделением от него), признака (как выражение локума). Все пространственные отношения разделяются на соппространственные и несопространственные. Соппространственные – это те, где локум полностью или частично занят локализуемым предметом. При несопространственных отношениях пространство не заполняется локализуемым предметом.

В документах «ведовских процессов» все значения предложно-падежных конструкций, выражающие пространственные отношения по отношению локума и предмета, можно подразделить на соппространственные и несопространственные.

Выделяются две основные группы предложно-падежных конструкций.

Значение первой группы можно охарактеризовать как несопространственное, т. е. обозначение места отправления, исхождения. Выражение этого значения в основном связано с предлогами *от, из, с*: *А съ Костромы пришла она к Москве и на Москве живет лет с 13*. Также встречаются примеры со значением признака, выражающего значение места исхождения: *Истивши той травы, стали вне ума*.

Исследуемые тексты о «ведовских процессах» предоставляют также обширный материал предложно-падежных конструкций с предлогом *к, до* с несопространственным значением: *И потом приведен был к Москве*.

Значение второй группы предложно-падежных конструкций можно определить как соппространственное. Это значение собственно места, где совершается действие. Это соппространственное значение предложно-падежных конструкций обнаруживается в сочетании имен существительных с предлогами *на, по, в*: *а жил на Москве недель съ пять, И по пирамь и по беседамь она Дарья везде похваляется, что она такь нарочно сделала*.

Явления интерференции в «Парижском словаре москвитов»

Чурляева Татьяна Анатольевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Вопрос о статусе разговорного языка в Московской Руси XVII в. был и остается спорным. Пособия по русскому разговорному языку, написанные иностранцами, являются ценным материалом для его исследования.

«Парижский словарь москвитов» (1586), составленный Жаном Соважем или купцами Коласом и Дю-Ренелем, является богатейшим источником не только для истории русского языка, но и для изучения торговых отношений с другими странами, а также бытовой культуры Руси XVII в.. «Парижский словарь москвитов» – один из самых ранних и ценных источников русской народно-разговорной речи XVII в.

Словарь записан непосредственно со слов холмогорских и московских купцов и приказных (дьяка-толмача, стрелецкого головы или сотника). Кроме словаря, есть еще отчет Соважа. и деловой разговорник. Диктовал русские фразы сперва толмач, а позже записывали и со слов купцов: автором словаря был образованный и одаренный острым слухом француз, а не русский, знакомый с французским языком. Составитель записывал с голоса нужные ему слова и фразы.

Словарь содержит 620 строк-статей с французскими словами и короткими предложениями. Они помещены в левой части страницы, а в правой даны русские переводы, транскрибированные латиницей с опорой на нормы французского языка. Значительная часть словаря москвитов состоит из ответов на вопросы, объединенных в тематические группы, отвечающие нуждам торговли и официальных сношений.

Учитывая то, что словарь был «записан с голоса», в тексте можно найти отражение влияния французского языка при записывании русских слов, т. е. факты интерференции: например, неверное деление фонетического слова (фонетическая интерференция): *la fequa* – *lafequa* (лавка); *ze quolqua* – *zequolqua* (заколка); ошибки, возникшие вследствие перестановки слогов: *petinza* – *petniza* (пятница); *zafetaquait* – *zafetraquait* (завтракает); отсутствие во французском языке звуков [x] и [ы] привело к различным способам их обозначения в словаре: *seviettay* (цветы); запись по немецкому способу: *boch* (бог); уподобление фр. «h»: *dochor* (доктор); отождествление с [x]: *clieba* (хлеба); применение буквы *g*: *guaroch* (хорош); внутренний *j* обозначался, как и палатализация, посредством *i, y*: *copyo* (копье); *ladya* (ладья); *pissanye* (писание); *roydou* (пойду); *soudia* (судья); *moya* (моя); *ryan* (пьян); *platya* (платья); *saften* (сафьян).

Явления интерференции в учебных пособиях для иностранцев подтверждают тезис о том, что в начале XVI в. возрастает интерес к русскому языку. Появляются азбучники с отражением чужой разговорной речи. Эти словари-разговорники записываются на Руси «с голоса», что представляет особую ценность: они важны для изучения разговорной речи, позволяют воссоздать картину русской духовной и материальной культуры того времени.

То вѣси ли, что ти днесъ хочеть быти? (Семантика конструкций «хочю + инфинитив» в языке древнерусских летописей)

Юрьева Ирина Сергеевна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Семантика глагола *хочю*, наряду с *имамь* и *начьноу*, в составе так называемого «сложного будущего первого» привлекала внимание многих исследователей XIX и XX вв., причем признавалась возможность как сохранения глаголами своего лексического значения, так и употребления их исключительно во вспомогательной функции. Мысль о том, что *имамь*, *хочю* (*хоцю*) и *начьноу* в древнерусском языке никогда не были чисто вспомогательными, впервые прозвучала у П.С. Кузнецова [Кузнецов: 235] и была разработана в трудах Г.А. Хабургаева и его учеников.

Помимо того, *хочю*, как и другие «вспомогательные» глаголы, в конструкциях «прошедшее время + инфинитив» и «причастие + инфинитив» реализует те же значения, что и в инфинитивных сочетаниях с формами презенса. Таким образом, все эти значения, по всей видимости, являются самостоятельными.

Кроме значений желания и намерения, свойственных и современному русскому *хотеть*, древнерусский глагол *хотѣти* мог вносить в инфинитивные конструкции значение долженствования. Здесь не просто выражается проявление личной воли, а подчеркивается, что субъект считает себя должным поступить так, а не иначе.

Значение долженствования у *хочю* в древнерусских летописях представлено как в формах презенса: *а хочемъ* (хотим = считаем своим долгом) *за отца твоего ч(ес)ть и за твою головы своя сложити* (Киевская летопись по Ипатьевскому списку – далее КЛ, под 1153 г.); *Дмитрии же отречеся, тако река: «не хочю* (не хочу = мне совесть не велит) *взяти стола передь стрьемъ своимъ»* (Новгородская Первая летопись по Синодальному списку – далее НПЛС, под 1270 г.) – так и в формах прошедшего времени и причастий, например: *С(вя)тославъ же не хотяше* (не хотел = считал неправильным) *отступити от оуя своего Изяслава, но неволю ѣха строя своего дѣля С(вя)тослава Олговича* (КЛ, под 1149 г.); *онъ же иде к Торжъску в волость и(хъ) и не хотяше* (не хотел = считал неправильным, недолжным) *взяти города, бѣша бо обѣщалися дань дати ему Новоторжъци и не оуправиша* (Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку – далее СЛ, под 1178 г.); *Князь же великъи Василеи не прия его, не хотя измѣнити* (не желая изменить = считая своим долгом не изменять) *Витовту* (Московский свод конца XV в., под 1404 г.).

Еще одно значение, реализуемое глаголом *хотѣти* в сочетаниях с инфинитивом, – значение ‘быть близким к чему-либо’.

Это значение встречается и в современных русских диалектах, ср., напр.: *вѣиш, лукъ уш хѣч от гѣбнутъ* (т. е. ‘лук, по всем признакам, гибнет’, так как перья желтеют); *дѣнь хѣчет бытъ хорбишим* (т. е. ‘по определенным приметам день, скорее всего, будет хорошим’) [КАОС]. Перечисленные диалектные употребления аналогичны тем, которые обычно приводятся как примеры значения «будущего времени» у *хотѣти* в сочетаниях с инфинитивом, ср., например, в словаре И.И. Срезневского (в числе примеров использования *хочю* как вспомогательного глагола): *негодно н(ы)не, веснѣ ити, хочемъ погоубити смерды и ролью имъ* [Срезневский: 1392] – ‘не стоит (негоже) сейчас, весной, идти (в поход), [ведь] мы, по всей вероятности / должно быть, погубим крестьян и их пашню’ (так как копытами коней можно затоптать пашню). Как мы видим, это одно и то же значение.

В качестве подлежащего при инфинитивной конструкции с *хотѣти* в рассматриваемом значении может выступать существительное, обозначающее явление или неодушевленный предмет – например, *погыбель, пагуба* (см. ниже). Видимо, именно эти особенности позволяли исследователям характеризовать глагол в таких конструкциях как чисто вспомогательный (см., например: [Буслаев: 133], [Срезневский: 1392]); но при ближайшем рассмотрении выясняется, что это не так. Возможность употребления в подобных контекстах в качестве подлежащего существительных, обозначающих не только людей, объяснялась проявлением антропоморфности древнего сознания [Шимчук: 64].

Таким образом, на базе древнейшего значения «желания» явления или вещи развивается значение близкой возможности.

Это значение не связано с проявлением воли субъекта. По словам А.А. Потебни, здесь «совершился...переход от воли и намерения к близости самого события» [Потебня: 369]. В предложениях, содержащих конструкции с таким значением *хочю*, указывается на предопределенность явлений и событий, близкую возможность ситуации.

В тексте летописей инфинитивных сочетаний с таким значением немного, в основном они встречаются в ранних чтениях. Чаще всего в них представлен глагол *быти*, например: *И рече Глѣбъ: «То вѣси ли(!), что ти днесъ хощеть быти (собирается случиться)?»* (Новгородская Первая летопись по Комиссионному списку, под 1071 г.), – ср. с той же конструкцией в прошедшем времени и с причастием: *И дьяволъ радоваишеся сему, не вѣдъши, яко близъ погыбель хотяше быти ему* (там же, под 983 г.); *в тре(хъ) бо ц(ь)рквахъ Новгородскихъ плакала на тре(хъ) икона(хъ) С(вя)тая Б(огороди)ца, провидѣши бо М(а)ти Б(о)жия пагубу, хотящую быти надъ Новымъгородо(мъ) и надъ его волостью* (СЛ, под 1169 г.; ср. такой же контекст в КЛ под 1173 г.). Встречаются конструкции и с другими инфинитивами, например: *и нагъя одѣвая, трудныя покая, оумрети хотяща (собирающихся, готовых вот-вот умереть) зимою согрѣвая* (СЛ, под 1218 г.).

В этом значении особенно редки сочетания с *хотѣти* в формах прошедшего времени и причастий. По всей видимости, в этих формах рассматриваемое значение глагола рано перестало реализовываться. Формы же настоящего времени глагола *хотеть* в сочетаниях с инфинитивом со значением близкой возможности в северных говорах сохранились до сих пор (см. примеры выше). Видимо, сфера реализации этого значения со временем сужается, и оно становится связанным только с формами презенса глагола *хотѣти*.

По данным типологии, именно на базе значения близкой возможности может произойти грамматикализация показателей будущего времени (см.: [Плунгян: 317]). Именно такая грамматикализация произошла в большинстве южнославянских языков – болгарском, македонском, сербском (ср., напр., болг. *ще пиша / ще напиша* = ‘буду писать’ / ‘напишу’).

В древнерусском языке подобной грамматикализации не произошло. Инфинитивные сочетания с глаголом *хочю* так и не стали морфологической формой будущего времени, хотя такая тенденция (имевшая, очевидно, праславянские корни) явно наблюдалась.

Литература

- Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1881. Ч. I. Картотека Архангельского областного словаря (КАОС).
Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888.
Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка: В 3 т. СПб., 1901–1903. Т. III.

Шимчук Э.Г. Русские модальные глаголы в диахронии // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2001.

ЭТИМОЛОГИЯ

История слов с корнем **kostr-* в русском и других славянских языках

Ефимова Анна Владимировна

Аспирантка Пермского государственного университета, Пермь

В настоящей работе рассматривается история продолжений праславянского корня **kostr-* в русском и других славянских языках.

Согласно ЭССЯ праслав. **kostra* является словом с двойной мотивацией: со стороны глагола **česati* с одной стороны и со стороны существительного **kostь* – с другой [ЭССЯ: 159]. В свою очередь, и **česati*, и **kostь* восходят к общему индоевропейскому корню **kes-* ‘резать, бить, колоть’ [Мельничук: 196, 235]. Исходным значением праслав. **kostra* было ‘жесткие частицы льна или конопли, превращающиеся в отходы при трепании, чесании’, это значение сохранилось и по сей день в большинстве славянских языках (рус. *костра*, диал. *кострика*, *кострица*, *костеря*, *костерь*, укр. *кістриця*, *костриця*, блр. *кастрыца*, польск. *kostra*, *kostrzyca*, чеш. *kostra*, *košťava*). Кроме того, возникло множество новых слов с продолжениями праслав. **kostr-*, имеющих иные значения.

В лексике славянских языков с продолжениями праслав. **kostr-* можно условно выделить несколько семантических групп: «Растения и их части», «Рыбы», «Человек и свойства его характера».

К наименованиям растений относятся рус. *костер* ‘Bromus, растение семейства злаковых’, рус. диал. *костер* ‘растение Phragmites Communis, тростник’, *костера* ‘растение Arpea Adans, метлица’, *костерь*, *костеря* ‘растение Festuca elatior, луговая овсяница’, *костерьма* ‘солома’ и др. Укр. *костриця* и блр. *кастрыца*, как и польск. *kostrzewa*, словацк. *kostrava*, сербохорв. *кострба*, относятся к названиям овсяницы, болг. *кострява* – название лисехвостника лугового, Alopecurus pratensis. У всех растений, называемых словами с корнем **kostr-*, есть общий отличительный признак – наличие соцветия-метелки, что позволяет нам говорить о том, что возникновение у слов с продолжениями праслав. **kostr-* указанных значений связано с переносом наименований жестких частиц льна на семена сорных растений, попадающие во ржи (ср. рус. диал. *костеристая* (рожь) ‘с примесью сорной травы Bromus’, *костериха* ‘каша из ржаной крупы’), а далее – на сорные растения с соцветием-метелкой. Среди названий растений с корнем *костр-* особняком стоят русские диалектные наименования крапивы – *кострива*, *кострыка*, возникновение которых связано, вероятно, с наименованиями колючих частиц прядильных растений (на основе семы ‘колоть’).

К числу названий рыб с продолжениями праслав. **kostr-* относятся сербохорв. *кѡстреш* 'окунь', болг. *костреж* 'окунь', польск. *kostera* 'осетр', *kostryż* 'окунь', укр. *коструш* 'окунь, ерш', рус. *костера* 'мелкая неполовозрелая стерлядь', *костеря*, *костерка* 'молодой осетр', *кострик* 'ерш'. Возникновение названий окуня и ерша с корнем **kostr-* в южнославянских языках связано с такими словами, как макед. *костреши се* 'ерошиться, щетиниться, топорщиться', сербохорв. *кѡстреш* 'все взьерошенное, ощетиненное', укр. *кострубатий* 'косматый, взьерошенный, вихрастый', *костричитися* 'ершиться, хорохориться', чеш. *kostrbaty* 'корявый, шершавый', словацк. *kostrbaty* 'неровный', польск. *kostropaty* 'шершавый, шероховатый', блр. *каструбаваты* 'шершавый, шероховатый' и др. Эти слова, как нетрудно заметить, восходят все к тому же праслав. **kostra* 'отходы от трепания льна'. Образования вроде болг. *костреж*, сербохорв. *кѡстреш* 'окунь' являются типичным южнославянским элементом [ЭССЯ: 160]. Названия молодых и мелких рыб семейства осетровых в русском языке связаны с восприятием такой рыбы как «сорной» по отношению к крупным особям (ср. рус. диал. *оческа* 'мелкий, молодой осетр'), а также с переносом 'жесткие частицы стебля растений' > 'жесткие наружные шипы осетровых рыб' (с вероятной вторичной мотивацией со стороны слова *кость*). Кроме того, на возникновение номинаций осетровых с корнем *костр-* в русском языке могло оказать влияние созвучие слов *осетр* и *костер*.

Семантическая группа «Человек и свойства его характера» в русском языке представлена такими словами, как *костерить* 'ругать, бранить', *костеря* 'неуживчивый, задиристый, бранчливый человек', 'задира, ругатель', *костерливый* 'бранчливый, ворчливый (о человеке)'. К этой же группе относятся укр. *кострубатий* 'косматый, взьерошенный, вихрастый', *костричитися* 'ершиться, хорохориться', *кострубачити* 'ерошить, косматить', а также макед. *костреши се* 'ерошиться, щетиниться, топорщиться', сербохорв. *кѡстреш* 'все взьерошенное, ощетиненное', *кѡстреба* 'злая, сварливая баба', болг. *кастрия* 'бранить, ругать, отчитывать', *кощрева*, *коштрева* 'вспыльчивый человек', польск. *kostropaty* 'шероховатый (например, о языке)', словацк. *kostrnatý* 'облезлый', чеш. *kostrba* 'взьерошенная голова'. Из перечисленных примеров видно, что лексика с корнем **kostr-* может относиться не только к внешним характеристикам человека (здесь налицо аналогия 'соцветие-метелка' > 'лохматый, взьерошенный'), но и к свойствам его характера (в этом случае мы имеем дело с переносом 'грубый, засоренный кострикой лен' > 'грубый, задиристый, неуживчивый человек'), и даже к поступкам, действиям человека (как в случае с глаголом *костерить*, который в говорах имеет также значение 'трепать, крошить, сорить').

Помимо общих и схожих между собой слов в различных славянских языках, разумеется, есть и образования, свойственные лишь одному языку. К таковым относятся, например, рус. *кострива* 'крапива', сербохорв. *кѡстрѣт* 'козья

шерсть», макед. диал. *коитерица* ‘вид змеи’, блр. *кастрычнік* ‘октябрь’ (калька с польск. *pazdziernik*), словацк. *kostrbaty* ‘ухабистый’ и др.

На основе анализа слов разных славянских языков с продолжениями праслав. **kostr-* можно выделить как универсальные, свойственные всем или большинству языков, так и уникальные, свойственные лишь одному языку (либо одной группе языков) пути семантического развития лексики.

Литература

Мельничук А. С. Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология. 1966. М., 1968.

Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Вып. 11. М., 1983.

О сближении значений «болезнь» и «плохая погода» в русских говорах

Мельникова Светлана Андреевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В рамках семантического поля «Сила, здоровье – слабость, болезнь» выделяются разнообразные типы первичных мотиваций. Некоторые из них довольно предсказуемы, например, здоровый – «хороший», больной – «плохой» («Он был очень плох»), здоровый – «целый», больной – «разделенный на части» («голова раскалывается»), здоровый – «полный жизненных соков», больной – «высохший» («быть в соку», «худосочный»). Или осмысление здоровья как имущества, которое можно потратить («скудаться животом»), а болезни – как врага, соперника, которого можно победить или, наоборот, потерпеть поражение в борьбе («болезнь поразила»). Примеров, иллюстрирующих это, в литературном языке множество. Но в говорах зачастую встречаются мотивации, не характерные для литературного языка и представляющие большой интерес.

В частности, нередко сближаются понятия «болезнь» и «плохая погода, слякоть». Причем направление семантического развития может быть различным.

Наиболее интересными представляются случаи, когда бесспорно первичной мотивацией была «плохая погода», и на базе этого значения развилось значение «болезнь».

Например, в новгородских говорах:

ПОГОДА I. 1. Ненастье, непогода (обычно дождь, снег с сильным ветром); 2. Снег, метель; 3. Дождь. [Новг., 8].

ПОГОДА II. Болезнь. Да знали мы, я двадцать четыре года служила, погоду заслужила, теперь-то мы вольны, ноги болят. [Новг., 8].

ЧАМОРОШНЫЙ. Болезненный. Чаморошный – невзрачный, болезненный. Чаморошный – хилый. [Новг., 12].

Фасмер: чамра – чемра “мелкий дождь на море, мокрый снег в туман”, кольск.

ХИЗНУТЬ (обл.) – то же, что хиреть.

Боярыня с той поры стала хизнуть, прочахла всю осень, а там хуже, да хуже, да о зимнем Николе Богу душу и отдала. (Загоск., «Брынск. лес», 1, 9). [ССРЛЯ]

Фасмер: *Хиз* – “дождь с туманом”, арханг., хиза “сырая погода, снег с дождем”, нижегор., перм., укр. хиза, охиза – “гроза, оттепель”, далее – хизить “мести, вьюжить; идти по мокрому снегу”, перм., вятск., колымск. хизкий “холодный (о ветре)”, череповецк., тверск. хизнуть “мокнуть”, сарат. “чахнуть, вянуть”, нижегор., вятск., “таять”. Неясно.

ПАМХА. 1. Болезнь, немощь. Памха нашла на скот. И такая памха на всю деревню навалилась. // Напасть, несчастье. 2. Плохая, дождливая погода. Какая сегодня памха на дворе, небо заволокли тучи, сеет мелкий дождь. Памха поднялась, метель, буря даже, плохая погода. На улице холодно, сыпет памха. // Туман. // Изморозь. [Новг., 7]

ПАМШИТЬСЯ. Умирать, подыхать. – О животных. *Корова памшилась*. [Новг., 7]

Фасмер: памха – “зло, вред, беда, неудача”, новгор., тихвинск. “изьян, конец”, олонек. Из па- и мох (*па-мъха) с первонач. знач. “иней”.

В то же время наблюдается много случаев, где развитие шло в обратном направлении – первичным было значение «болезнь».

ЧАХЛЫЙ. Худой и болезненный. К сроку собрались званые гости, Бледные, чахлые, кожа да кости. (Жук., Баллада). [ССРЛЯ]

ЧАХЛЫЙ. Холодный, дождливый, сырой. – О лете, зиме. Чахлая зима-то была нонечь, а и лето по зимы чахлое: небо не подопрешь, коль идет дождь. [Новг., 12].

ХВОРО́БА. Болезнь, недомогание. На меня какая-то хвороба напала. Хвороба одолела меня, так и ломит кости-то. [Новг., 12].

ПОХВОРО́БАТЬ. Пойти, усилиться. – О дожде. *Похворобал, пошел большой дождь*. [Новг., 8].

МО́РНОЙ, МО́РНЕНЬКОЙ, МО́РНОЙ.

1. Истощенный, высохший; вялый. Ребенок-от морной стал, не захворал ли уш.

2. Пасмурный ненастный. Ох, день какой морной седни [Урал, 2].

Все приведенные примеры доказывают возможность обратимости семантического развития.

III. Наряду с этим наблюдаются постоянные случаи гомогенной омонимии – параллельного развития значений в том и в другом направлении.

ПАДО́РА. 1. Вьюга, обычно с мокрым снегом или с дождем и снегом. 2. Сырая, промозглая погода. 3. Сильный ветер. 4. Перен. Болезнь. *Опять падора захватила деда Максима*. [Новг., 7].

ДРЯБЛЫ́Й. Сырой, дождливый. *Дряблая погода, худая*. [Новг., 2].

ДРЯБЛЯ. Жидкая, топкая грязь. Дорога-то разворочена, дак уже дрябли-то этой, жидыши-то. [Новг., 2].

ДРЯБЬ I. 1. Трясина, топкое место. Ой, в какую тебя дрябь понесло. 2. Жидкая, топкая грязь. Такая уж дрябь кругом, еле ноги вытаскиваешь. [Новг., 2].

ДРЯБИНА. 1. Старый, дряхлый человек. Вот ведь какая я молодая-то была, здоровая, а топерича дрябина я совсем.

ПАЛИХА. 1. Болезнь. *На него палиха нашла.* 2. Дождь со снегом. [Новг., 7].

Зачастую бывает трудно определить направление семантического развития.

ПАМЖА. 1. Болезнь, немощь. Памжа – болезнь такая. Она и на овощи, и на скотину, и на людей по всему поселку разносится. // Напасть, несчастье. Придет и на него памжа. 2. Плохая, дождливая погода. Памжа, больше говорят наморга, то есть мелкий дождик. [Новг., 7].

ХАЛЁТЬ. Болесть. От беспокойства все халею, болею, а жать все в наклон нады. [Новг., 12].

ХАЛЁПА. Метель, дождь со снегом. Какая халепа на улице, не видно ни зги. Халепа, мокрый снег летит большими хлопьями. [Новг., 12].

ЧИЧЕРЁТЬ. Хиреть, чахнуть, останавливаться в росте. *Все чичерет и чичерет дочья-то Вальки.* [Урал, 7].

ЗАЧИЧЕРЕТЬ. Заплошать (о здоровье). *В Маскве-та совсем была зачичирел.* [Подмоск.].

ЗАЧИЧЕРЕВАТЬ. ЗАЧИЧЕВЕТЬ. Зачахнуть, захиреть, засохнуть; покрыться язвами, болячками. *Робенак-от у их зачищеревеу. Зачищивели наши светошъки. На корню зачищеревел.* [Урал, 1].

Фасмер: чичер – м., чичера ж. “резкий ветер с дождем”, тульск., орл., ряз., тамб. (Даль), “мелкий дождь”, воронежск. (ЖСт. 15, I, 125).

Трудно доказать для каждого случая, какая мотивация была первичной, но устойчивость повторения говорит о наличии определенных связей между этими значениями.

Литература

- Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1699.
Новгородский областной словарь / Под ред. В.П. Строговой: В 12 т. Новгород. 1995.
Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А.К. Матвеева: В 7 т. Свердловск, 1964–1988.
Словарь современного русского литературного языка / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов, Ф.Ф. Филин: В 17 т. М., 1950–1965.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2003.

К вопросу о взаимодействии этимологических гнезд

Турилова Мария Валерьевна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В лингвистических работах представлена разного рода типология взаимодействия этимологических гнезд: различными могут быть причины, способы и, соответственно, результаты. В настоящем докладе рассматривается такое взаимодействие этимологических гнезд, которое обусловлено соседством лексем в одной семантической сфере.

Проанализирована группа слов, относящихся к семантическим полям 'потеря рассудка', 'трусость' и некоторым другим. Предложены этимологии для нескольких диалектных лексем: речь идет о словах '*сбрендить*, *сбер'дить* (*с ума*) 'сойти с ума' и '*сбрындать*' 'отступить от задуманного, струсить'.

В современном русском языке есть слово '*сбрендить* (*с ума*)' простореч. 'лишиться рассудка, ошалеть'. В ЭССЯ в словарной статье, посвященной праславянской лексеме **byrditi*, слово '*сбрендить*' фиксируется со значением 'отставать от дела, узнав его трудность', наряду с ладожск. *баран'дить* 'говорить пустое', и интерпретируется как экспрессивное образование от **byrditi* [ЭССЯ 3: 164].

Рус. диал. '*бердить* нижегор., пенз., симб., тамб. 'не надеяться на свои силы; трусить, уступать', пск. 'терять смелость, присутствие духа' произведен от *бердо* «принадлежность ткацкого стана; род гребня, для прибора утока, для чего каждая нить основы продета в набор или зубья *берда*, вложенного в набилки» [Даль I: 82]. Такое значение глагола Даль объясняет следующим образом: «*Бердить* – подавшись вперед, пятиться, откачиваться назад, как *бердо*; пятиться от слова или дела» [Даль I: 82].

С ним, в свою очередь, соотносится еще одна единица того же семантического поля «потеря рассудка»: выражение *сбер'дить с ума* уральск. 'сойти с ума'. Семантика потери рассудка развивается в соответствии с семантической моделью 'колебаться, отклониться' → 'сойти с ума' (ср. также обозначение эмоциональной неадекватности – *сорваться*).

Представляется возможной иная версия этимологии слова '*сбрендить*'. Даль указывает другие значения этого слова в диалектах: '*сбрендить* калужск., тул. 'спятиться', 'не устоять, струсить'; 'соврать', 'украсть' [Даль IV: 142]. Вероятно, слово '*сбрендить*' 'отставать от дела, узнав его трудность' (т. е. 'ленился', 'трусить, идти на попятный') можно сопоставить с группой слов той же семантической зоны «ленился, трусить, отступать» и, что важно, территории распространения. Это диалектные *сбрындить* 'спятиться, не устоять в слове, оступиться', '*брындать*, '*брынды бить*' 'баклушничать, шляться, шататься праздно' и '*брындик*' 'лодырь' [Даль IV: 143].

Этимология *сбрындить* тоже неясна. Кроме указанных, у него есть другие значения: 'соскочить, сорваться своею силою, упругостью, как пружина', арханг. 'прыгать, скакать'.

Ю.А. Лаучюте сопоставляет русское *брындать* ‘шляться’ с блр. диал. *брындаць, абрындацца* ‘намочиться, запачкаться’ и предлагает считать всю группу славянских лексем заимствованиями литовского *apsibrindoti* ‘намочиться, замараться’ [Лаучюте 138]. Сюда же относятся блр. *брында* вит. ‘бродяга, бездельник’, ‘болван, бездельник’, ворон. ‘выпачканное и оборванное снизу платье’, ‘обтрепанные края одежды’, ‘нечистая женщина, развратница’, вилейск. ‘жидкое варево’.

В этом случае выстраиваются такие цепочки семантического развития: ‘намочиться, запачкаться’ → ‘шляться, метаться, оступиться’ → ‘отступить от задуманного’ и ‘намочиться, запачкаться’ → ‘грязная, обтрепанная одежда’ → ‘широкие рукава (которые мешают работе)’ → ‘лентяй, лодырь’. Слова этой группы оказываются в семантических зонах «лень» / «трусость», после чего начинают взаимодействовать с лексикой этих зон. Фонетически близкими являются слова этимологического гнезда **bryditi*. При этом формальное влияние, обусловленное семантической близостью, происходит параллельно с семантическим развитием лексем.

На общем фоне семантики негативной оценки сохраняется значение ‘потерять рассудок’. Результатом этих процессов и является глагол *сбрэндить* ‘потерять рассудок’.

Литература

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Воспроизведение 2-го изд.: СПб.; М., 1880–1882. Т. I–IV. Т. 1. С. 82. Т. 4.
Лаучюте Ю.А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.
[ЭССЯ] – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. / Под. ред. О.Н. Трубачева. М., 1974. Вып. 1.

Формирование значения обмана у слов с семантикой звукообозначения

Ушакова Анна Александровна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

У слов с семантикой говорения часто развивается значение обмана. Это значение может возникать в связи с различными особенностями речи: многословие (*обай* ‘говорун, болтун, обманщик’ [СРНГ 21: 343], *обаюн* ‘балагур, обманщик’ [СРГСУ 3: 15]); вздорная, пустая речь (*трепаться* ‘болтать, говорить вздор; говорить неправду’ [ССРЛЯ 15: 859]); речь, содержащая обвинение (*оглаголати* ‘обвинять, клеветать’ [СДЯ 6: 71], *наговаривать* ‘ложно обвинять, клеветать’, *наговор* ‘клевета’ [ССРЛЯ 7: 105], *навет* уст. ‘наговор, ложное обвинение’ [ССРЛЯ 7: 68]) и др. Значение обмана также появляется на базе значений ‘пение’ и ‘шепот’: *напевать* ‘наговаривать’ [НОС 5: 160], *нашептывать* ‘наговаривать’ [ССРЛЯ 7: 677].

Семантика обмана формируется у слов, обозначающих не только речь, но и другие звуки, которые способен производить человек (*насвистеть* ‘наговорить неправды, солгать’, *свистун* ‘обманщик, болтун’ [СРГСУ 5: 120], *свистуша* ‘лгунья’ [СРГСУ Доп.: 496], *звизгливый* ‘лжец, болтун’ [СРДГ 1: 187]). Можно предположить, что первоначально речь идет о переходе звукообозначения в зна-

чение собственно речи и о развитии семантики обмана уже на базе значения говорения. Об этом свидетельствуют приведенные выше примеры (*свистун* ‘обманщик, болтун’); в особенности же это подтверждается словами с семантикой ‘звуки, которые производят животные’. К этой группе слов относятся: *брехать* ‘лаять; болтать вздор, лгать’ [ССРЛЯ 1: 627], *брехало, брехало* ‘болтун, врун’ [СРГСУ Доп.: 43]; *наблеять* ‘наговорить напрасно, оклеветать’ [НОС 5: 123], *облекотать* ‘оклеветать’ [СРГСУ 3: 21]; *рэхать* ‘хрюкать; обманывать, врать’ [СРГСУ 5: 75], *нарóхаться* [НОС 6: 12] ‘запутаться во лжи’ (*Ишь нарохался, то есть заврался, наболтал*) при *рохать* ‘хрюкать’ [Фасмер 3: 508].

Значение обмана может формироваться у слов, обозначающих стук, грохот и некоторые другие звуки. К этой группе принадлежат слова *бухало, бухло* ‘говорящий невпопад, врун’ [СРГСУ 1: 63], производные от глагола *бухать*, имеющего, согласно Фасмеру, значение ‘бить, бросать, падать с грохотом’ [Фасмер 1: 255]. Интересно, что этот глагол может быть сопоставлен с *букать* ‘бухать’ (чеш. *boukatí* ‘реветь, мычать’) и далее, по всей видимости, с *бык*, в котором представлена другая ступень чередования [Фасмер 1: 236]. Однако в русских говорах не встретилось значения ‘мычать’ у глагола с этим корнем. Формирование значения ‘обман’ на базе обозначения звука (часто через стадию ‘речь’) можно проследить в следующих примерах: *бати́ть* ‘стучать; лгать’ [СРГСУ 1: 37], *брякать* ‘болтать, врать’, *брякать языком* ‘сплетничать, лгать’ [СРГСУ 1: 58], *сгрохать* ‘сказать что-н. неожиданное и остроумное; сказать явную неправду’ [СРГСУ 5: 124], *плищевание* ‘порицание, осуждение; нападки, клевета’ при *плищ* ‘крик, шум’ [СДЯ 6: 427], *оклечетать* ‘наговорить неправду, оболгать’ при ст.-сл. *кльчьть* ‘щелканье зубами’ [Фасмер 2: 247], *ляска́ть* ‘лязгать зубами (о животных); пустословить, врать’ [СРДГ 1: 273], *хлопать* ‘врать, болтать языком’ [Фасмер 4: 244], *схлопать* ‘соврать, обмануть’ (*Схлопала я родителей и убегом ушла замуж*), *хлопуша* ‘враль, врунья’ [СРГСУ 6: 80], *огудать* ‘обмануть’, *огуда* ‘обманщик’ [СРГСУ 3: 41]. Для последнего примера (*огудать, огуда*) можно предположить связь с *гудить* ‘укорять, клеветать, обманывать, обольщать’ и далее с *гудеть, гудить* ‘играть (на музыкальном инструменте), шуметь’ [Фасмер 1: 470], [Фасмер 3: 119]. Эта версия Фасмера кажется вполне доказательной, учитывая продуктивность модели образования значения ‘обман’ на базе обозначения звуков. На связь этих лексем указывает также и Даль, он намечает следующий путь развития у них семантики ‘обман’: новг. *гудала* или *огудала* ‘плут, мошенник, ловкий обманщик’ Даль выводит из *гудить, густить* ‘манить, обольщать, заманивать в обман, надувать’ при *гудила* ‘музыкант на гудке, кто гудит, пилит смычком’ [Даль 1: 1002]. В данном случае можно говорить о модели ‘обманывать’ ← ‘заманивать’ ← ‘привлекать приятным звучанием’ ← ‘звучать’ (*Он огудало не последний*. Примечание: *Он так вкрадчиво, приятно говорит и угваривает, как на гудке наигрывает* [СРНГ 28: 359]).

Таким образом, модель ‘обманывать’ ← (‘говорить’) ← ‘производить звуки’ является достаточно продуктивной в русском языке. Человеку свойственно

сравнивать свое поведение с поведением других живых существ, а окружающий его мир дает очень большой материал для сопоставлений и метафор.

Литература

- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998.
Новгородский областной словарь: В 12 т. / Под ред. В.П. Строговой В.П. Новгород, 1995.
Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М., 1988.
Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. Л., 1966.
Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. / Под ред. А.К. Матвеева. Свердловск, 1964–1988.
Словарь русских донских говоров: В 3 т. / Отв. ред. В.С. Овчинникова. Ростов-на-Дону, 1975.
Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов, Ф.Ф. Филин. М., 1950–1965.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2003.

Об одной редкой словообразовательной модели (суффиксы *-ас*, *-ос* и *-ус*)

Шалаева Татьяна Владимировна

Аспирантка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва

Модель образования слов с суффиксами на *-с* описана в работах А. Вайана и Ф. Славского на материале западно- и восточнославянских языков. В них указывается праславянское происхождение этих суффиксов и их экспрессивная функция [Vaillant: 666, 668, 675; SP: 32–35]. Ф. Славский определяет семантику существительных, образованных по данной модели, приводит их производящие основы (глагольные и именные), говорит об их взаимной вариативности (ср. польск. *biegas* и чеш. *bigus* от **bĕgati*) [SP: там же]. В русской славистике суффиксы *-ас*, *-ос* и *-ус*, кажется, подробно не исследовались.

Список приводимых А. Вайаном, Ф. Славским, а также М. Фасмером лексем можно дополнить следующими русскими образованиями:

1. Отыменные существительные – простореч. *мордасы* (от *морда*), диал. *рыбас* ‘рыбак’ (ворон., кубан., краснодар., твер.), ‘скупщик рыбы, продавец рыбы’ (ворон., дон., таганрог., терск., волж., орл.) [СРНГ 35: 294] (от *рыба*), костром., яросл. *липусы* ‘лапти’ [СРНГ 17: 58; ЯОС 6: 5] (от *липа*);

2. Отглагольные существительные – литер. *бутуз* (диал. *бүту́с*) ‘здоровый толстый ребенок’ (ср. диал. *бүтѣть* ‘толстеть, полнеть’) [Черных 1: 127], орл. *крикасы* (*крикусы*), *плакасы* ‘детская болезнь, сопровождаемая непрерывным плачем ребенка’ [СОГ 5: 111–112] (от *кричать*, *плакать* соответственно), *моргас* ‘самодельный светильник, коптилка’ [СОГ 6: 144] (от *моргать*), калуж. *плавус* ‘гусь’ [СРНГ 27: 72] (от *плавать*);

3. Существительное, образованное от причастия – карел. (рус.) *м`ятус* ‘мелкие остатки сена’ [СРГК 3: 287] (от *мятый* – ср. волог., влад. *м`ятка*: *м`ятка соломы* ‘измельченная, измятая солома, идущая на корм скоту’ [СРНГ 19: 91], куйбыш. *мятуха* ‘солома, оставшаяся после молотьбы’ [СРНГ 19: 92], пенз., симб. *мят`юк* ‘яровая солома, измельченная при молотьбе’ [СРНГ 19: 99]).

Изложенный материал, думаю, дает возможность обосновать существующую этимологию одного диалектного слова и распространить ее на образования с аналогичной структурой. «Словарь русских народных говоров» и «Словарь русских говоров Карелии» фиксируют лексемы *лѣтас* ‘синяк, фонарь под глазом’ (арх., олон., лнеж.), ‘круглолицый человек’ (свердл.) [СРНГ 17: 71], *лѣтос* ‘пятно на платье’, ‘синяк на лице’ [СРНГ 17: 74] и *лѣтус* ‘гнойное пятно, язва на коже из слившихся нарывов’, ‘пятна как признак залежалости ткани’ [СРГК 3: 131]. М. Фасмер объясняет происхождение *лѣтасы* следующим образом: «возможно от *лѣтъ*; ср. *обливаться кровью*? Ср. *выкрутасы, летасы*», при *выкрутасы* – от *крутить (крутой)*, *летасы* – от *летать* [Фасмер 2: 501]. Очевидно, здесь имеются в виду тождественные словообразовательные модели. Современные данные подтверждают это предположение со структурной и семантической сторон.

Суффиксы *-ас*, *-ос* и *-ус* в данном случае, видимо, присоединяются к корню *лит-*, представляющему собой один из вариантов основ в гнезде глагола *лѣтъ*: ср. лит. *слиток*, диал. сиб. *литок* ‘свинцовая бабка (в детской игре)’ [СРНГ 17: 73], новг. *налитень* ‘ватрушка с жидкой начинкой’ [СРНГ 20: 18], арх. *облѣтня* ‘удочка с блесной; ловля рыбы на блесну’ [СРНГ 20: 102]. Он образован корнем инфинитива *ли-* и суффиксом страдательного причастия *-т-* в результате переразложения в основе причастия *литой*. Следовательно, формы типа *литас*, вероятно, образуются аналогично форме *мятус* ‘мелкие остатки соломы’ (см. выше).

Значения *лѣтас*, *лѣтос* и *лѣтус* соответствуют семантике лексем, производных от глаголов движения жидкости: ср. *лѣтас*, *лѣтос* ‘синяк’, *лѣтас* ‘круглолицый человек’, *лѣтус* ‘слившиеся нарывы’ – лит. *отек*, *оплывать* ‘опухать’, *налитой* ‘полный, набухший’, диал. урал. *облѣвѣн* ‘человек с толстым, мясистым лицом’ [СРГСУ Доп.: 353] (гиперсема – ‘наполненность жидкостью, набухание’);

лѣтос, *лѣтус* ‘пятно на ткани’ – многочисленные лексемы со значением ‘покрывать жидкостью’ (*заливать, поливать, обливать* и др.).

Анализируемые слова имеют общие значения (‘отек’, ‘пятно’), поэтому можно заключить, что все три суффикса используются здесь как равноправные варианты, присоединяемые к одной и той же основе, что, по-видимому, является редкостью как для русского языка, так и для других славянских языков.

Литература

- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1995.
Словарь орловских говоров / Науч. ред. *Бахвалова Т.В.* Вып. 1–12. Ярославль–Орел, 1989–2001.
Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. *Герд А.С.* Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. П.А. Вовчок (т. 1), Н.П. Костиной (т. 2), А.К. Матвеева (т. 3–7, Дополнения). Т. 1–7, Дополнения. Свердловск, 1964–1996.
Словарь русских народных говоров / Гл. ред.: Ф.П. Филин (вып. 1–24), Ф.П. Сороколетов (вып. 25–). Т. 1–40. М.; Л. (СПб.), 1965–2006.

- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. М., 2003. Т. 2.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1993. Т. 1.
- Ярославский областной словарь / Гл. ред. Г.Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.
- Słownik prasłowiański / Pod red. Sławskiego F. T. 2. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk. 1976. P. 32–35.
- Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. 4. Paris, 1974.

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Об одной фонетической особенности рязанского говора (нефонематические гласные в говоре дер. Деулино)

Горячева Юлия Викторовна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Материалом для настоящего исследования послужили аудиозаписи говора деревни Деулино Рязанского района Рязанской области общей длительностью 6 часов 20 минут, полученные группой сотрудников Института русского языка АН СССР под руководством И.А. Оссоветацкого в процессе работы над словарем [Словарь].

Ритмическая схема слова в восточной зоне южнорусского наречия, к которой относится говор д. Деулино, характеризуется «резко выраженной двухступенчатостью со значительной краткостью гласного II предударного слога» [Высотский: 41] (соотношения по длительности гласных 2-го предударного, 1-го предударного и ударного слогов в среднем 13:80:100). Этим, однако, не исчерпывается своеобразие вокалической структуры говора, для которого характерно также «парадоксальное сочетание процессов наращения вокалических пазвуков и выпадения этимологических гласных» [Кодзасов: 92].

В фонетической системе говора наблюдается определенная связь наращения конечного гласного с характером предшествующего согласного: максимум отмеченных случаев приходится на позицию гласного после [м] (*пууáима, п'ир'арóима, маткóм^б, съмаíма* и т. п.); меньше – после [ш] (*хóч^биша, зáмуиша* и т. п.), [х] (*н'íха, т'éха*), [j] (*л'уд'éйа, у н'éйа*), [л] (*бóль, л'ажáл^б*), [н] (*óн^б, ад'úна*); полностью отсутствуют подобные случаи в позиции после смычных шумных и [р]; после мягких согласных они единичны (*с'ém'и, маркóв^м*). Однако зависимость появления нефонологического гласного от качества согласных может быть в какой-то степени обусловлена частотностью тех флексий, которые завершаются этими согласными, и частотностью некоторых категорий слов в речи. Так, например, в глагольной парадигме представлены только два конечных твердых согласных в настоящем времени: [ш] и [м] (в южнорусских говорах [т'] в 3-м лице глаголов мягкой) и один [л] в форме прошедшего времени; в парадигме склонения – [ф] (род. мн.), [м] (тв. ед. и дат. мн. муж. р.), [х] (предл. мн.); в парадигме местоимений – [j], [м], [х], а наращения в высокочас-

тотных и притом часто завершающих синтагму местоимениях *има, на́ма, н'има, и́ха* близки к регулярным.

В говоре прослеживается зависимость качества нефонематического элемента от характера гласного предшествующего слога: после узкого краткого [и] обычно выступает гласный, практически приближающийся по качеству и количеству к ударному звукотипу [а] (*зач'исл'има, буд'има, зна́има* и т. д.), после широкого долгого гласного [а] слышится гласный пазвук неопределенного тембра, либо просто конечный согласный произносится разомкнуто (*л'эсамь, ма́тамь, ло́мамь, матко́м^б, л'ажэл^б*).

Нарращение гласных в конце слова несомненно связано и с некоторыми просодическими факторами; на это указывает то, что оно не регулярно, например: [*и таку́йу-т ра́мьч'к таб'э з'д'элым харо́иғыу*] и – в том же рассказе – [*фс'о, фс'о з'д'элаима*]; так что наращенный гласный не становится элементом фонемного состава слова (несмотря на высокую частотность его в местоимениях). Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы определить просодические условия наращения гласных, продолжив исследования тех фонетистов, кто ранее обращался к изучению фонетики данного говора [Пауфошима; Чекмонас; Кодзасов].

Анализ материала показал, что нефонологические гласные встречаются в разных фразовых позициях, но наиболее частотны они в конце неконечной синтагмы. Этот факт может быть связан с тем, что для осуществления вдоха, необходимого для произнесения следующей синтагмы, необходимо быстро выдохнуть воздух, все еще находящийся в легких. Из 67 примеров с нефонологическими гласными 10 (15%) находились внутри синтагмы, 8 (12%) – в конце конечной синтагмы, 49 (73%) – в позиции конца неконечной синтагмы, который обычно маркируется ровным (на среднем или высоком уровне) или восходящим тоном. Сделанные нами интонограммы показали в ряде случаев резкое повышение тона на конечном нефонематическом гласном в позиции конца фонетической синтагмы (до 500 Гц). Часто появлению гласного сопутствует наличие на слове фразового акцента.

Исследуемое явление в деулинском говоре имеет «хронологически» убывающий характер: в речи информантов младшего возраста слов с вокалическими наращениями практически не наблюдается; в речи представителей старшего поколения наращения встречаются преимущественно в нарративном типе текста, в диалогической же речи количество слов с нефонематическими гласными значительно сокращается (у одного и того же диктора).

Таким образом, результаты проведенного экспериментально-фонетического исследования дают основания утверждать, что основными факторами, влияющими на появление нефонематических гласных в конце слова в архаическом слое говора д. Деулино, являются: 1) нарративный тип текста, 2) позиция в конце неконечной синтагмы, 3) ровный или восходящий тон ее завершения; 4) наличие фразового акцента; 5) качество предшествующего (конечного в слове)

согласного (предпочтительны сонорные и фрикативные); б) краткий (узкий) гласный предшествующего слога.

Литература

- Высотский С.С.* О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- Кодзасов С.В.* Скрытая просодия слова и звуковые изменения (на материале говора с. Деулино Рязанской области) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы научной конференции. 29 мая – 2 июня 2000 г. М., 2000.
- Пауфошима Р.Ф.* О структуре слога в некоторых русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области) // Под ред. И.А. Осовецкого. М., 1969.
- Чекмонас В.* «Слоговые интонации» и длительности безударных гласных в говоре д. Деулино // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г.А. Хабургаева. М., 1993.

Диалектизмы с архисемой 'злой дух' в лингвокультурном освещении

Григорьева Евгения Артуровна

К.ф.н., Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары

В современной лингвистической науке внимание ученых все более концентрируется на том, как язык, объект познания, связан с его носителем, субъектом познания, то есть с человеком. Такой взгляд на язык сложился в рамках антропоцентрической парадигмы и развивается в работах отечественных и зарубежных лингвистов. Лингвокультурологическое исследование лексико-семантической группы 'злой дух', в состав которой входят лексические единицы русского языка с аналогичной архисемой, позволяет реконструировать знания и представления носителей русского языка о субъектах ирреального мира. Предпринятый нами лингвистический анализ единиц данной группы демонстрирует их семантическую неоднородность и позволяет сделать вывод о том, что лексемы русского языка с родовой семой 'злой дух' делятся на две подгруппы. Это лексемы «книжного» и «народного» фондов. Члены каждой подгруппы имеют особые языковые признаки (семантические, стилистические, словообразовательные, этимологические). Вместе с тем принадлежность указанных единиц к различным пластам языка обусловлена не только их противоположными лингвистическими характеристиками, но и различием объектов номинации. На наш взгляд, лексические единицы «книжного» фонда (*сатана, дух ада, дух тьмы, злой дух, нечистый дух, Вельзевул, ангел бездны, ангел тьмы, князь мира сего, князь тьмы*) закрепляют представления о злом духе, имеющие преимущественно религиозный характер, тогда как лексемы-диалектизмы, принадлежащие к областной устной речи (*луканька, беспятый, корнахвостик, волосатик, шехматик, шиликун*), отражают более древние, дохристианские представления носителей языка об указанном субъекте. Мотивировочный признак диалектизмов имеет описательный характер и, как правило, указывает

на внешний вид объекта номинации (*корнахвостик, куцый, лысой, хохлик*). Анализ лексического материала показывает, что этот злой дух представлялся носителям языка существом, которое имеет конкретный облик и определенные черты характера. Так, в отличие от людей, черт беспят, то есть вместо ног имеет копыта (*беспятый, анчутка беспятый*). У него есть хвост, но не длинный, а короткий и, возможно, изуродованный на конце (*куцый, корнахвостик*). Существо покрыто черной шерстью или кожей темного цвета (*волосатик, волосатка, мурын, черный*). Голова его венчается по одним представлениям лысиной (*лысой*), а по другим – хохлом (*хохлик*). Он обитает в мире, противостоящем миру людей (*ненаши*), и враждебно относится к людям (*недруг, вражбина, вражня, вражина*). Злой дух хитер (*дукавый, лукашка*), он может приходить к людям в виде болезни, являясь ее воплощением (*пралик*). Вследствие этого носители языка воспринимают его как существо нечистое (*некошный, немытик, нечистый, нечистик*), отвергаемое людьми (*окаянный, окаятка, окаялика*).

Обогатить представления о злом духе, основываясь на данных диалектной лексики, поможет этимологический анализ лексико-семантического варианта *ишии* ‘черт’, внутренняя форма которого считается затемненной и не анализируется ни в одном этимологическом словаре русского языка. Вместе с тем анализ значений существующих ЛСВ указанной единицы позволяет ответить на вопрос, почему в ряде говоров лексема *ишии* и ее разнообразные дериваты (*ишишко, ишишок, банный ишишок, ишишкун, ишишига, ишишиган, ишишимора*) служит для обозначения нечистой силы. Согласно данным толковых словарей русского языка лексема *ишии* обладает несколькими ЛСВ. Например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля помимо указанного выше *ишии* ‘нечистый, сатана, бес; злая кикимора или домовая, нечистая сила, которую обычно поселяют в овине; овинный домовый’ [Даль: 636] находим следующие лексикографические определения: *ишии* 1 ‘островерхая куча ворох, насыпь, постройка’, *ишии* 2 ‘копешка сена, островерхие копешки хлеба’, *ишии* 3 ‘островерхий шалаш, балаган’, *ишии* 4 ‘род самого простого овина для сушки конопли: яма, с шишом (шалашом) над нею’, *ишии* 5 ‘кукиш’ [Даль: 636]. Анализ словарных определений показывает, что в данном случае денотатами этого ЛСВ являются предметы, имеющие определенную форму, а именно: островерхие с вытянутой верхней частью. Это копны сена или хлеба, островерхие постройки (шалаш, балаган), овин-шиш особой формы, представляющий собой яму с конусообразной верхушкой [Зеленин: 74]. Следовательно, шишом в русском языке можно было назвать тот или иной предмет, обладающей вытянутым и заостренным верхом, а само слово *ишии* первоначально имело значение, синонимичное семантике лексемы конус, ср. *волосы ишишом встали* или иначе *волосы дыбом встали* ‘о состоянии крайнего испуга’ [ФСРЛЯ: 85]. То же значение лексемы *ишии* находим в «Большом толковом словаре современного русского языка», где оно отмечено как устаревшее: *ишии* ‘устар. заостренная верхушка чего-либо, остроконечный или стоящий торчком предмет’ [БТС: 1499], подобная дефиниция лексемы пред-

ставлена и в «Историко-этимологическом словаре» П.Я. Черных, где она также снабжается пометой устар., ср.: *шши* 'заостренная, выступающая спицей, торчащая верхушка чего-л.' [Черных: 414]. П.Я. Черных считает, что значение 'торчащая верхушка чего-л.' является старшим, а само слово *шши* в значении 'торчащая верхушка' – тюркизм. Таким образом, развитие значения указанной лексемы можно представить следующим образом: *шши 1* 'торчащая верхушка' (волосы шишом встали; волосы дыбом встали; волосы торчком) – древнейшее значение; *шши 2* 'предмет с торчащей верхушкой' (шалаш, балаган, овин, копна) – ЛСВ образован вследствие метафорического переноса от 'торчащая верхушка' к 'предмет, обладающий заостренным верхом'; *шши 3* 'нечистая сила, злой дух, домовый, кикимора' – ЛСВ образован аналогично предыдущему в результате метафорического переноса от 'торчащая верхушка' к 'существо с заостренной головой'. Следовательно, злой дух, согласно представлениям носителей русского языка, имел голову необычной вытянутой формы, то есть был остроголовым. Данная этимология может быть подтверждена этнографическим материалом. Д.К. Зеленин в статье «Загадочные водяные демоны «шуликуны» у русских» пишет о том, что «... шуликуны всюду представляются именно остроголовыми, иногда – в железной шапке штыком, в остроконечных шапках» [Зеленин: 91]. Об остроголовых чертях также упоминает А. Успенский [Зеленин: 97] и В.И. Даль [Даль: 67]. Об остроголовости черта свидетельствуют некоторые единицы паремического фонда русского языка, например у В.И. Даля находим пословицу *с остроголовым (чертом) не шути: перетянет*, в которой лексема *остроголовый* является синонимом единицы *черт*. В свете рассмотренных данных можно сделать вывод о том, что диалектная лексика русского национального языка действительно является ценным источником как собственно языковой, так и лингвокультурной информации.

Литература

- Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2001.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.
Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2001.
Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 2002.

**Антонимичные семантические области 'рождение' и 'смерть'
(на материале архангельских говоров)**

Коканова Анна Борисовна

Аспирантка Московского государственного университета им М.В. Ломоносова, Москва

Семантические области рождения и смерти являются антонимическими смысловыми областями. Слова *рождение* и *смерть*, возглавляющие эти структуры, являются полными антонимами: слово *смерть* обозначает окончание жизни, а слово *рождение* – начало жизни. Более привычная для носителей литера-

турного языка антонимическая пара *жизнь-смерть* представляет смерть в одном из значений: 'небытие, которое начинается после конца жизни' [НОС: 379].

Каждая из рассматриваемых смысловых областей является сложно организованной структурой и включает в свой состав различные компоненты: вербальные, предметные, акциональные. Так как рождение и похороны обязательно подчинены соответствующим обрядам, в данных семантических полях пересекаются и сочетаются языковой, фольклорный и ритуальный планы. В результате мы имеем дело со сложным образованием, в котором можно выделить некоторые сходные подсистемы: персонажную (участники обряда и лица, над которыми осуществляются обрядовые действия), предметную (предметы, используемые в обряде), акциональную (ритуальные действия) и вербальную (лексическое наполнение обряда).

В наши задачи не входит этнографическое описание родильного и погребального обрядов; цель данной работы – выявление структурных, семантических и лексических соответствий в области рождения и смерти.

В центре обрядов – новорожденный ребенок и покойник. Оба рассматриваются как опасные существа, принадлежащие иному миру. Обрядовые действия должны уничтожить опасность, и, в одном случае, изолировать ее источник, а в другом – сделать «чужое» «своим».

В обоих случаях меняется статус центральных для обряда лиц: покойник переходит в категорию *родителей*, т. е. «виртуальных членов социума, общение с которыми урегулировано в рамках поминальной обрядности» [Кормина: 206]; ребенок обретает имя и становится полноправным членом социума.

Помогают совершить обряд такие персонажи, как *повитуха* и *обмывальщица*. Обе должны быть женщинами нерепродуктивного возраста и обязательно уважаемыми в своем сообществе.

Одним из первых обрядовых действий в обоих случаях является обмывание. Это действие связано с уничтожением человеческих качеств у покойника и с приданием человеческих качеств и черт ребенку [Байбурин: 107]. Заметим, что покойника моют от головы к ногам, т. е. вниз, а ребенка – от ног вверх, чем и маркируют принадлежность одного земле и смерти, а другого – росту и жизни.

И покойнику, и младенцу делают новый дом: гроб и колыбель, которые соотносятся как первый и последний дом. Они похожи по форме: в головах шире, в ногах – уже.

Интересна связь колыбели, гроба и веревки. На веревках гроб опускают в могилу, и веревкой же качают колыбель. Различается только вектор этого движения: гроб движется вниз, в землю, а ребенка укачивают по направлению вверх, прогнозируя его быстрый рост. [Головин: 40–45]

«Чужеродность» ребенка и покойника отмечается и с помощью одежды. У младенца ее, по сути, нет: новорожденного заворачивают в старый материн сарафан или отцовскую рубаху. Одежду для покойника шьют, но не так, как для живых: она всегда остается незавершенной.

И рождение, и смерть связаны с понятием доли. Доля – это «часть некоего целого, доставшаяся отдельному человеку и находящаяся во взаимозависимой связи с другими частями, долями» [Седакова: 56]. Рождение подразумевает наделение человека долей, а смерть связана с ее перераспределением. Символом этого распределения является каравай, который приносит в дом каждый гость, приглашенный «на кашу» к новорожденному и пироги, которые раздают соседям родственники покойника. Оба обряда сопровождаются пением: над покойником плачут, причитают, а ребенку поют колыбельные. На сходство символики колыбельных песен и причитаний обращают внимание многие исследователи [Головин: 45], [Хафизова: 175]. Это сходство может быть обусловлено пониманием сна как смерти: сон – это временная смерть, посещение «того» мира, в котором младенец может получить необходимые ему силы и здоровье (там же).

Как мы видим, некоторые черты обрядов обладают полным сходством, в то время как другие являются зеркальным отражением друг друга. Такая синкретичность, по нашему мнению, вполне оправдана: сходства наблюдаются в тех частях обряда, которые связаны с младенцем и покойником как с выходцами из «другого» мира. Здесь они идентичны и представляют собой одинаковую опасность для живых. Зеркальным отражением являются апотропеические (т. е. защитные) части обрядов, и в этом случае участники обряда задают направление дальнейшим действиям: вверх или вниз, к принятию или к отторжению.

Итак, семантические области рождения и смерти являются антонимичными фрейм-структурами, совпадающими по набору основных компонентов, что и позволяет их сопоставлять. Оба фрейма организуются вокруг центрального объекта, на который направлены все действия и который является отправной точкой всех ситуаций, входящих в данный фрейм. Фрейм-структура смерти является более четко организованной структурой с большим количеством элементов, в отличие от фрейма рождения. Причины этого, на наш взгляд, следующие: родины как обряд являются более тайным, сакральным знанием, которое практически полностью исчезло с исчезновением носителей этого знания – повивальных бабок. Вмешательство медицины свело на нет важнейшие части обряда и привело к разрушению родин как обрядового комплекса. Сохранившиеся фрагменты обряда указывают на то, что фрейм-структура как таковая все еще имеется, но она не обладает такой цельностью, как фрейм смерти.

То, что погребальный обряд сохранился более полно, чем родильный, связано, вероятно, и с тем, что семантическая область смерти организуется одноименным концептом – а концепта рождения в русской ЯКМ, скорее всего, не существует. Представления о смерти заложены в нашей культуре на глубинном уровне и вызывают многочисленные ассоциации. Все это обеспечивает и большую сохранность обряда, и, следовательно, большую сцеплен-

ность элементов фрейма между собой и их соответствующее функционирование в речи (и в сознании) диалектоносителей.

Литература

- Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.*
Головин В.В. Организация пространства новорожденного // Родины, дети, повитухи в традициях и народной культуре. М., 2001. С. 40–45.
Кормина Ж.В., Штырков С.А. Мир живых и мир мертвых: способы контактов (два варианта севернорусской традиции) // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М., 2001.
[НОС] – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 1997. Вып. 1.
Седакова О.А. Тема “доли” в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
Хафизова Л.Ф. Персонажи колыбельных песен // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001.

**Особенности форм имен существительных
женского рода единственного числа в говоре села Городище**

Котова Марина Васильевна

Студентка Старооскольского филиала Белгородского государственного университета,

Старый Оскол

Материалы оскольских говоров в диалектологических исследованиях представлены незначительно, однако морфологические особенности данных говоров, как и лексические, и фонетические, представляют интерес для выделения оскольских говоров как особой межзональной группы в рамках диалектного членения русского языка, а так же для выявления особенностей исторического развития русского языка.

Наблюдения, проводимые в говоре села Городище Старооскольского района Белгородской области, позволили выявить некоторые особенности склонения имен существительных женского рода. В ходе исследования для анализа морфологических данных были использованы материалы диалектологической практики студентов Старооскольского филиала Белгородского университета (номера тетрадей и страниц указываются по фонду СОФ БелГУ).

В системе современного диалектного языка наблюдаются изменения грамматических характеристик родовой принадлежности, а также перераспределение имен существительных по типам склонения [Русская диалектология, 1990: 76]. Данное явление мы находим и в говоре села Городище Старооскольского района Белгородской области: *отверстие* – ж. р. «*адна атверстия была*» [92/3], *узора* – ж. р. «*узора какая там*» [119/26].

В акающих говорах наблюдается сужение класса существительных среднего рода за счет расширения класса женского рода [Русская диалектология, 1989: 82]. При переходе существительных среднего рода в женский отмечается три этапа данного процесса [Русская диалектология 1990: 76]. Все они представлены и в говоре села Городище: 1) переход существительных с безударным окон-

чанием, которое проявляется только на синтаксическом уровне: «*была́ такая та гул'янье*» [135/15]; 2) согласование по женскому роду, происходящее и при ударном окончании: «*вясло́ больша́я*» [92/16]; последний этап, по мнению Л.Н. Булатовой, – это появление морфологических форм, характерных для нового рода слова: «*какая́ жизнь (И. п.) была́*» [119/25], «*дай́ мне простыну́ (В. п.), адеи́ прастыну́*» [66/13]. В.В. Колесов объясняет существующие в говорах колебания в характеристике по роду «вторичным» возникновением категории рода: «на основе взаимного отгаливания имен **ā*- и **o*- основ (соответственно «женского» и «неженского» рода)» [Колесов: 241].

Наличие двух типов склонения существительных женского рода во многих современных говорах осознается как избыточное, что служит основанием к объединению в едином склонении всех существительных женского рода. Таким оказывается I склонение [Русская диалектология, 1990: 94]. В системе говора села Городище в целом разграничиваются склонения существительных женского рода I и III склонения. Однако присутствуют варианты словоизменения, подтверждающие переход существительных женского рода из III склонения в I и, как следствие, начало разрушения III склонения. Например, варианты образования винительного падежа «*работала́ усю́ жисть*» [92/40] и «*работала́ фсю́ жистню́*» [119/51].

В форме родительного падежа у слов I склонения наиболее употребимой является флексия *-и(ы)*: «*у сестры́ была́*» [85/5]. Значительно реже и только в безударном положении встречается флексия *-е*: «*у внучке́ муж*» (104/8), «*после́ работе́*» [92/10]: данное окончание восходит к древнему окончанию мягкого варианта основ на **-a* (род. п. в др.-рус. *дол-ѣ*). На основании представленных примеров, можно предположить, что для традиционного говора было характерно употребление древнего окончания (об этом свидетельствуют твердые согласные, предшествующие *-е*), а также, возможно, существовала дифференциация значений двух вариантов окончания (данные словоформы чаще встречаются с предлогом *у*), но со временем под влиянием литературного языка различие стерлось. Форма родительного падежа у слов III склонения образуется с помощью форманта *-и* «*устройства́ пичи́*» [92/2]. Данная флексия восходит к окончанию родительного падежа древнего склонения слов женского рода с окончанием *-ь* в исходной форме (*тат-и, плет-и*).

Формы творительного падежа I склонения образуются при помощи двух флексий: односложной *-ой* и двусложной *-ойу*. Данные варианты могут присоединяться к одной и той же основе: «*залило́ водб́й*» [136/14], «*приливали́ водб́ю*» [135/16]. Оба окончания выступают и в слабой позиции: «*за мали́най хадили́*» [136/21], «*красили́ краско́ю*» [119/8]. Частотность односложных окончаний несколько выше. Они являются исторически вторичными: старые *-ойу* заменились своей краткой разновидностью, уподобляясь остальным окончаниям по количеству слогов. Употребление двух флексий для образования формы творительного падежа является характерной чертой южного наречия [Колесов, 1990: 88].

Формы предложного падежа существительных I типа склонения в грамматической системе говора с. Городище имеют два различных окончания в зависимости от значения: при обозначении места (М. п.) употребляется окончание *-е* «*сидять на землѣ*» [135/37], а в ситуации объектного значения (собственно П. п.) *-и* «*решали аб землі*» [135/33]. Окончания *-е* (развившееся из *-ѣ*) и *-и* в форме единственного числа местного падежа были известны и в древнерусском языке как разновидности твердого и мягкого вариантов склонения существительных с основой на **-а*. Уже в XI в. в памятниках письменности, как пишет В.В. Иванов, отмечаются факты смешения флексий мягкой и твердой разновидностей, а позже в результате взаимовлияния данных флексий твердой и мягкой разновидностей склонения в одних говорах утвердилось окончание *-и*, в других *-е*, и известное современному литературному языку [Иванов: 282–283]. Однако в научной литературе дифференциация формы флексии в зависимости от значения, представленная в говоре с.Городище, не рассматривается.

Разграничение окончаний *-е* и *-и* как флексий местного и предложного падежей в исследуемом говоре может быть обусловлено, на наш взгляд, особой историей формирования оскольских говоров, на протяжении 400 лет взаимодействующих с украинским языком, в котором, как известно, древнерусская фонема *ѣ* изменилась в звук *и*. В различии окончаний местного и предложного падежей существительных женского рода I склонения, функционирующих в морфологической системе говора села Городище Старооскольского района Белгородской области, возможно, и отразилось влияние украинского языка на формирование специфики оскольских говоров южнорусского наречия.

Литература

- Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983.
Колесов В.В. История русского языка. СПб., М., 2005.
Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 1989.
Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. М., 1990.

Атрибутивные сочетания со словом *праздник* в архангельских говорах

Панина Жанна Александровна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Слово *праздник* является общерусским: «ПРАЗДНИК. 1. День торжества, установленный в честь или в память кого-чего-н. 2. День или ряд дней, отмечаемых церковью в память религиозного события или святого» [Ожегов, Шведова: 578]. Примерно в тех же значениях оно функционирует и в архангельских говорах. Хотя разница в семантике диалектного и литературного употребления слова неизбежна, проследить ее трудно: специального материала мало, т.к. при сборе материала слово в значении, совпадающем с литературным значением, обычно не фиксируется.

Атрибутивная сочетаемость слова *праздник* зафиксирована в картотеке Архангельского областного словаря (далее КАОС) достаточно полно и представляет интересный и обширный материал для исследований. Большинство атрибутивных словосочетаний со словом *праздник* обозначают события, так или иначе связанные с церковным календарем; при этом они различаются степенью важности для данной деревни, порядностью и территорией функционирования.

В данном сообщении использованы материалы КАОС, Архангельского областного словаря [АОС 9: 206–207], а также материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях в Архангельскую область в 2006–2007 гг. Примеры даются в условной орфографии, отражающей некоторые произносительные особенности.

Атрибутивные наименования, включающие в себя лексему *праздник*, можно разделить на три группы.

Первая группа – сочетания, обозначающие любой большой религиозный праздник годового круга христианской православной церкви:

Божественный праздник – Рождество, Крещение – божественные праздники широко праздновали. Ой, у нас было масленица, Пасха, это все было божественные праздники.

Годовой праздник – Покров, Рождество – тоже годовой праздник. Пшену кашу варили по годовым праздникам: Рождество, Пасха, Крещение – вот такие праздники [АОС 9: 206].

Престольный праздник – Здвиженье престольна была. Престольной праздник – годовой праздник. Престольной праздник живет, Рождество дак, много.

Вторая группа – названия праздников, значимых и отмечаемых в определенной деревне. На эти праздники съезжались гости из соседних деревень.

Годовой праздник – Будет годовой Веркольский праздник. Егорий – нам праздничок годовой на Спицине. Годовы праздники у нашей деревни зимний Петров день и летний Петров день, а здесь Ильин день.

Столовой праздник – Наш столовой праздник-то Троица и Спасов день. У нас Троица была столова-та.

Сборной праздник – Троица – сборной праздник. Сборной праздник – из всех деревень гости собираются. Новы праздники таки сборны, а Крещение так, сам собой. Сборный был праздник – народу собиралось много из всех деревень.

Съезжей праздник – Был съезжий праздник, приезжали гости, у нас в Кебы осенний Микола. Съезжий праздник – съезжались на Петров день.

В третью группу входят названия дней, в которые устраиваются гуляния, посвященные выполнению общедеревенской просьбы, и праздников, во время которых принято давать различные обеты:

Обещаной праздник – праздник, организуемый в том случае, если выполнялась к-л. общедеревенская просьба, обращенная к высшим силам (Богу или тому или иному святому) – об урожае и т. п. Жители деревни с крестным ходом ходят по полям и дают обет сделать *обещаной праздник*, если будет хороший урожай (или – во время засухи – пройдет дождь). *Тогда таки праздники обещаны были. Обещанные праздники не были еще живы.*

Ответной (обетной, обветной) праздник – религиозный праздник, во время которого святому-покровителю деревни давали обеты сделать что-либо, если просьба будет выполнена (например, в случае выздоровления совершить паломничество к святым местам). *Канун-то – обветный праздник, обещались они в деревне-то. Петров день – праздник бывалошной, обветной праздник. На оветный праздник пива наварят, попа привозят на оветный праздник.*

Во всех приведенных выше примерах мотивировка наименования выражена прилагательным. Используются следующие мотивы номинации:

- 1) Темпоральный – *годовой праздник*;
- 2) Указание на сакральную природу праздника – *божественной праздник, престольный праздник, столовой праздник* (ПРЕСТОЛ. 2. Высокий стол, стоящий посредине церковного алтаря [Ожегов, Шведова: 585]; др.-русск. столъ “стол, престол, сидение” [Фасмер: 764]);
- 3) Характерное действие участников праздника – *сборной праздник, съезжий праздник, оветной (обетной, обветной) праздник*;
- 4) Повод для праздника – *обещаной праздник*.

Очевидно, что диалектная атрибутивная сочетаемость слова *праздник* дает нам богатый материал, интересный не только с позиции изучения диалектной лексики, но и в лингвокультурологическом аспекте, т. к. «само понятие и явление «диалект» не следует воспринимать как чисто лингвистическое, основанное исключительно на языковой характеристике. Это явление и понятие даже не этнолингвистическое, а лингвокультурологическое, лингвоэтнографическое» [Толстой: 13]. Кроме того, материал интересен в лингвогеографическом аспекте, поскольку синонимия и многозначность наименований, в состав которых входит лексема «праздник», а также мотивы номинации атрибутов могут служить основой для создания лингвистических и этнографических карт.

Литература

- [АГ–80] – Академическая грамматика русского языка. М., 1982.
[АОС] – Архангельский областной словарь. М., 1996. Вып. 9.
Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998.
Толстой Н.И. Некоторые соображения о реконструкции славянской духовной культуры // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3.

**О сходстве условий развития некоторых процессов
в истории вокализма русских говоров**

Смирнова Юлия Владимировна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Проблема формирования различных типов вокализма 1-го предударного слога в позиции после мягких согласных является одной из важнейших в русской диалектологии. Так, не решен вопрос о происхождении ассимилятивно-диссимилятивного и умеренного яканья. Эти типы яканья распространены в том числе на территории мещерских говоров, а также к западу от них. Есть основания предполагать, что данные системы вокализма генетически связаны друг с другом и могут быть вторичными по отношению к архаическому типу диссимилятивно-го яканья. То, что умеренное яканье может развиваться из яканья ассимилятивно-диссимилятивного, подтверждается как современными диалектными данными (см. [Мораховская: 96]), так и свидетельствами памятников письменности. На механизм же образования ассимилятивно-диссимилятивного яканья (в частности, новоселковского) из архаического существуют разные точки зрения. Так, например, предполагается, что оно возникло в результате ассимиляции гласного "не-а" ([e] или близкого к нему звука) в 1-м предударном слоге ударным гласным [o] (в говорах с рассматриваемым типом вокализма он часто является звуком среднего подъема) и [a] [Касапкина, Савинов: 405].

Однако думается, что причиной изменения предударного гласного могло быть не только качество звука под ударением, но и влияние следующего за гласным "не-а" твердого согласного. Именно под воздействием согласного предударный [e] мог изменяться в [a], следствием чего становилась трансформация архаического яканья в умеренно-диссимилятивное (которое генетически предшествует новоселковской системе, см. [Мораховская: 75]). Дальнейшее развитие системы предударного вокализма, также связанное в том числе с влиянием последующих согласных (как твердых, так и мягких), в конечном итоге может приводить к формированию яканья умеренного типа, которое уже полностью основано на зависимости реализаций гласных фонем в 1-м предударном слоге от качества следующего за ними согласного.

Но для того, чтобы архаическое яканье трансформировалось именно таким образом, видимо, требовались некоторые дополнительные условия. Важно отметить, что описанный механизм преобразования [e] в [a] в предударном слоге в определенной степени сходен с изменением звука [e] в [o] в позиции перед твердым согласным, характерным для многих русских говоров. При этом необходимой предпосылкой для перехода [e] в [o] была тембральная неоднородность [e], обусловленная смягченностью предшествующего согласного; поэтому перехода не было в тех говорах, в которых согласные перед [e] отвердевали [Галинская: 130]. Подтверждением этому является тот факт, что в ряде русских говоров результаты изменения [e] в [o]

имеются в положении после шипящих согласных, однако их нет в положении после мягких парных. Такая ситуация наблюдается в мещерских говорах междуречья Оки-Клязьмы [Строганова: 109], а также в говорах тамбовской мещеры, генетически связанных с говорами западной части рязанской области [Бахилина: 279]. Видимо, в период действия закона изменения [e] в [o] вторично смягченные согласные в этих говорах перед [e] уже отвердели (хотя в настоящее время они с разной степенью последовательности вновь смягчаются), в то время как шипящие были мягкими. Такое же явление – переход [e] в [o] только в позиции после шипящих (а также [j]) – представлено в украинском языке, в котором согласные, бывшие в прошлом вторично смягченными, тверды перед [e] и сейчас.

По-видимому, такое дополнительное условие, как полноценная мягкость предшествующего согласного, действовало и при развитии ассимилятивно-диссимилятивного и умеренного яканья.

В говорах, характеризующихся сейчас умеренным яканьем, обычно наблюдаются и результаты регулярного перехода [e] в [o] после парных мягких согласных. Это касается как мещерских говоров (см. [Бахилина: 285–287]), так и говоров, расположенных западнее, в районе Коломны.

Территория же с отсутствием перехода [e] в [o] близка к территории ассимилятивно-диссимилятивного яканья [Строганова: 110]. Но начало формирования ассимилятивно-диссимилятивного яканья в таких говорах, по всей видимости, относится к тому времени, когда согласные перед [e] уже вновь стали смягчаться, хотя и не всегда последовательно. При этом важно, что для мещерских говоров с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем и случаями несмягчения согласных перед [e] характерно еканье как сопутствующий яканью тип вокализма [Мораховская: 90]. О.Н. Мораховская отмечает, что несмягчение согласных в мещерских говорах вообще часто связано с еканьем [Там же]. Возможно, еканье в ряде говоров также может быть следствием утраты архаической системы яканья и возникать тогда, когда отсутствуют условия для развития умеренно-диссимилятивного яканья и ассимилятивно-диссимилятивных типов.

Наконец, в некоторых коломенских говорах встречается и не совсем обычная система предупредного вокализма: в позиции после парных мягких согласных наблюдается иканье или еканье, в позиции же после шипящих [ч'], [ш], [ж] (или только [ш] и [ж]) действует принцип умеренности [Калнынь: 70, 79–80]. При этом появление иканья объясняется влиянием московского говора [Там же: 69]. Однако можно предложить и другое объяснение – изначальное отсутствие умеренного яканья в позиции после согласных, являющихся сейчас парными мягкими (ср. отсутствие перехода [e] в [o] в этом положении в ряде мещерских говоров). Такая же система предупредного вокализма зафиксирована в одном из сел Ерахтурского района Рязанской области [Бахилина: 287]. В прошлом всем этим говорам могло быть свойственно отвердение согласных перед [e], которое препятствовало образованию ассимилятивно-диссимилятивного и умеренного яканья и вело к распространению еканья.

Отличие от упомянутых выше мешерских говоров состоит в том, что в данных говорах отвердение должно было происходить уже после осуществления изменения [e] в [o] под ударением, поскольку результаты этого перехода здесь регулярны.

Итак, наблюдается определенная общность условий, необходимых для формирования некоторых типов яканья и для изменения [e] в [o]. Преобразования гласных звуков при данных процессах зависели от качества окружающих их согласных.

Литература

- Бахилина Н.Б.* Мешерские говоры на территории Пензенской области // Труды Института языкознания. Т. VII. М., 1957.
- Галинская Е.А.* Историческая фонетика русского языка. М., 2004.
- Калнынь Л.Э.* К истории коломенских говоров // Труды Института языкознания. Т. VII. М., 1957.
- Касаткина Р.Ф., Савинов Д.М.* Еще раз к истории развития ассимилятивно-диссимилятивного вокализма в южнорусских говорах // Проблемы фонетики. V. М., 2007.
- Мораховская О.Н.* Соотношение типов яканья в говорах рязанской мешеры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. III. М., 1962.
- Строганова Т.Г.* К изучению говоров междуречья Оки-Клязьмы // Труды Института языкознания. Т. VII. М., 1957.